

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ НАУЧНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«КАБАРДИНО-БАЛКАРСКИЙ ИНСТИТУТ
ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ»

ВЕСТНИК

Кабардино-Балкарского института
гуманитарных исследований

3 (30)
журнал выходит четыре раза в год

НАЛЬЧИК · 2016

**ВЕСТНИК
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОГО
ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Издается с 1968 г.
ISSN 2306-5826

Выпуск 3 (30), 2016
Выходит 4 раза в год

Главный редактор

д.и.н. Б.Х. Бгажноков

Редакционный совет

Акад. РАН *В.И. Тишков* (*председатель*);
член-корр. РАН *Х.И. Амирханов*; акад. РАН *Н.Н. Казанский*;
акад. РАН *А.Б. Куделин*; член-корр. РАН *В.В. Наумкин*;
д.и.н. *Ю.А. Петров*; д.и.н. *В.В. Трепавлов*

Редакционная коллегия

д.и.н. *К.Ф. Дзамихов*, д.ф.н. *Б.Ч. Бижоев*, д.ф.н. *Ж.М. Гузеев*,
д.ф.н. *А.М. Готов*, к.и.н. *А.Г. Кажаров*, к.и.н. *З.М. Кешева*,
к.ф.н. *Д.М. Кумыкова* (*ответственный секретарь*), д.ф.н. *Х.Х. Малкондуев*,
к.ф.н. *Л.Х. Махиева*, к.и.н. *Р.Г. Ошироев*, к.и.н. *Д.Н. Прасолов*,
д.ф.н. *Х.Т. Тимижев*, к.и.н. *В.А. Фоменко*

Адрес редакции:
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
ФГБНУ «Кабардино-Балкарский
институт гуманитарных исследований»
Тел.: 8 (8662) 42-50-94; E-mail: kbigi.red@mail.ru
Сайт: www.kbigi.ru

© КБИГИ, 2016
Редколлегия журнала
«Вестник КБИГИ» (составитель), 2016

THE FEDERAL STATE BUDGETARY SCIENCE ESTABLISHMENT
THE KABARDIAN-BALKARIAN INSTITUTE
FOR THE HUMANITIES RESEARCH

BULLETIN

of the Kabardian-Balkarian Institute
for the Humanities Research

3 (30)
the journal comes out four times a year

NALCHIK · 2016

**BULLETIN (VESTNIK)
OF THE KABARDIAN-BALKARIAN
INSTITUTE FOR THE HUMANITIES RESEARCH**

Published since 1968
ISSN 2306-5826

Issue 3 (30), 2016
Published 4 times a year

E d i t o r - i n - c h i e f

Doctor of History *B.H. Bgazhnokov*

E d i t o r i a l c o u n c i l

V.I. Tishkov (*chairman*), Member of the Russian Academy of Sciences;
H.I. Amirkhanov, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences;
N.N. Kazansky, Member of the Russian Academy of Sciences;
A.B. Kudelin, Member of the Russian Academy of Sciences;
V.V. Naumkin, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences;
U.A. Petrov, Doctor of History; *V.V. Trepavlov*, Doctor of History

E d i t o r i a l b o a r d

Doctor of History *K.F. Dzamikhov*; Doctor of Philology *B.Ch. Bizhoyev*;
Doctor of Philology *Zh.M. Guzeev*; Doctor of Philology *A.M. Gutov*;
Doctor of History *A.G. Kazharov*; Candidate of History *Z.M. Kesheva*;
Candidate of Philology *D.M. Kumykova* (*exec. secretary*);
Doctor of Philology *H.H. Malkonduev*; Candidate of Philology *L.H. Makhiyeva*;
Candidate of History *R.G. Oshroev*; Candidate of History *D.N. Prasolov*;
Doctor of Philology *H.T. Timizhev*; Candidate of History *V.A. Fomenko*

Address of editorial office:
18 Pushkin Street, Nalchik 360000
Kabardian-Balkarian Institute for the Humanities Research
Ph.: 8 (8662) 42-50-94; E-mail: kbigi.red@mail.ru
Site: www.kbigi.ru

© KBIHR, 2016
Editorial board of the journal
«KBIHR Bulletin» (drafter), 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Фоменко В.А.</i> Археологические памятники в долинах рек Кяфар и Бижгон (Карачаево-Черкесская республика)	7
<i>Бгажноков Б.Х.</i> Из истории Абазехии и абазехов	15
<i>Кармов А.Х.</i> Ликвидация повстанческого движения в Кабардино-Балкарии в конце 20-х гг. XX в.	23
<i>Глашева З.Ж.</i> Земельные преобразования в балкарских обществах во второй половине XIX в. (Акты, проекты, постановления)	34
<i>Мирзоев А.С.</i> Конское снаряжение и воинская экипировка черкесов в XVIII– первой половине XIX вв.	43
<i>Кумахова Д.В.</i> Традиционное и новое в одежде кабардинцев	48
<i>Абазэ И.А.</i> ТфІэкІуэда хабзитІ	52

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

<i>Кешева З.М.</i> Локальное социокультурное общество в условиях глобализационных процессов: перспективы сохранения и развития	57
--	----

ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Махиева Л.Х., Кучмезова Л.Б.</i> К проблеме вариантности в карачаево-балкарском языке	64
<i>Дзуганова Р.Х.</i> Аблаутные чередования перед направлятельными аффиксами в абхазско-адыгских языках	68
<i>Антоев А.К.</i> Функционально-семантический потенциал модальных слов в карачаево-балкарском языке	73
<i>Афаунова А.А.</i> Гендеровозрастные различия коммуникативного использования междометий в кабардино-черкесском языке	79

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

<i>Тихомиров Л.А.</i> Воспоминания об изгнании черкесов	83
---	----

РЕЦЕНЗИИ

<i>Сабанчиев Х.-М.А.</i> Новое в исследовании причин и условий формирования карачаево-балкарской диаспоры	92
<i>Малкондуев Х.Х.</i> Книга, заслуживающая уважения	97
Сведения об авторах	101

CONTENT

HISTORICAL SCIENCE

<i>Fomenko V.A.</i> The archeological monuments in the Kyafar and Bizhgon rivers basins (Karachai-Cherkessian republic)	7
<i>Bgazhnokov B.H.</i> From the history of Abazehia and abazehi	15
<i>Karmov A.Kh.</i> The elimination of the insurgency in Kabardino-Balkaria in the late 20 ^s twentieth century	23
<i>Glasheva Z.Zh.</i> Land conversion balkar societies in the second half of the XIX century (Acts, projects, decisions)	34
<i>Mirzoev A.S.</i> Horse equipment and military equipment of the Circassians in the 18th–19th centuries	43
<i>Kumahova D.V.</i> Traditional and new in the kabardians, clothes	48
<i>Abaze I.A.</i> Disappeared circassian traditions	52

PROBLEMS OF MODERN SOCIETY DEVELOPMENT

<i>Kesheva Z.M.</i> Local socio-cultural society under globalization processes: prospects for conservation and development	57
--	----

LINGUISTICS. LITERARY CRITICISM

<i>Mahieva L.H., Kuchmezova L.B.</i> To the alternativeness problem in karachai-balkar language	64
<i>Dzukanova A.D.</i> Ablautnye rotation to affixes of the guide in the abkhazian-circassian language	68
<i>Appoev A.K.</i> Functional-semantic potential of modal words in karachai-balkar language	73
<i>Afaunova A.A.</i> Gender-age differences of communicative usage of interjections in kabardian-chircassian language	79

DOCUMENTS AND MATERIALS

<i>Tihomirov L.A.</i> About «exile of circassians»	83
--	----

REVIEWS

<i>Sabanchiev H.-M.A.</i> A new study of the causts and conditions of formation of karachai-balkar diaspora	92
<i>Malkonduev H.H.</i> The book, which deserve respect	97
The authors of this issue	103

УДК 904(470.631)

В.А. Фоменко

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ В ДОЛИНАХ РЕК КЯФАР И БИЖГОН (Карачаево-Черкесская республика)

Настоящая статья подготовлена на основании справки¹, запрошенной в 2008 году проектной организацией, занятой проблемой восстановления Сторожевской малой гидроэлектростанции² (рис. 5) в Зеленчукском районе Карачаево-Черкесии. В статье учтены опубликованные в археологической литературе данные, материалы, хранящиеся в архивах, а также сведения, полученные от местных жителей, и личные наблюдения автора этих строк во время командировки в станицу Сторожевую в начале марта 2008 года.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Карачаево-Черкесия, станица Сторожевая, реки Кяфар и Бижгон, археологические памятники, Кяфарское городище, «царский мавзолей», Сидов аул.

Археологические памятники в долинах Кяфара (приток Большого Зеленчука) и Бижгона³ начали изучаться еще в середине XIX в. Археологи А.С. Фиркович, В.М. Сысоев, Е.Д. Фелицын, Г.Н. Прозрителев, Т.М. Минаева, Е.П. Алексеева, В.А. Кузнецов, В.И. Марковин, Х.Х. Биджиев и др. исследовали и публиковали материалы из раскопок здешних древних и средневековых поселений и могильников⁴.

Карта П.Н. Шишкина. Особенно ценный материал был получен геологом П.Н. Шишкиным в 1934 году, обследовавшим Верхнее Прикубанье и составившим археологическую карту Черкесской автономной области. Карта эта не была опубликована и хранится в Санкт-Петербурге в архиве Института истории материальной культуры РАН⁵. Ниже приводим сведения, содержащиеся в рукописи П.Н. Шишкина, относительно станицы Сторожевой (расположена у впадения Бижгона в Кяфар) и ее окрестностей:

1. В станице Сторожевая в 1924 году на берегу Бижгона учителем Ереминым П.Н. обнаружена могила, в которой найдены: высокий глиняный сосуд с двумя ручками, распавшийся в земле, и небольшой глиняный сосудик⁶.

2. В урочище Теплом в «Куве» у станицы Сторожевой в 1927 году Бородачевым Г.Е. при пахоте найдены две стеклянных бусины фиолетового и зеленоватого цветов, обломки глиняных сосудов и жернова⁷.

3. На горе Белоус у станицы Сторожевой в 1934 году было осмотрено древнее или раннесредневековое поселение, где есть и погребения в каменных ящиках. На поселении собраны фрагменты глиняных сосудов (рис. 1)⁸.

4. В станице Сторожевой в 1923 году Т.П. Берсенев при обработке своего огорода нашел половину бронзового энколпиона с изображением распятия (рис. 2). Размер 6 x 4 см.⁹

5. В станице Сторожевой в 1934 г. при рытье погреба П.Г. Крикуновым обнаружена могила в каменном ящике, ориентированная с востока на запад. При скелете найдены глиняные сосуды с изображениями цветов, 4 бронзовых застешки, бронзовая цепочка, спиральный бронзовый браслет в 4 витка¹⁰.

6. В станице Сторожевой при рытье погребца в доме Кизилова в 1933 г было обнаружено погребение в каменном ящике. Размеры покровной плиты 2 x 1,5 x 0,05 м. В ящике находился скелет человека, ориентированный черепом на запад. Из числа предметов находчик указал на глиняный сосуд, много железных наконечников стрел. Предметы утрачены¹¹.

7. В станице Сторожевой в 1919 или 1920 году на Комсомольской улице около дома № 61 Муруновым после дождя посредине улицы была замечена каменная плита, покрывавшая каменный ящик. Обнаружены человеческие кости, браслет, глиняные сосуды, кинжал и сабля¹².

8. В станице Сторожевая в 1932 году в урочище «Круглое» Н.М. Сомовым было раскопана могила с бытовыми предметами при костяке.

9. У станицы Сторожевой к востоку от «Толстого бугра», на берегу р. Чалык и балки, впадающей в последнюю, на возвышенности «Лохматый бугор» имеются развалины укрепления. Укрепление с северной и восточной сторон обнесено валом и рвом (наружным является вал). С северной и северо-западной сторон укрепление защищено естественными обрывами песчаниковой толщи, слагающей «Лохматый бугор». Входы внутрь укрепления прослеживаются с восточной и западной сторон. В центре расположены навалы камней. Стен с сохранившейся кладкой не замечено. Размеры укрепления с севера на юг – 24 м, а с запада на восток 36 м. Ширина рва 8 м, глубина 1 м., средняя ширина вала около 1 м. Площадь и склоны заросли лесом. Бытовых остатков (фрагментов керамики и костей животных) не найдено¹³.

10. Как отмечает П.Н. Шишкин, от жителей ст. Сторожевой получены глиняные сосуды, бронзовая дугообразная фибула с цепочкой позднекобанского типа¹⁴. Далее П.Н. Шишкин пишет, что учителем В.А. Витторе при вскрытии могилы в каменном ящике найдены несколько бронзовых дуговых фибул с цепочками позднекобанского типа, большое количество синих стеклянных бус и др.

11. На площади около церкви станицы Сторожевой П.Н. Шишкин отмечает ряд курганов, в одном из которых в каменном ящике найдены два глиняных сосуда¹⁵.

12. В районе станицы Сторожевой, в урочище Тепло, П.Н. Шишкин зафиксировал «стоянку» (поселение) на левом берегу р. Кяфар, при впадении в нее Бижгона. Найдены черепки глиняной посуды¹⁶.

13. П.Н. Шишкин подробно описывает остатки российской Надеждинской крепости в станице Сторожевой (церковь, казармы и т.д.)¹⁷.

14. На берегу реки Шамайки к западу от станицы Сторожевой П.Н. Шишкин зафиксировал остатки земляного фортификационного сооружения – редута XIX в. (рис. 3)¹⁸.

Случайные находки эпохи поздней бронзы и раннего железного века. На р. Кяфар, ниже слияния рек Кизильчук и Чилик, в 1940 г. обнаружен бронзовый топор конца II тыс. до н.э.¹⁹

В долине Кяфара, в районе ст. Сторожевой, в 1948 г. при геологических изысканиях был найден клад. Кяфарский клад датируется А.А. Иессеном 900 г. до н.э. Все найденные вещи поступили в Эрмитаж. Среди них массивный браслет полого литья, орнаментированный насечками; два гладких браслета из прута с разомкнутыми концами; обломок стержня в виде массивной утолщенной лопасти с поперечной прорезью и грубой скульптурной головкой животного; восемь обломков трубчатых пронизей со свисающими приливами различных форм, украшенных желобчатыми литыми врезами, как на браслете. На одной пронизи сохранилась маленькая головка животного на длинной шее. Издавший этот клад А.А. Иессен отмечает, что эта группа предметов личного убора характеризуется стилистическим своеобразием и известной грубостью, отличающими эти вещи от подобных предметов, обнаруженных в смежных областях Кавказа²⁰.

На р. Бижгон (точнее неизвестно) преподаватель Проваторов нашел комплекс вещей сарматского времени, в состав которого входила стеклянная чаша и зеркальце из высокооловянистой бронзы с боковой ручкой²¹.

Кяфарское городище расположено на вершине горы Шпиль между реками Кяфар и Кривая. Городище у реки Кяфар открыто в 1952 г. экспедицией Пятигорского госпединститута под руководством П.Г. Акритаса²². В 1985 г. городище изучалось Х.Х. Биджиевым²³. В 90-е гг. XX в. исследования Кяфарского городища были продолжены И.А. Аржанцевой²⁴. Укрепление занимает вершину хребта, вытянутого с севера на юг. Длина городища составляет 1260 м., максимальная ширина – 200 м. Общая площадь более 10 га (рис. 4). На городище хорошо видны одно- и многокамерные, сложенные из каменных плит насухо жилые и хозяйственные постройки; прослежены улицы и переулки; выделяется центральная площадь; выявлены остатки небольшой церкви и языческого святилища с жертвенником, дорога от нижнего поселения на укрепление. Со стороны долины реки зафиксирована оборонительная стена (ширина – 2,7 м, высота до – 3 м) сложенная из камня. Въезд на городище – проем в стене шириной около 3 м. Кяфарское городище датируется VIII–XIII вв.²⁵

На территории и в окрестностях городища известно несколько раннесредневековых могильников, состоявших из дольменообразных склепов и гробниц²⁶, а также каменных ящиков. Вблизи городища находился т.н. царский мавзолей XI в.²⁷

Дольменообразные склепы. Значительная концентрация дольменообразных построек наблюдается в долине р. Кривой (приток р. Кяфар) в Зеленчукском районе Карачаево-Черкесии в непосредственной близости от Кяфарского городища или городища Шпиль²⁸. Здесь расположено несколько могильников, состоявших из дольменообразных склепов. Городище, составляющее с могильниками один комплекс археологических памятников. Летом 1953 г. экспедиция Пятигорского госпединститута под руководством В.А. Кузнецова продолжила разведку в долине р. Кривой и исследовала два древних могильника. Могильник № 1 насчитывал не менее 100–150 наземных могильных сооружений, располагался на левой стороне балки и занимал часть плоской вершины невысокого водораздела между реками Кривая и Кяфар. Могильник № 2 состоял из 45–50 наземных гробниц и располагался на террасовидной площадке на правой стороне балки. Дата наземных гробниц определяется VIII–XII вв., причем большая часть их, как отмечает исследователь, датируется временем позже VIII в.²⁹

Рядом с горой Шпиль находится возвышенность, которую местные жители называют горой Ордан (искаженное от имени Иордан). Здесь еще в 1952 году был обнаружен могильник, состоявший из дольменообразных наземных склепов. Все они в плане четырехугольные, прослеживается цоколь. В передней стене имеется отверстие круглой или овальной формы. Плиты склепов орнаментированы геометрическими, солярными, антропоморфными и зооморфными изображениями. Среди этих склепов выделялся монументальностью т.н. «царский мавзолей», который в 1957 году был перевезен в Ставропольский краеведческий музей³⁰. Общее число частично сохранившихся наземных склепов здесь составляет 11. Датируется этот могильник XI в.³¹ В 1972 и 1975 гг. дольменообразные постройки на горе Иордан обследовал Краснодарский отряд Института археологии, возглавляемый известным специалистом по памятникам Северного Кавказа эпохи бронзы В.И. Марковиным. В.И. Марковин считал, что сооружения на горе Иордан являются составными дольменами эпохи бронзы, но в средние века дольмены перестраивались и дополнительно украшались рисунками³².

В окрестностях Кяфарского городища также были открыты наземные гробницы. В верховьях реки Бижгон Т.М. Минаевой отмечен могильник, состоящий из нескольких десятков гробниц³³. Дольменообразные постройки с четырехугольными и круглыми отверстиями в передней стенке выявлены Е.Д. Фелициным на левом берегу р. Кяфар³⁴.

Остатки церквей и каменные кресты. Г. Куликовский в верховьях р. Кяфар отмечает остатки двух одноапсидных церквей – одной прямоугольной, другой крестовидной в плане³⁵. На топографической карте, составленной в конце 40-х годов XIX в., у аула Сидова указаны развалины древнего поселка с каменными зданиями, два укрепленных лагеря и еще какие-то развалины³⁶. По словам К. Сталя, против бывшего аула Сидова имелись церковь в развалинах, греческие надписи и руины «большой колонии и крепости»³⁷. Как указывает К. Сталь, в верховьях р. Кяфар, в 6 км. выше аула Сидова, имеются остатки церкви³⁸. Об остатках крепости в урочище Мечеть, в 12–13 км к югу от Сторожевой было известно и геологу П.Н. Шишкину³⁹.

Каменные кресты с обломанным верхом, с закругленными оконечностями и со следами греческих букв отмечены на Теплой речке и в 12 км к югу от ст. Сторожевой. В самой станице Сторожевой найдена каменная плита с изображениями крестов, знаков или букв. Углубления в плите указывают, что она служила в былое время подставкой для крестов⁴⁰.

Каменные статуи. Примечательны скульптуры, обнаруженные на р. Бежгон в окрестностях ст. Сторожевой, которые названы «статуями христианских рыцарей»⁴¹. Это две каменные статуи воинов в полукафтани или короткой одежде, окаймленной басмой, с застежками-пуговицами на груди, в шлеме, с изображением креста на шлеме и плечах. Вокруг талии – узкий пояс, к которому привешены справа мешок, слева короткий, немного загнутый меч, на рукоятке которого лежит левая рука. В правой руке у одной фигуры меч, у второй – бокал. Лица сохранились у обеих статуй. Черты лица и очертания рук правильны, хотя и довольно грубы.

С реки Кяфар (точнее неизвестно) происходит обломок каменной стелы (верхняя часть туловища без головы). В настоящее время находится в Ставропольском краеведческом музее⁴¹.

Сидов аул. Несколько ниже места слияния р. Кривой с р. Кяфаром находился абазинский аул Сидов.

П.Н. Шишкин описывает могильник в урочище «Мечеть» на левом берегу реки Бижгон, расположенный в 12–15 км. к югу от станицы Сторожевой. Погребения – невысокие холмики с каменными плитками, поставленными возле этих холмиков. Очевидно поздний мусульманский могильник. Тут же отмечены остатки двух «турб» (наземных склепов). Остатки одной «турбы» вскрыты. «Турба» имела форму восьмигранника с сторонами длиной 1,2 x 1,9 x 1,95 x 2 x 2,1 x 2 x 0,4 м и от восьмой грани сохранился лишь незначительный выступ, т.к. здесь по-видимому была дверь. Внутренняя часть «турбы» овальной формы. Диаметр ее 3,35–3,2 м. В центре вырублена могила в форме трапеции. Могила разграблена. «Турба» имеет следы штукатурки⁴³. Судя по описанию П.Н. Шишкина могильник относится к XVIII – середине XIX в. и вполне мог являться кладбищем аула Сидова.

На р. Кяфар или Бижгон близ современной станицы Сторожевой неизвестный топограф зафиксировал арабскую надпись-эпитафию «... убитый Шака б. Тарши». Дата надписи по Л.И. Лаврову не ранее XVIII в. и не позже 30-х гг. XIX в.⁴⁴ Поскольку на р. Кяфар несколько ниже места слияния с р. Кривой в это время существовал абазинский аул Сидов, а балка Кривой и позже называлась балкой Сидова⁴⁵, можно предположить связь эпитафии с кладбищем аула Сидова.

В верхнем течении р. Бижгон, в том месте, где Бижгон круто поворачивает к западу. Т.М. Минаева упоминает о нахождении здесь, на возвышенном плато по левую сторону реки, кладбища из разрушенных каменных гробниц или склепов, вероятно раннесредневековых. В северо-восточном углу плато – остатки какого-то четырехугольного строения, может быть мечети, как отмечает Е.Д. Фелицин на своей карте. В центре плато – круглый в плане колодец с водой⁴⁶.

Поездка 2008 года. В начале марта 2008 года автор этих строк находился в командировке в станице Сторожевой и получил от местных жителей следующие сведения.

В районе переулка Низовой в станице Сторожевой сохранились остатки каменных стен крепости XIX в.

В 2006 году при земляных работах по устройству водопровода в станице Сторожевой (ул. Ленина, дом 50) было обнаружено погребение в каменном ящике.

На возвышенности Пикет близ развалин Сторожевской МГЭС находятся остатки укрепления и могильника, состоящего из каменных ящиков и склепов. Далее к югу на склонах этой же возвышенности находились более поздние (мусульманские) погребения под небольшими насыпями. Эти могилы связываются казачьим населением станицы с боевыми действиями российских войск против Мухамед-Амина (середина XIX в.)⁴⁷.

На берегу реки Кяфар в восточной части станицы Сторожевой местные жители находили погребения и бронзовые кресты.

При въезде в станицу (северная часть) я осмотрел группу курганов (10–15 насыпей). Часть этих курганов находится на окраине населенного пункта, а часть застроена (ул. Солнечная). Судя по форме и размерам насыпей, курганы, вероятно, датируются эпохой бронзы III–II тыс. до н.э. или позднего средневековья (XIV–XVII вв.).

Таким образом, в результате проведенного исследования, я пришел к выводу, что на территории занимаемой станицей Сторожевой Зеленчукского района КЧР, а также в ее окрестностях (в частности, в долинах рек Кяфар и Бижгон) расположены многочисленные археологические и исторические памятники. Многие из этих памятников слабо изучены или не изучены.

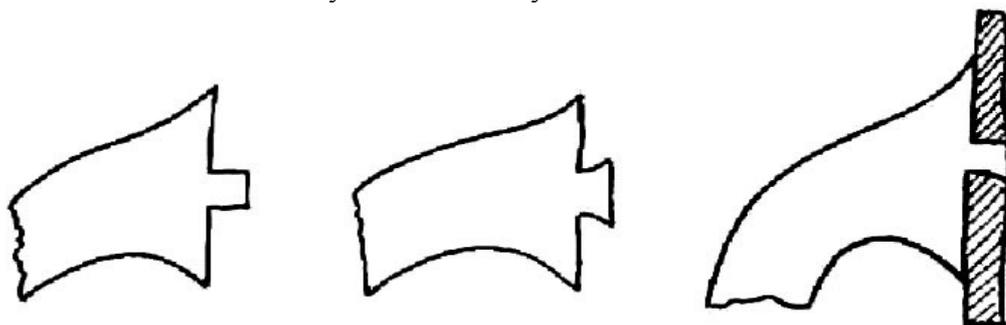

Рис. 1. Фрагменты ручек глиняных сосудов с поселения на горе Белоус (по П.Н. Шишкину)

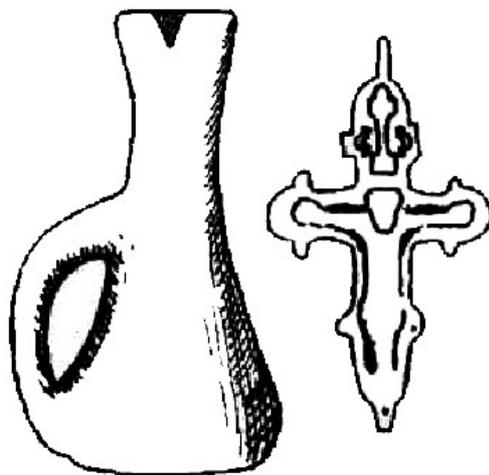

Рис. 2. Глиняный сосуд (точное происхождение неизвестно) и половина бронзового креста-энколтиона (находка в Сторожевой 1923 г.) (по П.Н. Шишкину)

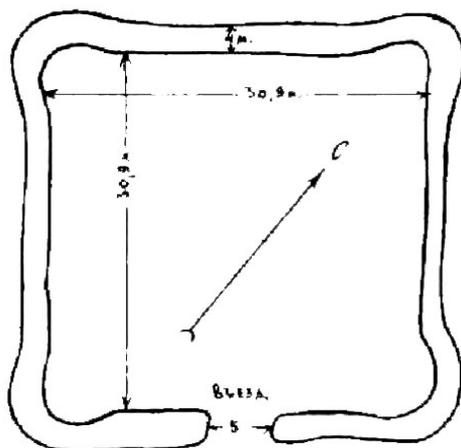

Рис. 3. План земляного укрепления (редута) на берегу реки Шамайка (по П.Н. Шишкину)

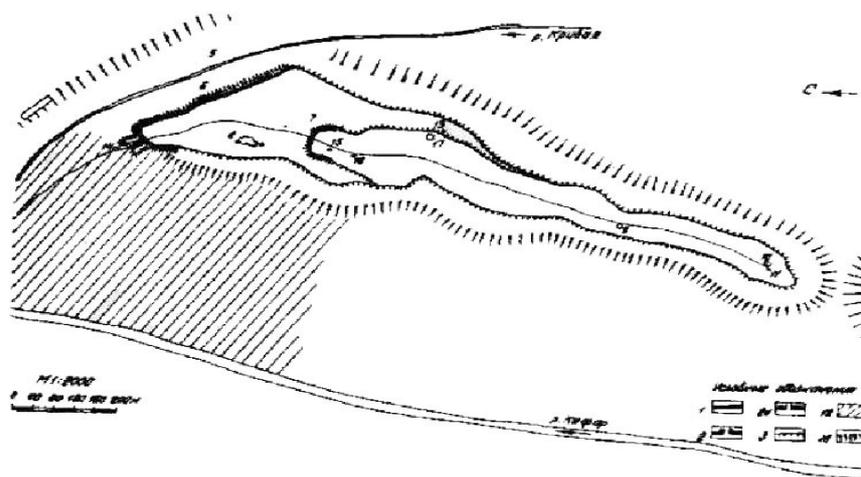

Рис. 4. План Кяфарского городища. 1 – оборонительная стена, 2, 2а – въезды в городище, 3 – обрыв, 4, 5, 6 – могильники, 7, 13, 15, 16 – разрушенные погребения, 8 – останец с лестницей, 9 – скала, 10 – главная постройка цитадели, 11 – остатки церкви, 12 – селище, 14 – плита со знаками, 17 – раскопанная постройка, 18 – граница скалы, 19 – дорога (по Х.Х. Биджиеву, 1989).

Рис. 5. Сохранившаяся часть ГЭС на юго-западной окраине станции Сторожевой

Примечания

1. Справка о наличии археологических памятников в станице Сторожевой, на реках Кяфар и Бижгон составлена 11.03.2008 г. заведующим сектором археологии Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований, кандидатом исторических наук, доцентом В.А. Фоменко.
2. Сторожевская малая гидроэлектростанция была построена в 1951 г.
3. Гидроним «Кяфар» переводится как «неверный», т.е. не верующий в Аллаха, в т.ч. христианин. Значение топонима «Бижгон» мне не известно.
4. История изучения археологических памятников Карачаево-Черкесии до начала 90-х гг. XX в. описана в монографии: Алексеева Е.П. Археологические памятники Карачаево-Черкесии. М., 1992.
5. Шишкин П.Н. Материалы к археологической карте Черкесской автономной области. Архив Института истории материальной культуры РАН. Дело № 1406. 164 л.
6. Шишкин П.Н. Указ. соч. С. 120.
7. Там же. С. 121.
8. Там же. Л. 45. Табл. 11. Рис. 1.
9. Там же. С. 114, Табл. 15. Рис. 8.
10. Там же. С. 116.
11. Там же. С. 115.
12. Там же. С. 118.
13. Там же. Л. 47 и 48.
14. Там же. Л. 61.
15. Там же. Л. 61. Табл. 15.
16. Там же. Л. 5 об., 52, 53.
17. Там же. Л. 5 об., 50–52 об.
18. Там же. Табл. 27.
19. Минаева Т.М. Археологические памятники Черкесии // Труды Черкесского НИИ. Черкесск, 1954. Вып. 2. С. 280.
20. Иессен А.А. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1951. Вып. 23. С. 93. Рис. 22; С. 94.
21. Алексеева Е.П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971. С. 66.
22. Фоменко В.А. Кавказовед Панаит Георгиевич Акритас // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. Нальчик: КБИГИ, 2016. Вып. 2 (29). С. 7–12.
23. Биджиев Х.Х. Исследование средневековых поселений Карачаево-Черкесии и степного Предкавказья в 1985–1986 гг. // Вопросы археологии и средневековой истории Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1989. С. 7–23.
24. Аржанцева И.А. Аланское городище Кяфар IX–XII вв н.э. в Карачае // Карачаевцы и балкарцы: язык, этнография, археология, фольклор. М., 2001.
25. Биджиев Х.Х. Исследование средневековых поселений Карачаево-Черкесии и степного Предкавказья в 1985–1986 гг. // Вопросы археологии и средневековой истории Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1989. С. 7–23.
26. Кузнецов В.А. Наземные гробницы ... С. 88.
27. Фоменко В.А. О т.н. «царском» мавзолее на реке Кяфар в Верхнем Прикубанье // Вестник КБИГИ. Нальчик: Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН, 2013. Вып. 1 (20). С. 49–57.
28. Фоменко В.А. Раннесредневековые дольменообразные склепы Верхнего Прикубанья (вопросы хронологии и культурно-этнической принадлежности) // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. Нальчик, 2011. Вып. 4 (42). С. 59–65.
29. Кузнецов В.А. Наземные гробницы на реке Кривой в Ставропольском крае // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М., 1959. Вып. 76. С. 83–89.
30. Селунская И. Ставропольский государственный краеведческий музей им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе. Роман о музее. Ставрополь, 2005. С. 67–69.
31. Охонько Н.А. Семантика изображений аланской гробницы XI в. Кяфарского городища // Аланская гробница XI в. Ставрополь, 1994. С. 3–34.
32. Марковин В.И. Дольменные постройки в бассейне р. Кяфар // Советская археология. М., 1983. №. 3. С. 90–109.

33. *Минаева Т.М.* Археологические памятники Черкесии // Труды Черкесского НИИ. Черкесск, 1954. Вып. II. С. 275.
34. *Кузнецов В.А.* Аланские племена Северного Кавказа // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1962. Вып. 106. С. 46.
35. *Сысоев В.М.* Поездка на Зеленчук, Кубань и Теберду летом 1898 года. М., 1898. Вып. VII. С. 123.
36. *Прозрителев Г.Н.* Древние памятники христианства на Северном Кавказе // Сборник сведений о Северном Кавказе. 1906. Т. 1. С. 13.
37. *Сталь К.* Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. Тифлис, 1900. Т. 21. С. 109.
38. *Сталь К.* Указ. соч. С. 110.
39. *Шишкин П.Н.* Указ. соч. Л. 5 об., 46 об.
40. Материалы по археологии Кавказа. М., 1898. Вып. VII. С. 142. № 27 и 29. Рис. 36, 38.
41. Материалы по археологии Кавказа. М., 1898. Вып. VII. С. 141. № 21; Табл. 22, 5, 6.
42. *Минаева Т.М.* К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь, 1971. С. 214.
43. *Шишкин П.Н.* Указ. соч. Л. 46–47.
44. *Лавров Л.И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа XVIII–XX вв. М., 1968. Ч. 2. С. 99.
45. *Алексеева Е.П.* Археологические памятники Карачаево-Черкесии. М., 1992. С. 39.
46. *Минаева Т.М.* Археологические памятники Черкесии // Труды Черкесского НИИ. Черкесск, 1954. Вып. 2. С. 275; *Минаева Т.М.* К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь, 1971. С. 46–47, 66.
47. *Фоменко В.А.* Историко-археологические памятники абазин XVI – начала XX в. на территории КЧР // Российская государственность в судьбах народов Северного Кавказа. Пятигорск, 2010. С. 298–305.

V.A. Fomenko

**THE ARCHEOLOGICAL MONUMENTS
IN THE KYAFAR AND BIZHGON RIVERS BASINS
(Karachay-Cherkess Republic)**

The present article has been prepared on the basis of the reference made in the year of 2008 by the request of the construction project organization engaged in the problem of the rebuilding of the Storozhewskaya hydroelectric power ministration in the Zelenchuk region of Karachay-Cherkessia. The earlier published in the archeological research works data, the materials kept in the archives also the information obtained from the local residents and the personal observations of the author of this paper during his business tour to Storozhewaya stanitsa (kossaks' village) in march 2008 have been taken into consideration in the article.

Keywords: the North Caucasus, Karachay-Cherkessia, Storozhewaya stanitsa (kossaks' village), Kyafar and Bizhgon rivers, archeological monuments, Kyafar settlement, «royal mausoleum», aul (mountain people village) Sidov.

Б.Х. Бгажноков

ИЗ ИСТОРИИ АБАЗЕХИИ И АБАЗЕХОВ

Абазехия была одной из самых больших областей Черкесии. Вопросы этнической, культурной, политической истории абазехов рассматриваются в статье в тесной связи с историей соседних народов Черкесии и Абазии – убыхов, шапсугов, натухайцев, джигетов.

Ключевые слова: Абазехи, черкесы, абазы, убыхи, джигеты, Синдика, Инал II, Западная Черкесия, Абхазия.

С древних времен абазехи обитали высоко в горах на южном и северном склонах Кавказского хребта. И этим отличались от всех других абазских племен. На южной стороне они занимали склоны гор в верховьях (и выше) рек Аше, Псезеу, Шахе, Саше, Псаха, а на северной – земли в верховьях рр. Шхагуаша (Белая) и Пшеха в живописной долине под названием *Туба/Туби*.

По данным Ад. Берже, в этом месте абазехи жили вместе с верхними убыхами и, будучи связаны с ними «родством и присягой», составляли почти один народ¹. Убыхи, в свою очередь, граничили здесь с джигетскими племенами – с горными садзами (ахчипсоу, мудавей, псху и др.) в верховьях рр. Сочи, Мзымта, Псоу. О том же пишет А.Н. Дьячков-Тарасов, специально подчеркивая, что абазехи считают убыхов «родственным племенем»².

Все это предопределило особое положение абазехов в этнической, политической, культурной истории Абазии и Западного Кавказа в целом. Они стали средоточием зихско-убыхского и шире – зихско-абазгского и черкесско-абхазского культурно-языкового взаимодействия и единства. Не случайно племя *туби* представляют в одних, наиболее ранних, источниках убыхским, а в других включают в состав и область абазехов³.

Общество *Туби* или *Тубе-хабль* считается, по словам Дьяčkова-Тарасова, «колыбелью абазгского племени», местом, где все основные и подлинно абазехские родовые группы и фамилии имели свой пай⁴. Среди народа было распространено мнение, что со времени поселения их предков в Тубе прошло 600 лет (16 поколений), что отсылает нас к событиям XIII века. Любопытны аналогичные сообщения Ю. Клапрота. Из них следует, что абазехов в прошлом называли по месту их обитания *туби*. Отмечается, что туби и убыхи жили в самых высокогорных районах, омываемых реками Шагваша (Белая) и Псах (Пшеха) вместе с убыхами и говорили на диалекте абазинского языка⁵. Возможно, это был убыхский язык, на котором жители этих мест говорили также хорошо, как на родном адыгском (зихском) языке.

Известен наряду с этим этнический термин «шинджишве». Так по свидетельству П.К. Услара и Л.Г. Лопатинского называли убыхи абазехов⁶. Видимо, такое наименование своих северных соседей ассоциировалось у брухов (убыхов) времен античности и раннего Средневековья с синдами. А синды и Синдика представлялись народом и страной за Кавказским хребтом. К такому выводу предрасполагает логика исторической географии и культурного взаимодействия древних племен Западного Кавказа. Поэтому, например И.А. Джавахишвили считал вполне возможным возникновение этнического термина *синды* на почве распространенного у местных (абазгских) племен названия *шинджишве*⁷.

Что касается второго компонента этого термина – *шве*, то, скорее всего, он соответствует абхазскому слову *ашвуа*. Это, как мы убеждаемся, весьма загадочный этнический и одновременно географический термин, заслуживающий особого внимания.

По свидетельству Ш.Д. Инал-Ипа, в абхазской среде слово *ашвуа* использовалось как собирательное обозначение всех абазин или абазгов, – как на южном, так и на северном склоне Кавказского хребта. По его словам, «абазины до своего переселения на Северный Кавказ представляли собой обособленную часть единого абхазского этнического массива, которая, населяя северо-западные горные области Абхазии и прилегающие места, в том числе, может быть, частично и какие-то территории за хребтом, была известна под своим особым племенным названием «ашвуа»⁸.

Отмечается также, что абхамам неизвестно деление абазин Северного Кавказа на *тапанта* и *икаруа* (*аихаруа*). Всех абазин называют «ашвуа»⁹.

Основываясь на данных Инал-Ипа, Е.П. Алексеева приходит к выводу о том, что разделение абхазцев и абазин произошло еще в Закавказье, до миграции значительной части абазин на Северный Кавказ, в Черкесию¹⁰.

Но абазины, надо сказать, не называют себя именем *ашвуа* и, кажется, вообще не знают этого слова. Возникают и другие вопросы. Например, неизвестно какими данными руководствовался Г.Ф. Турчанинов, утверждая, что в III тыс. до н.э. абхазы, абазины и убыхы называли себя ашуйцами, а страну свою Ашуйей, что территория страны Ашуйя включала в себя всю Колхиду и колхов, а также весь Северо-Западный Кавказ, простираясь едва ли не до берегов Дона¹¹.

Следует, наконец, понять, как согласуется все вышесказанное с данными А.Н. Генко о том, что в языке современных абхазов слово *ашвуа/ашвы* используется в качестве географического, а не этнического понятия. «Абхазцы, живущие на юге Главного Кавказского хребта, на берегу Черного моря, – пишет он, – называют северокавказскую равнину особым термином: *Ашвы* или *Ашвадвы*, абазин соответственно называют *Ашвыуаа*»¹².

Отсюда выражения *Ашвыкъя дцайтI* «Он отправился на Северный Кавказ», *АшвытIе даайт* «Он прибыл с Северного Кавказа»¹³.

Безусловно, материалы, суждения, оценки, так или иначе связанные с семантикой и прагматикой слова *ашвуа*, с его местом, в истории Западного Кавказа очень важны. И хотя здесь много своих очень сложных вопросов, имеющиеся данные позволяют лучше понять значение убыхского названия абазехов. На наш взгляд, элемент *шве* в этнониме *шинджишве* восходит к абхазо-абазгскому *этногеографическому* (скажем так) термину *ашвуа*. Это означает, что в представлении убыхов абазехи были *синдскими абазгами* или абазгами этнически и территориально близкими к синдам и к Синдике на Северо-Западном Кавказе.

С образами Синдики в Нижнем Прикубанье были связаны у зихов и абазгов различные другие названия. Среди хорошо известных и в настоящее время можно назвать аул *Шинджий*, недалеко от Краснодара, городище *Шинджыр* близ Анапы, Шинджийский хребет – *Шинджемитх* в районе аула Малое Псеушхо, горный хребет *Шинджемьдэль* – совр. Пшадский перевал¹⁴. Синдика (*Шинджий*) воспринималась как старое название всего Северо-Западного Кавказа, на который в течение многих столетий были обращены взоры абазгов и зихов.

Продвигаясь постепенно через хорошо известные им перевалы в предгорья и на плоскость Северного Кавказа, к началу XIX в. абазехи заняли в Закубанье огромную по меркам Западной Черкесии территорию. Достигая по данным 1830–1862 годов 7150 квадратных верст¹⁵, она была равна территории современной Адыгеи. По сведениям Хан-Гирея, которые повторяются в очерке Дьячков-Тарасова об Абазехии, ее земли простирались с северо-запада на юго-восток на 200 верст – от реки Деккоай (левый приток р. Шагуаша) до реки Псефир (правый приток р. Фарс) на востоке.

На западе Абазехия граничила с Шапсугом, на севере с Бжедугией, Хатукаем, Темиргоем, Махошем и Бесленеом. На юге земли абазехов пролегали по Кавказскому

хребту и граничили с землями убыхов и шапсугов, на востоке соприкасались с землями абазин-шкарау общества Шегерей.

Некоторым авторам территория Абазехии представлялась еще масштабней. Ю. Клапрот пишет, что расстояние между восточными и западными границами достигало 250 верст. Абазехия раскинулась, по его словам, от «реки Лаба до реки Сабдя (?)», недалеко от турецкой крепости Анапа»¹⁶. Явное преувеличение границ на западе свидетельствует в данном случае не столько об ошибке Клапрота, сколько о том, что он не видел большой разницы между абазехами и шапсуго-натухайцами. И в самом деле, в социальном пространстве Абазии шапсуги, натухайцы и абазехи были единым – зихским народом, разделившимся на три части под разными названиями. Надо отметить в данной связи, что еще до массовой миграции на север в еще большей степени, чем с абазгами (с убыхами и садзами) были объединены абазехи с шапсугами и натухайцами. И не только географически – по горным перевалам и хребтам, но и этнически – по счету родства в широком смысле этих слов. Известно, что основные абазехские фамилии и братства находились в родстве и в постоянном контакте с шапсугско-натухайскими братствами и фамилиями.

С выходом из Абазии на черкесскую равнину связано, по-видимому, название, которое дали абазехам жители Черкесской равнины. В среде темиргоевцев, хатукаевцев и других адыгских народов распространяется постепенно этноним *абдзэх*, в котором локативный суффикс *х/хэ* несет в себе значение «низ», «низовье». При этом некоторое время сохранялось еще разделение абазехов на верхних и нижних. Об этом пишет Дьячков-Тарасов, который приводит черкесские названия тех и других: *эпишр-абадз*, *их-абадз*¹⁷. Осталось и распространилось в конечном итоге одно из них – последнее, которое в результате метатезы приобрело форму *абдзэх*. Об этом свидетельствует и тот факт, что в русских документах середины XIX в. абазехами называли ту часть этого народа, которая жила в низовьях рек. Другую часть, оставшуюся в горах, называли просто абазами¹⁸.

Можно, следовательно, предположить, что термин *абдзэх* возник сравнительно поздно и связан с массовой миграцией абазехов в Черкессию и расселением на ее равнинных территориях. В нашем понимании, такое наименование дано этой группе абазских переселенцев в связи с их размещением ниже Абазии – по северо-западным отрогам Кавказского хребта, нисходящим к морю и к низовьям Кубани. Здесь абазехи потеснили махошей, темиргоевцев, егарукаевцев, бжедугов и, возможно, даже шапсугов и заняли плодородные земли по течению рек Фарс, Белая (Шхагуаша), Курджипс, Пшеха, Пшиш, Псекупс, Шеш, Афиш.

Однако, и в случае иного толкования элемента *хэ* – как общности людей на определенной территории – ничего в принципе не меняется. По этой версии термин *абдзэх/абдзэхэ* означает «общность абазов» или «общность выходцев из Абазии», что несколько не противоречит факту зихского происхождения абазехов и опровергает казавшуюся вполне убедительной точку зрения, согласно которой абазехи это абазины, сменившие свой язык на черкесский.

Обычно сторонники этой версии ссылаются на название этого народа, на использовании в нем политонима *абазэ/абадзэ*. Но абазами, как мы знаем, называли и шапсугов, и натухайцев, а иногда и жанеевцев, не допуская мысли о том, что они были когда-то абхазоязычными племенами. Например, в рапорте Бековича-Черкасского графу Паскевичу от 17 сентября 1830 г. собирательное имя Абадзэ применяется не только к абазехам, но также к шапсугам и натухайцам¹⁹. Абазами именуют шапсугов и натухайцев Тэбу де Мариньи, Дюбуа де Монпере, Дж. Белл, Дж. Лонгворт, Т. Лапинский и многие другие бытописатели Черкессии. В то же время, как правило, они указывают, что это народы, родным языком которых является адыгский, а не абазинский язык, что сами себя они называют адыгами. В ряде случаев общая характеристика адыгских народов Абазии снабжается

экскурсом в историю, подчеркивается, что в древности и в сравнительно недавнем средневековом прошлом их называли зихами и народами Зихии²⁰.

О зихском происхождении абазехов свидетельствует и характер распространенных в их среде родовых имен и фамилий. По сведениям Л.Я. Люлье общее число абазехских родовых групп и фамилий достигало 80. Из них главнейшими считались: Цей, Куб, Дзид, Хаток, Свюзе, Тлишь, Кут, Кетаур, Бирица²¹.

Согласно данным Хан-Гирея крестьянские братства Абазехии объединяли 58 родов или фамилий²² при общей численности населения (по подсчетам Т. Лапинского) – 345 100 душ²³. Среди них известные и сейчас адыгские (адыгейские, черкесские, кабардинские) фамилии: Хатковых, Меретуковых, Цеевых, Хуажевых, Хутовых, Барсоковых, Тановых, Хакуриновых, Тлишевых, Шеожевых, Куашевых, Хапачевых, Брантовых, Хашевых, Сейменовых, Шинаховых, Абидовых, Кубовых, Аутлевых, Булатовых, Мирзовых, Куваевых и др. После Кавказской войны в состав абазехов вошли и некоторые фамилии явно шапсугского происхождения: Кoble, Ту и др. При этом не исключено, что некоторые фамилии имеют абазгское (абазинское) происхождение. Это вполне естественно для Абазии, где зихи и абазги находились в едином культурном, социальном и политическом пространстве, постоянно, каждодневно общаясь друг с другом, соблюдая одни и те же обычаи, вырабатывая общий взгляд на мир.

Помимо крестьянских соприсяжных братств, в Абазехии, также точно, как в Шапсугии и Натухае, были созданы соприсяжные братства дворян – *Кушмез* и *Оздемир* – по именам «родоначальников» этих союзов. В братство Кушмез входили дворянские роды Анфоко, Джанчата, Бешико. Более крупное объединение Оздемир включало в свой состав пять дворянских родов: Едыдж, Инамуко, Даур, Хуштеко, Недоко²⁴. Эти фамилии также широко известны и распространены по сегодняшний день во всех местах проживания адыгов. При этом считается, что род Едидж (Едиговых) монголо-татарского происхождения.

Особого внимания заслуживает и упомянутое выше сообщение Хан-Гирея о том, что братства Абазехии были разделены дополнительно к этому «на две главные отрасли»: *Куба* и *Цбе*. «Родоначальниками» этих отраслей считались соответственно, две легендарные фамилии *Акаце* и *Аццебае*. При этом упомянутое выше дворянское братство Кушмез вошло в состав союза крестьянских братств *Куба/Акаце*. А дворянское братство Оздемир в свою очередь объединилось с союзом крестьянских братств *Цбе/Аццебае*²⁵.

В довершение ко всему эта сложная система родоплеменных и политических связей и отношений объединялась, как сказано выше, с аналогичными системами шапсугов и других народов Абазии. Т. Лапинский утверждает, что восемь абазехских крестьянских братств (имена которых он, к сожалению, не называет) находились в родстве и состояли в политическом союзе с восьмью шапсугско-натухайскими братствами. Система установленных таким образом отношений была еще сложнее. Она выражалась, по свидетельству Т. Лапинского, в том, что также как у шапсугов, у абазехов из восьми родовых союзов «каждые два родственны между собою и образуют, собственно, одно племя, причем каждое из восьми племен шапсугов состоит в родстве с одним из восьми племен абазехов»²⁶.

Сейчас уже трудно сказать, как именно были сгруппированы и объединены в восемь (как утверждает Т. Лапинский) братств абазехские фамилии, какие именно названия носили эти братства, с какими именно шапсугскими братствами состояло каждое из восьми абазехских братств. Данные Л.Я. Люлье, Хан-Гирея, Т. Лапинского и других авторов на этот счет не достаточно полны и определены. Но из сообщений Ад. Берже мы узнаем, что родственные связи абазехских родовых союзов с шапсугско-натухайскими союзами действительно имели место. Мало того, в 1834 году они были закреплены «по общественной присяге»²⁷. Это означает, что родство этих народов было подтверждено публично (на собрании представителей

от каждой из сторон) клятвой на коране. Тем самым союзу абазехов с шапсугами и натухайцами был придан характер закона с целым рядом норм, требующих неукоснительного исполнения.

Судя по всему, точно также – через соприсяжные братства, осуществлялись социальные, культурные политические связи абазехов, а, следовательно, и шапсугов с убыхскими и джигетскими обществами. Об этом свидетельствуют материалы дневниковых записей Дж. Белла, Дж. Лонгворта, Т. Лапинского. Особенно ясно и подробно писал об этом Ад. Берже, ср.:

«Убыхи тесно связаны родством и присягою с Абадзехами, с которыми составляли прежде один народ, живший на юго-западной покатости главного Кавказского хребта. Язык Убыхский ныне язык простонародия; им говорят преимущественно обитатели горных ущелий и морского берега. Дворяне Убыхские все говорят Адигским языком, но многие из них и из черни, находясь по топографическому положению своему в соседстве с Абхазцами, говорят свободно и на языке последних»²⁸.

Таким образом, в рамках Большой Абазии, которая существенно раздвинула свои границы и заняла к середине XIX в. значительную часть Западной Черкесии, был создан политический союз черкесских братств, своего рода Республика Абазия. Занимая промежуточное положение между Абхазией и Черкесией, продолжая борьбу за независимость, теперь именно Абазия представляла интересы родственных народов Центрального и Западного Кавказа, выступала от имени всей Черкесии и на международной арене.

В то же время абазехи стали одним из главных черкесских народов, превосходившим по своему политическому весу даже шапсугов. Недаром именно с абазехами сблизилась воссозданная после ермоловских погромов и расправ независимая Западная (Закубанская) Кабарда или Кабарда во главе с Магометом Атажукиным и Кушуком Ажгиреевым. Затем именно Абазехия стала опорой наибов Шамиля Хаджи Мухаммеда (1842–1844), Сулеймана Эфенди (1845–1846), Магомет-Амина (1845–1859). Отсюда, как известно, они осуществляли свою политику объединения и координации усилий всех горцев Кавказа в борьбе за независимость. Наконец, именно в Абазехию, в урочище Хамкеты прибыл в 1859 году взошедший после Николая I на царский престол император Александр II для переговоров с черкесскими предводителями²⁹.

Как следует из всего этого, в XIX в. абазехи оказались в центре политической жизни всей Западной Черкесии.

Нужно отметить, однако, что и раньше они занимали особое место в политической и культурной истории абхазо-адыгов. В течение многих столетий Абазехия была пограничной зоной, зоной фронта между черкесами и абазами, но в то же время и зоной наибольшего взаимного притяжения и сближения двух областей абхазо-адыгского мира – Черкесии и Абазии. Безусловно, народ Абазехии, как и Абазии в целом являлся одновременно зихско-абазгским и черкесским.

Примером воплощения в социальную жизнь условий, в которых формировался народ Абазехии, являются упомянутые выше эпонимы *Акаце* и *Аццебае*. По нашему мнению, они восходят к названиям древних племен, представители которых, объединившись, стали основой абадзехского народа и Абазехии как самостоятельной области в составе Абазии и Черкесии. При этом эпоним Акаце восходит к средневековым касам. А еще точнее – к акацирам, акасам³⁰. Что же касается эпонима *Аццебае*, то он прямо соотносится с зихско-абазгским родоплеменным объединением *Аше/Ашае/Ашба*.

Отсюда, как мы понимаем, знатная дворянская фамилия *Ашабэ* в Кабарде и ряд других, распространенных фамилий с корневой морфемой *аш/ашэ* – *Ашэ-бокъуэ*, *Ашэ*. На этой же основе возникло, вне всякого сомнения, название реки *Аше* (*Ашэлей*) на Восточном побережье Черного моря³¹. В живописной, оваянной

многими легендами долины, по которой эта река течет, жил, по всей вероятности упомянутый выше зихско-абазгский владетель и князь Оздемир. По сведениям Ш. Ногмова, этот князь отстаивал позицию полной независимости Абазии. Видимо, этим он отличался от других абазских вождей и в том числе от абазехского князя Кушмеца из рода Акаце (касского, акасского, черкесского происхождения), ориентированного на сближение с Черкесией. У Ш. Ногмова Оздемир предстает как один из предводителей абазов, восставших против черкесского князя Инала.

Судя по всему, речь идет о событиях, которые имели место в начале XV в. при князе Инале II, когда Абазия была присоединена к Черкесии. Инал, как утверждает Ш. Ногмов, несмотря на свою суровость, относился к абазам с особым вниманием. «Лаская и стараясь отличить» их правителей – Аше и Шаше, он стремился интегрировать абазские племена и народы в созданную им феодальную империю³². Эти правители ассоциируются у нас с одноименными и вполне конкретными абазскими обществами – с зихским обществом в долине Аше и с убыхским обществом в долине *Сааше/Шаше* (Сочи). По преданию, опубликованному сравнительно недавно А.И. Абдоковым, Инал II был даже женат на дочери князя *Шаше*. Во время войны Инал II с генуэзцами-ференгами в Черкесии и осады крепости Хумаран (в верховьях Кубани), говорится в этом предании, «наступил срок, когда он должен был через горы повести свои войска на помощь своему тестю Шаше в Мудавей»³³.

Эти детали существенно дополняют сведения о войнах, которые вел Инал за объединение земель Черкесии и Абазии, а также сообщения о его близких и теплых отношениях с князьями Абазии. Правда, Ш. Ногмов пишет, что женой (первой женой) Инала была дочь абазинского князя Аше, а не Шаше. Не исключено, что Аше – это зихский вождь и герой, имя которого и сейчас прославляют в свадебных и хороводных песнях шапсуги Причерноморья³⁴. Фамилия Аше связана также с именами нартских героев – *Аше* и его сына *Ашамеза*, и, возможно, восходит к этим именам.

Из сочинения Ш. Ногмова мы узнаем также, что не всегда процесс вовлечения Зихии и Абазгии в политическое пространство Черкесии проходил мирно. Часть абазов, как сказано, взбунтовалась под предводительством князя Оздемира. Узнав об этом, Инал послал для их усмирения верное ему хегакское войско. Но хегаки потерпели поражение от возглавляемых Оздемиром повстанцев. И тогда Инал отправился в Абазию сам со своим войском. Видимо, об этом, судя по упомянутому выше преданию, просил его тесть Шаше (или Аше), опасавшийся преследований со стороны восставшего князя Оздемира.

Выполняя обещание, данное тестю, Инал, как пишет Ш. Ногмов, прибыл со своим войском в Абазию и Оздемир бежал от него, удалился в Абхазию. Преследуя Оздемира, «Инал пошел за ним к абазехам и истребил много людей в том народе, за их непокорность»³⁵. В этих сражениях погиб и Оздемир, утверждает Ногмов. Одержав победу над повстанцами и заключив с народом Абазии мир, Инал вскоре после этого там и скончался «смертью праведника». Согласно преданиям, Сиятельный Инал был похоронен в верховьях реки Бзыби близ сел. Псху, где и сейчас предполагаемое место его захоронения является объектом всеобщего почитания, как и все другие места на Кавказе, связанные с именем этого князя³⁶.

Безусловно, за этими рассказами стоят реальные события начала XV в. Не подлежит сомнению и реальность князя Оздемира, одного из правителей Абазии. От него, как явствует из «Записок о Черкесии» Хан-Гирея, пошли знатные роды и фамилии абазехов, объединившиеся в дворянский союз, названный в честь своего знаменитого предка соприсяжным братством *Оздемир*.

Примечания

1. *Берже Ад.* Краткий обзор горских племен на Кавказе. Тифлис, 1858. С. 24, 27.
2. *Дьячков-Тарасов А.Н.* Абадзехи (Историко-этнографический очерк) // Записки кавказского отдела Русского этнографического общества. Тифлис, 1902. Кн. 22. Вып. 4. С. 11.
3. *Pallas P.-S.* Bemerkungen aus einer Reise in die sudlichen Statthalterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Bd. 1. Leipzig. 1803, S. 332.
4. *Дьячков-Тарасов. А.Н.* Указ. соч. С. 5.
5. *Клапрот Ю.* Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах (Перевод с английского издания 1814 г. К.Мальбахова). Нальчик, 2008. С. 123.
6. *Услар П.К.* Этнография Кавказа. О языке убыхов. Тифлис, 1987; *Лопатинский Л.Г.* Заметки о народе адыге вообще и кабардинцах в частности // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1892. Вып. XII. С. 1.
7. *Джавахишвили И.А.* Основные историко-этнографические проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока древнейшей эпохи // Вестник древней истории. М., 1939, № 4. С. 43.
8. *Инал-Ипа Ш.Д.* Абхазы (историко-этнографические очерки). Сухуми, 1965. С. 362, 370.
9. Там же. С. 361.
10. *Алексеева Е.П.* К вопросу о происхождении абазин, по данным археологии // Из истории Карачаево-Черкесии. Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института. Ставрополь, 1970. Вып. VI. С. 309.
11. *Турчанинов Г.Ф.* Открытие и расшифровка древнейшей письменности Кавказа. М., 1999.
12. *Генко А.Н.* Абазинский язык. Грамматический очерк наречия тапанга. М., 1955. С. 8–9.
13. Там же. С. 9.
14. *Коков Дж.Н.* Адыгская (черкесская) топонимия. Нальчик, 1974. С. 298.
15. *Дьячков-Тарасов А.Н.* Абадзехи. С. 3.
16. *Клапрот Ю.* Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах. С. 124.
17. *Дьячков-Тарасов А.Н.* Указ. соч. С. 15.
18. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис, 1870–1904. Т. 7. С. 899; См. также: *Волкова Н.Г.* Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX в. М., 1974. С. 27.
19. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 7. С. 904.
20. См. напр.: *Монпере Ф.Д.* Путешествие вокруг Кавказа. Нальчик, 2002. С. 183–184.
21. *Люлье Л.Я.* Черкесия. Историко-этнографические очерки. Краснодар, 1927. С. 20.
22. *Хан-Гирей.* Записки о Черкесии. Нальчик, 1978. С. 199–202.
23. *Лопатинский Т.* Горцы Кавказа и их освободительная война против русских. Нальчик, 1995. С. 79–80.
24. *Хан-Гирей.* Записки о Черкесии. С. 200–201.
25. Там же. С. 200.
26. *Лопатинский Т.* Указ. соч. С. 77.
27. *Берже Ад.* Краткий обзор горских племен на Кавказе. С. 24.
28. Там же. С. 27–28.
29. *Бгажноков Б.Х.* С. Сиухов о приезде Александра II к абазехам // Мир культуры. Нальчик, 1990. С. 146–153.
30. *Бгажноков Б.Х.* Касы и Страна Каса на Северном Кавказе // Вестник КБИГИ. Нальчик, 1974. Вып. 3.
31. *Меретуков К.Х.* Адыгейский топонимический словарь. Майкоп, 1981. С. 22.
32. *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа. Нальчик, 1958. С. 112.
33. *Абдоков А.И.* Откуда пошло название «Кабарда»? // Мир культуры. Нальчик, 1990. Вып. 1. С. 142.
34. *Бгажноков Б.Х.* Черкесское игрище. Нальчик, 1983. С. 68.
35. *Ногмов Ш.Б.* Указ. соч. С. 113.
36. История многовекового содружества. Нальчик, 2007. С. 35.

В.Н. Bgazhmokov

FROM THE HISTORY OF ABAZEHIA AND ABAZEHI

Abazehia was one of the biggest regions of Circassia. In the article questions of ethnic, cultural and politic history of abazezi are considered with the history of neighboring nations of Circassia and Abazia – ubykh, shapsugs, natukhai, djigets.

Keywords: Abazezi, circassians, abazi, ubykh, djigets, Sindika, Inal II, Western Circassia, Abkhazia

А.Х. Кармов

ЛИКВИДАЦИЯ ПОВСТАНЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ В КОНЦЕ 20-х г. XX в.

Статья посвящена борьбе повстанческих сил Кабардино-Балкарии против советской власти в конце 20-х гг. В ней отражены совместные действия антисоветских сил Кабардино-Балкарии с единомышленниками сопредельных национальных областей.

В статье особое внимание обращается на деятельность повстанческого отряда Темирхана Шипшева и меры местных и краевых карательных органов, возглавляемых полномочным представителем ОГПУ на Северном Кавказе Е.Г. Евдокимовым по его разгрому.

Ключевые слова: повстанческое движение, Б. Калмыков, А. Енукидзе, К. Шипшев, Е. Евдокимов, ОГПУ СКК, Т. Шипшев, «шипшевщина», Политбюро ЦК ВКП(б).

Повстанческое движение Кабардино-Балкарии явилось составной частью антибольшевистской борьбы Северного Кавказа в 20-е гг. XX в. Оно осуществлялось в тесной связи с повстанцами сопредельных национальных округов и по мере возможности координировали свои действия с ними. Об этом свидетельствуют многочисленные документы, указывающие на совместную борьбу объединенных повстанческих сил региона против большевиков. К их числу относится сообщение Мало-Кабардинского ревкома от 23 апреля 1920 г., в котором говорилось об организованном выступлении кабардинцев, ингушей, осетин и др. против большевиков и просил прислать им в помощь не менее одного полка с батареей для борьбы с этим злом¹.

В этом контексте большой интерес представляет письмо Б. Калмыкова и Ф. Фаддеева секретарю ЦИК СССР, одному из ближайших соратников И.В. Сталина, А.С. Енукидзе от 07.06.1926 г. В нем авторы выражали обеспокоенность по поводу затягивания казни Кургоко Шипшева, приговоренного к высшей мере наказания. В этом письме Б. Калмыков и секретарь обкома ВКП(б) Ф. Фаддеев обвинили К. Шипшева в том, что он «является идеологом и вдохновителем всего антисоветского на Северном Кавказе». Ему приписали убийство комиссара Сахарова, собственноручный расстрел большевиков и сочувствовавших им, выдача деникинской контрразведке активных участников революционного движения в Кабарде и членов их семей² и многое другое. На самом деле К. Шипшев не принимал участия ни в одном из перечисленных преступлений. Нет никаких документальных источников, свидетельствующих об его участии и в вооруженной борьбе против советской власти, а также в сотрудничестве с белыми во время деникинской оккупации Кабарды и Балкарии в 1919 г.

После восстановления советской власти в марте 1920 г. К. Шипшев вместе с семьей уехал в Дагестан. Руководителем ДАССР он был известен как грамотный и опытный специалист с высшим образованием в области лесного хозяйства. Поэтому его назначили «начальником управления лесами ДАССР»³. Ему было поручено восстановление лесного хозяйства в Дагестане, с которым он справился успешно.

Однако, по требованию Кабардино-Балкарского отдела ОГПУ в начале 1925 г. он был арестован и доставлен в Нальчик.

В указанном выше письме одним из главных пунктов обвинений К. Шипшева была помощь антисоветским элементам, находившимся в то время на нелегальном положении в Дагестане. Действительно многие повстанцы, участники белого движения и уцелевшие от разгрома в 1920 г., нашли убежище в ДАССР. Большинство из них были в подполье, а некоторым удалось перейти на легальное положение. В частности, один из активных участников белого движения в составе отряда З. Даутокова-Серебрякова Алчагир Маршанов скрывался в Дагестане и под фамилией Маршани он легализовался. Под этой фамилией он проработал в Махачкале на ответственных должностях в системе НКВД и НКЮ до 28 ноября 1923 г., т.е. до его ареста вместе с Т. Шогеновым. Однако в ночь на 1 февраля 1924 г. А. Маршанов и Т. Шогенов бежали с поезда от конвоя со станции Котляревской и присоединились к отряду Т. Шипшева.

Находясь на этих должностях, А. Маршанов оказывал всемерную помощь антибольшевистским элементам КБАО, оказавшимся в Дагестане, был связан с вооруженной антибольшевистской оппозицией в ДАССР.

Сюда часто приезжал бывший боец белого движения, неуловимый Темирхан (Темиркан) Шипшев, который командовал боевым отрядом, сформированным им в основном из бывших военнотружачих – серебряковцев.

По некоторым данным временами его отряд насчитывался около 600 всадников. Долгое время он оперировал в Чечне в районе рек Терек и Сунжа (Урус-Мартановский район), откуда совершал налеты в Ингушетию, Кабардино-Балкарию, Грузию и Северную Осетию⁴.

Известно также, что он находился в Махачкале на лечении. Вполне естественно, что в этих условиях он встречался со своим родственником К. Шипшевым.

Факт встречи родственников был зафиксирован карательными органами КБАО. В связи с этим авторы упомянутого письма жаловались А.С. Енукидзе, что «<...> брат его – Темирхан Шипшев и поныне неуловимый бандит, сначала скрывался у него, пользуясь его легальным положением, при помощи его организует банду и начинает громить Северный Кавказ, Кабарду, в частности. За период его шестилетней бандитской работы несколько раз бывал разбит и всегда находил приют у своего брата Кургоко Шипшева. Там скрывался, там вновь организовывался, и вновь громил и грабил...»⁵. Далее они пишут: «Брат его – Темирхан Шипшев сейчас с бандой оперирует в Кабарде. Мы изо дня в день ждем налета на город Нальчик. Он знает, что брат его осужден. Просим поспешить с утверждением приговора»⁶. Очевидно, что Б. Калмыков и его окружение боялись налета отряда Т. Шипшева на Нальчик с целью освобождения К. Шипшева. Однако этого не случилось. К. Шипшев был расстрелян 31 августа 1926 г.

Между тем, повстанческие силы Северного Кавказа, в том числе и Кабардино-Балкарии, вели неравную борьбу против общевоинских частей и чекистских отрядов. Особенно, положение повстанцев осложнилось с назначением Е.Г. Евдокимова полномочным представителем ОГПУ на Северном Кавказе в 1923 г.

Чтобы понять его место и роль в подавлении антибольшевистских сил на Северном Кавказе отметим некоторые штрихи из биографии одного из ведущих чекистов страны – Е.Г. Евдокимова до его появления на Северном Кавказе.

Эсер – боевик, член большевистской партии с 1918 г., он после кратковременного обучения в Академии Генерального Штаба Красной Армии в июне 1919 г. был назначен начальником Особого отдела Московского ЧК. В том же году он вместе с большой группой чекистов был направлен на Украину. Здесь с присущей ему хваткой и рвением приступил к выполнению служебных обязанностей.

Став заместителем начальника Особого отдела Южного, а затем Юго-Западного фронта, Евдокимов довольно близко познакомился с К.Е. Ворошиловым, С.М. Буденным, А.И. Егоровым и тогда с малоизвестным членом РВС И.В. Сталиным. Забегая вперед отметим, что впоследствии Е.Г. Евдокимов стал одним из самых приближенных чекистов И.В. Сталину.

Заключительный этап Гражданской войны Е.Г. Евдокимов встретил на посту начальника Крымской ударной группы ЧК, и он возглавил экспедицию по очищению Крымского полуострова от оставшихся бывших офицеров и белых беженцев после эвакуации армии Врангеля. С точки зрения руководства органов правопорядка результаты карательной экспедиции Е.Г. Евдокимова превзошли все ожидания. «Были расстреляны до 12 тысяч человек, из коих до 30 губернаторов, больше 150 генералов, больше 300 полковников, несколько сот контрразведчиков-шпионов, в результате предотвращена была возможность появления в Крыму белых банд...»⁷.

В июле 1921 года Евдокимов по сумме революционных заслуг — «за активное участие в борьбе с Махно и бандами на Украине, участие в раскрытии заговора «Национального центра, раскрытие организации петлюровского правительства на Украине и Савинковской организации» — был награжден первым орденом Красного Знамени⁸.

После окончания Гражданской войны Е.Г. Евдокимов был назначен начальником секретного отдела Всеукраинской ЧК (ВУЧК), а с 1922 г. — полномочным представителем ОГПУ Правобережной Украины.

К середине 1923 года политическая ситуация на Украине изменилась. Контрреволюционные силы в основном были разгромлены. В связи с этим значительно сократился объем оперативных и следственных работ.

По времени это совпало с политикой украинизации, провозглашенной Центром. С этого времени при решении кадровых вопросов приоритет отдавался выходцам с Украины, хорошо знавшим местные условия. Возможно, этот момент сыграл определенную роль в переводе Евдокимова в июне 1923 г. на Северный Кавказ.

Но есть еще более весомый аргумент этого перевода. Евдокимов считался одним из крупных специалистов по ликвидации массового политического и уголовного бандитизма, повстанческого движения. Об этом свидетельствовал тот факт, что во время торжественного провода Евдокимова, ему был вручен второй орден Красного Знамени «за энергичную борьбу с бандитизмом на Украине...»⁹.

К этому времени на Северном Кавказе сложилась крайне сложная ситуация с точки зрения усиления повстанческой борьбы против большевистской власти. Так, еще до приезда Евдокимова начальник Восточного отдела ПП ГПУ Юго-Востока С.Н. Миронов направил начальнику Восточного отдела ГПУ Я.Х. Петерсу «Докладную записку о Чечне». В ней был дан анализ политического состояния Чечни. В докладной записке отмечался рост негативных тенденций, включавших в себя расширение шариатского движения, отсутствие подготовленных работников органов власти на местах, ужесточение повстанческой борьбы в Гудермесском, Веденском, Шатойском округах и в других районах Чечни.

Следует подчеркнуть, что Г. Евдокимову удалось взять с собой на Северный Кавказ значительную часть сотрудников, работавших вместе с ним на Украине. Эта группа евдокимовцев, как они себя называли, заняла особое положение, составила основную опору Евдокимова и была им расставлена на наиболее ответственные посты¹⁰.

Свою деятельность на новом месте работы Евдокимов начал с оживления борьбы с бандитизмом.

С учетом опыта, приобретенного в борьбе против вооруженной политической оппозиции на Украине, Евдокимовым были сформулированы основные принципы предстоящей борьбы на Северном Кавказе. В их основе лежали: развитие активной агентуры вокруг банд и подполий с целью ликвидации наиболее видных деятелей повстанческого движения, устранение которых могло бы послужить стимулом к уничтожению повстанцев; открытая вооруженная борьба с повстанцами под непосредственным руководством работников ОГПУ; ликвидация подпольных

организаций, ячеек и повстанческих штабов и их руководителей, выкачка оружия среди населения и т.д.¹¹

Применение новых методов борьбы против повстанческого движения на Северном Кавказе оправдало себя. «В 1924–1925 гг. только на территории бывшей Горской Республики (Ингушетия, Чечня, Северная Осетия, Сунженский округ) было ликвидировано 16 крупных банд. В их числе – банда Яковлева в районе станицы Змейской в Северной Осетии, банда Даурбокова и Евлаева на участке Кескем в Ингушетии, ответвления банды Шипшева по району Агулуки в Ингушетии, ряд банд в Акинском и Терском районах Ингушетии, Заманпульская банда в Северной Осетии, Лескенская банда»¹² и др.

Антибольшевистские элементы горских народов Северного Кавказа продолжали отчаянную борьбу, но в неравной борьбе Евдокимову и его команде удалось разгромить и рассеять все наиболее крупные повстанческие отряды, оперировавшие в Чечне, Дагестане, Ингушетии, Карачаево-Черкесии.

В 1925 г. в Дагестане 15-и тысячный повстанческий отряд Н. Гоцинского потерпел поражение. Он был арестован 28 сентября. По приговору «тройки» ПП ОГПУ СК 15 октября 1925 г. Н. Гоцинский был расстрелян.

Несколько раньше, т.е. в январе того же года по решению тех же карательных органов был казнен один из наиболее ярких идеологов чеченского повстанческого движения шейх Али Митаев.

В ходе ликвидации очагов сопротивления повстанческих сил на Северном Кавказе решалась не менее важная задача – разоружение населения. По этому вопросу было принято специальное постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о разоружении Чечни. В нем говорилось о дальнейших этапах чекистско-войсковой операции – разоружении прилегающих районов, ибо с точки зрения ОГПУ очищенные районы могут быть наводнены оружием и бандитизм может с новой силой развиваться. В связи с этим после Чечни войска и чекистские отряды были переброшены в Ингушетию, Северную Осетию, Кабардино-Балкарию и Карачаево-Черкесию. 18 сентября 1925 года чекисты начали «выкачку оружия» в Ингушетии и Северной Осетии. В итоге у местного населения было изъято 19 559 винтовок, 3229 револьверов, арестован 51 активный участник бандитских формирований. Затем наступил черед Кабарды, Балкарии, Карачая и Черкесии. Здесь чекистско-войсковая операция продолжалась с 18 по 30 октября 1925 года. Количество изъятого оружия составило: 12 631 винтовка и 2942 револьвера¹³.

Несмотря на крупные успехи в борьбе с повстанческим движением на Северном Кавказе, к 1925 году оно не было подавлено окончательно, не была завершена «выкачка» оружия из национальных автономий Северного Кавказа.

Следует отметить, что Темирхану (Темиркан) Шипшеву удалось избежать участи многих чеченских повстанцев, пойманных в ходе августовско-сентябрьской операции 1925 года в Чечне и в других областях Северного Кавказа.

Продолжались многочисленные стычки остатков северокавказских повстанческих отрядов с карательными отрядами ОГПУ СКК. Особенно этот процесс приобрел ожесточенный характер в 1927–1928 гг.

Успехи Е. Евдокимова на Северном Кавказе были отмечены руководством страны. В декабре 1927 года «за активную борьбу с контрреволюцией, ликвидацию Улагаевской группы и других банд на СКК, руководство разоружением в национальных областях края, Чечни, Ингушетии, Дагестана и за изъятие имама Гоцинского и проч.» он был награжден третьим орденом Красного Знамени¹⁴. Это награждение придало ему новые силы и открыло новые перспективы. На этот раз взоры первого чекиста Северного Кавказа устремились на промышленные предприятия Шахтинского-Донецкого округа.

Не вдаваясь в подробный анализ истории возникновения «Шахтинского дела», отметим лишь только то, что оно было инспирировано Е. Евдокимовым.

В условиях, когда руководство страны отказалось от новой экономической политики, и все отрасли народного хозяйства, в особенности, промышленность, находились в глубоком экономическом кризисе, найти вредителей на предприятиях треста «Донуголь» для Е. Евдокимова оказалось делом несложным. Полномочный представитель поручил своим чекистам проверить работу наиболее аварийных предприятий и работавших там «спецов» и «бывших», т.е. инженерно-технических работников, начавших работать на этих предприятиях с дореволюционного периода. Собранные компрометирующие материалы проанализировал начальник экономического отдела Северо-Кавказского управления ОГПУ К. Зонов и дал оценку, устраивающую полномочного представителя Северо-Кавказского ОГПУ. С этими документами он «вышел» на И.В. Сталина. В них часто случавшиеся аварии на шахтах треста «Донуголь» были представлены как результат вредительской деятельности старых специалистов, связанных с иностранной разведкой и антисоветскими центрами за рубежом и внутри страны. В связи с этим прошли массовые аресты. После рассмотрения дела начались судебные заседания, которые проходили в колонном зале Дома Союзов с 18 мая по 6 июля 1928 г.¹⁵

Шахтинские события стали первой ласточкой в веренице последующих громких судебных дел над вредителями во всех отраслях промышленности. И у истоков этого всеобщего процесса стоял полпред ОГПУ по Северному Кавказу Е.Г. Евдокимов¹⁶.

Неуемное стремление Е.Г. Евдокимова найти врага привело к мысли о необходимости «изъятия» М. Шолохова за то, что в романе Тихого Дона он рассказывал правду о репрессии в отношении казачества. В связи с этим он просил у Сталина согласие на его арест.

«Евдокимов ко мне приходил два раза и требовал санкции на арест Шолохова за то, что он разговаривает с бывшими белогвардейцами, — говорил Сталин в 1938 году. Я Евдокимову сказал, что он ничего не понимает ни в политике, ни в жизни. Как же писатель должен писать о белогвардейцах и не знать, чем они дышат?»¹⁷.

Ослабленный арестами и расстрелами наиболее активной части антибольшевистских сил вообще, и боевого отряда Т. Шипшева, в особенности, последний оказался в критической ситуации.

27 марта 1928 г. в селении Алтуд силами 26-го Кабардино-Балкарского дивизиона войск ОГПУ и 1-го Нацкаввзвода отряд Шипшева был разгромлен. Руководитель самого крупного и боеспособного отряда повстанческого движения в Кабардино-Балкарии, возглавлявший в течение почти одиннадцати лет борьбу против советской власти, был арестован, а его помощник Туган Шипшев был убит.

На следующий день состоялось заседание бюро Кабардино-Балкарского обкома ВКП(б), на котором кроме членов бюро обкома партии было приглашено большое количество представителей различных организаций и ведомств области, в том числе следственных органов и органов суда и прокуратуры.

На заседании бюро обкома партии обсуждался один вопрос – сообщение о боевой операции по захвату Темирхана Шипшева, с которым выступили начальник Кабардино-Балкарского областного отдела ГПУ А.И. Михельсон и начальник оперативного отдела ГПУ области Н.Г. Николаев. Бюро обкома партии данное сообщение приняло к сведению. Оно оценило проведенную операцию по ликвидации отряда Т. Шипшева и захвату последнего как удачно проведенную. Бюро обкома партии отметило также «<...> исключительные заслуги группы товарищей, руководивших и принимавших активное участие в боевой операции: тт. Николаева, Михельсона, Мукке и Смирнова»¹⁸ и приняло решение послать приветственные телеграммы председателю ОГПУ СССР В.Р. Менжинскому и полномочному представителю ОГПУ на Северном Кавказе Е.Г. Евдокимову.

Лица, принимавшие активное участие в этой операции были награждены Коллегией ОГПУ золотыми часами.

Для реализации решения бюро обкома партии в связи с ликвидацией повстанческого отряда Т. Шипшева была создана специальная комиссия в составе Булычева, Гемуева, Боровицкого, Канкулова и Мусукаева.

30 марта 1928 г. на заседании бюро обкома партии рассматривался вопрос о награждении орденом Красного Знамени руководителей областного отдела ГПУ, участвовавших в боевой операции 27 марта 1928 г. в с. Алтуде и рядовых участников этих событий.

В постановлении обкома партии было отмечено, что «<...> в лице Темирхана Шипшева захвачена крупная политическая фигура контрреволюции на Северном Кавказе.

Ликвидация контрреволюционного бандитизма, арест руководителя этого бандитизма Темирхана Шипшева и убийство его помощника Тугана Шипшева проведены при личном непосредственном участии т.т. Николаева, Михельсона, Тенгизова, Мукке и Смирнова, проявивших в 2-х часовом бою личную храбрость и одновременно умелое руководство действующими частями и захвативших в результате банду во главе с Темирханом Шипшевым»¹⁹.

В постановлении особо подчеркивались исключительные заслуги Николаева, Михельсона, Тенгизова, Мукке и Смирнова как активных непосредственных руководителей и участников боевой операции в деле ликвидации отряда Т. Шипшева и захвата его руководителя.

В связи с этим бюро обкома партии приняло решение о возбуждении ходатайства перед Крайкомом ВКП(б) о награждении Николаева, Михельсона, Тенгизова, Мукке и Смирнова орденами Красного Знамени.

Бюро обкома на этом же заседании рассмотрело вопрос о награждении Кабардино-Балкарского отделения ОГПУ и 26 Кабардино-Балкарского дивизиона ОГПУ орденом Красного Знамени за боевую операцию по захвату Темирхана Шипшева.

В принятом решении по этому вопросу отмечалось, «<...> что за время своего существования облотдел ОГПУ в борьбе с контрреволюцией проявлял строго выдержанную классовую линию с полным учетом сложных национальных бытовых условий и во всех боевых операциях и неоднократных боях с оперировавшими бандитами не только в нашей области, но и в других районах Северо-Кавказского края, неся жертвы убитыми и ранеными, отличались беззаветной отвагой и храбростью, что в деле проведения сложной боевой операции – ликвидации банды Шипшева Темирхана в сел. Алтуд громадную роль играл весь областной отдел ОГПУ в целом и 26-й Кабардино-Балкарский дивизион, проявившие в подготовке и проведении боевой операции не только большую организованность, выдержку, боевую дисциплинированность, стойкость и революционный героизм, но и высокую политическую сознательность»²⁰.

Такая характеристика большевистского патриотизма отвечала своему назначению и вполне естественно, что бюро обкома партии возбудило «<...>ходатайство перед Крайкомом ВКП(б) и ЦК ВКП(б) о награждении Кабардино-Балкарского отдела ОГПУ с 26 Кабардино-Балкарским дивизионом войск ОГПУ орденом Красного Знамени»²¹.

Еще более впечатлительным явилось обоснование обкома ВКП(б) о награждении орденом Красного знамени 1-го Кабардино-Балкарского Нацкаввзвода за боевую операцию по захвату банды Темирхана Шипшева. В нем утверждалось, что «<...> массовое участие трудящихся Кабарды и Балкарии в революционной классовой борьбе, уничтожившей феодально-сословные отношения и нанесшей смертельный удар по княжеству и дворянству, что трудящиеся, видя классового противника, продолжают и дальше неустанно вести борьбу и на призыв партии и советской власти горячо откликнулись своим участием в деле создания национальных территориальных формирований в области, выделив в них из своей среды наиболее классово-выдержанных бойцов, готовясь к осуществлению обязательной военной службы, что в ряды 1-го Кабардино-Балкарского Нацкаввзвода

трудящиеся области выделили свою лучшую боевую часть и, отмечая, что при проведении 27 марта боевой операции по ликвидации политической банды Шипшева, принял активнейшее участие 1-й Кабардино-Балкарский Нацкаввзвод, являющийся в области первым национальным формированием Красной Армии и, что, несмотря на молодость своего существования, Нацкаввзвод в боевой операции проявил боевую стойкость, храбрость, революционный героизм, а также, учитывая отсутствие в прошлом наград трудящимся в целом и его отдельным представителям, считая необходимым, что Нацкаввзвод заслуживает быть отмеченным высшей наградой, которая вместе с тем будет и наградой трудящихся всей области, возбудить ходатайство перед Крайкомом ВКП(б) и ЦК ВКП(б) о награждении 1-го Кабардино-Балкарского Нацкаввзвода орденом Красного Знамени за боевую операцию по ликвидации банды Шипшева»²².

Таким образом, из заурядного национального кавалерийского взвода был создан мифический образ бесстрашного защитника народов Кабардино-Балкарии, чья награда за участие в уничтожении осколков вооруженной политической оппозиции воспринималась руководством области как награда всего народа.

Очередное заседание бюро обкома партии состоялось 1 апреля 1928 г. На повестке дня стоял один вопрос: «О награждении орденом Красного знамени полномочного представителя ОГПУ на Северном Кавказе Евдокимова Е.Г.

В констатирующей части постановления утверждалась мысль о том, что с момента назначения Евдокимова Е.Г. полномочным представителем ОГПУ на Северном Кавказе, «который сумел в своей работе сочетать своеобразные национальные условия края со строгой выдержанной классовой линией, проводимой органами ОГПУ, политическому и уголовному бандитизму, свившему в 1920–1923 гг. прочное гнездо на территории Северного Кавказа, подрывшему экономическое и политическое развитие Края и остававшимся долгое время неуязвимым, был нанесен решительный удар».

С точки зрения партийно-государственного руководства области борьба с антибольшевистскими силами на Северном Кавказе, в том числе и в Кабардино-Балкарии велась «под правильным идеологическим и умелым практическим руководством т. Евдокимова». Органы ОГПУ на Северном Кавказе, руководимые им, достигли «особой четкости, планомерности, настойчивости в выполнении поставленных задач и революционной выдержанности, неизменно имея положительные результаты во всех проводимых операциях по борьбе с контрреволюционными выступлениями».

Из анализируемого партийного документа явствует, что Евдокимов не только идеологически обеспечивал деятельность органов ОГПУ на Северном Кавказе, но примером личной отваги, революционного энтузиазма и стойкости вовлекал в борьбу широкие слои трудящихся национальных районов, за что он получил широкую популярность среди трудящихся масс. В подтверждение этого тезиса обком партии подчеркивал исключительную роль Евдокимова в проведении блестящей операции «по ликвидации уголовно-политической банды Темирхана Шипшева, терроризировавшего в течение 11 лет не только население КБАО, но и прилегающие к ней области и округа (Чечня, Осетия, Терек, Ингушетия и пр.)»

Отмечая огромную роль Евдокимова в деле ликвидации бандитизма на Северном Кавказе, констатируя, что поимка Темирхана Шипшева и его ближайших помощников имеет огромное политическое значение, бюро обкома партии приняло постановление: «<...> возбудить перед Северо-Кавказским Крайкомом ВКП(б) и ЦК ВКП(б) вопрос о награждении т. Евдокимова орденом Красного Знамени, одновременно поручив фракции облисполкома возбудить соответствующее ходатайство по советской линии»²³.

Иначе быть не могло. Будучи духовно и нравственно близкими людьми, Б. Калмыков и Е. Евдокимов творчески развивали идеологию сталинской политической

репрессии, сами принимали живейшее участие в массовом уничтожении политических оппонентов.

Вопрос о дальнейшей судьбе руководителя повстанческого отряда Т. Шипшева и его соратников был инициирован Б. Калмыковым и поставлен на Политбюро ЦК ВКП(б) 2 августа 1928 г., принимавшим непосредственное участие в его обсуждении вместе с председателем ОГПУ В.Р. Менжинским, помощником начальника СОУ ОГПУ А.Х. Артузовым и начальником КРО ПП ОГПУ по СКК Н.Г. Николаевым-Журидом. Принятое решение было сформулировано так: «Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «Вопрос т. Калмыкова». В постановлении были записаны следующие пункты:

- а) Дело разрешить в порядке ГПУ.
- б) Как правило, арестованных в Кабарду не возвращать.
- в) Высшую меру наказания применять к наиболее опасным элементам, независимо от того, привлекаются ли они по делу Шипшева, восстания или др.
- г) Высшую меру наказания ограничить приблизительно 50-ю²⁴.

Следует иметь в виду, что не все антисоветские выступления того периода на территории СССР выносились на заседании Политбюро ЦК ВКП(б). Обсуждение «Вопроса т. Калмыкова» явилось лишним доказательством того, что повстанческий отряд Шипшева представлял серьезную угрозу мероприятиям советской власти на Северном Кавказе.

Второе, на что следует обратить внимание – первый пункт, где разрешалось дело в порядке ГПУ. Это означало не что иное, как вывести это дело из существовавшей тогда системы судопроизводства, что открывало возможность произвольного определения степени вины и меры наказания по усмотрению пресловутой «тройки».

Третье, и самое главное для Б. Калмыкова, заключалось в том, что третий пункт постановления ЦК ВКП(б) разрешил применить высшую меру наказания «независимо от того, привлекаются ли они по делу Шипшева, восстания или др.». Этот пункт следует рассматривать в контексте тех политических процессов, которые происходили тогда в Кабардино-Балкарии, а именно, Баксанских событий, арестов З. Мидова, Н. Катханова, Д. Шехихачева, Б. Хуранова и др., обвиненных в организации контрреволюционной националистической группы с целью устранения руководства КБАО путем террора, совершения убийства Б. Калмыкова.

В судьбах участников Баксанских событий, группы З. Мидова и многих других людей он сыграл роковую роль.

По данным известного исследователя проблем репрессии в Кабардино-Балкарии в 20-е гг. XX в. Г. Дзуева по к делу Т. Шипшева были привлечены 77 участников повстанческого отряда, возглавляемого им, из коих 33 повстанца были приговорены к расстрелу. Но одному из них – Дышекову М.Ж., ввиду преклонного возраста, заменили ВМН на заключение в концлагерь сроком на пять лет.

По отношению к 32 приговор был приведен в исполнение 12 августа 1928 г.

Кроме этого, 10 человек были приговорены к 10 годам заключения в концлагерей, 7 человек – к пяти годам, 7 человек – к трем годам, 10 человек были приговорены к высылке через ПП ОГПУ в Сибирь сроком на 3 года, 10 человек были высланы в Вологодскую, Калужскую, Орловскую и Пензенскую губерний сроком на 3 года²⁵.

Следует иметь в виду, что в различных внесудебных процессах по другим делам, связанным с антибольшевистскими выступлениями в Кабардино-Балкарии, за активное участие в Баксанских событиях, повстанческом отряде Т. Шипшева и других антибольшевистских акциях производились дополнительные аресты, и многие из арестованных подвергались смертной казни.

Руководство страны высоко оценило заслуги Е. Евдокимова в борьбе с врагами советской власти.

В 1930 году он «за раскрытие Шахтинского и Грозненского дел по вредительству, ликвидацию остатков бандитизма на СКК, банды князя Темирхана Шипшева и борьбу с контрреволюцией» был награжден четвертым орденом Красного Знамени. Пожалуй, это был единственный случай, когда чекист в течение относительно короткого периода службы в карательных органах получал четыре ордена Красного Знамени.

1 апреля 1928 г. в газете «Карахалк» была опубликована редакционная статья под названием «Добьем шипшевщину». В ней были выражены чувства и мысли руководителей партийных и государственных органов Кабардино-Балкарии относительно роли и места Т. Шипшева и его отряда в антибольшевистской борьбе не только в Кабардино-Балкарии, но и всего Северного Кавказа.

С его именем авторы статьи связывали длительную борьбу повстанцев Кабардино-Балкарии против советской власти и считали, что ликвидация повстанческого движения, во главе которого стоял Т. Шипшев, имеет «огромное политическое значение».

В статье Шипшев и его соратники обвинялись в стремлении ликвидации советской власти и реставрации старых, дореволюционных порядков. С точки зрения ее авторов Шипшев олицетворял в себе грозную месть побежденного класса классу победившему. В этом контексте в их глазах «Шипшев не только собственное, но и собирательное имя».

«Корень шипшевщины, ее суть» они видели в поддержке отряда Т. Шипшева со стороны определенных и весьма значительных сил общества.

«Деятельность известной группы – Шекихачев, Мидов, Хуранов, Катханов и др. – это ничем неприкрытая шипшевщина» – утверждали они. По их мнению «Эта группа, так или иначе, стояла за спиной Шипшева Темирхана, вдохновляя его на авантюрную борьбу. Шипшев имел поддержку – это несомненно, иначе он не мог бы столь продолжительное время делать авантюру. И если песня Шипшева спета, останется шипшевщина».

Они прекрасно понимали, что, хотя отряд Шипшева разгромлен, остались причины, вызвавшие возмущение значительной части населения, недовольной политикой советской власти. Поэтому авторы упомянутой статьи завершают свою корреспонденцию призывом – «шипшевщину добить и добить окончательно, вырвать с корнем как сорную траву с поля»²⁶.

В 1936 г. в издательстве «Молодая гвардия» вышла книга Н. Изгоева «Рассказ о Кабарде». Она относится к разряду комплементарной литературы, предназначенной созданию мифического образа Б. Калмыкова, «бесстрашного защитника черного народа от поработителей».

В книге содержится небольшой сюжет, посвященный аресту Т. Шипшева, в основе которого лежит, по словам автора Н. Изгоева, рассказ

Михельсона – «начальника милиции Северного Кавказа»*. Суть его заключалась в том, как Б. Калмыков «мужественно шел впереди красноармейцев на оплечение банды Т. Шипшева».

Особое умиление вызывает обращение Калмыкова к арестованному Т. Шипшеву. В интересах «революционного дела» он решил использовать вековые традиции. «Рискуя собой, пошел в избу, к князю Шипшеву, пожал ему руку, не взял его шашки, а усадил с собой в автомобиль и поехал в Нальчик без всякой охраны»²⁷.

Пример Б. Калмыкова был подхвачен сотрудниками ГПУ КБАО. Поэтому «<...> князю была предоставлена особая благоустроенная камера. Он ходил по городу, и его почтительно и вежливо, как положено обычаем, водили два телохранителя. Двое сильных и рослых парней – коммунисты – крепко держали сиятельного бандита».

* А.И. Михельсон с декабря 1923 по 1928 гг. – начальник Кабардино-Балкарского отдела ОГПУ.

То ли из-за особого уважения «сиятельного бандита», то ли для оправдания своей собственной беспомощности в борьбе «с отцом налетного бандитизма»²⁸, длившейся почти одиннадцать лет, Т. Шипшев был наделен высоким воинским статусом – офицера Генерального штаба, который сумел применить свои теоретические знания к обстановке белогвардейской партизанской войны²⁹.

В заключении следует подчеркнуть, что с ликвидацией повстанческого отряда Т. Шипшева завершилось организованное сопротивление остатков белого движения в Кабардино-Балкарии. Однако этот разгром не принес окончательной победы господствовавшему режиму.

Отказ от Новой экономической политики и нового курса партии на коллективизацию крестьянских хозяйств на основе ликвидации кулачества как класса детонировал мощнейший социальный взрыв, который потряс всю страну, в том числе и Кабардино-Балкарию.

Примечания

1. ЦГА АС КБР. Ф. 201. Оп. 1 Д. 50. Л. 2.
2. Управление центра документации новейшей истории АС КБР (УЦДНИ АС КБР). Ф. 25. Оп. 2. Д. 13. Л. 6–8, 5.
3. *Дзуев Г.К.* Без права на обжалования. Нальчик, 2012. С. 104.
4. *Тумиис М., Папчинский А.* Большая чистка НКВД против ЧК // Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.e-reading.by/book.php?book=1002352>. Дата обращения: 15.11.2015 г.
5. Управление центра документации новейшей истории АС КБР (УЦДНИ АС КБР). Ф. 25. Оп. 2. Д. 13. Л. 6–8, 5.
6. Там же.
7. *Тумиис М., Папчинский А.* Указ. соч.
8. Там же.
9. Там же.
10. Там же.
11. Там же.
12. Там же.
13. Там же.
14. Там же.
15. Там же.
16. Там же.
17. *Кузнецов Ф.* Неразгаданная тайна Тихого Дона. Электронный ресурс. Режим доступа: Zavtra.ru/content/view/2001-03-581. Дата обращения: 18.08.2016 г.
18. УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 71. Л. 95–96.
19. Там же. Л. 98.
20. Там же. Л. 99.
21. Там же.
22. Там же. Л. 100.
23. Там же. Л. 101–102.
24. Лубянка Сталин и ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД. Январь 1922 – декабрь 1936. Составители: В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. М., 2003. С. 177.
25. *Дзуев Г.К.* Указ. соч. С. 97–100.
26. Газ. «Карахалк». 1 апр. 1928 г.
27. *Изгоев Н.* Рассказ о Кабарде. С. 44.
28. *Тумиис М., Папчинский А.* Указ. соч.
29. *Изгоев Н.* Указ. соч. С. 42.

А.Н. Кармов

**THE ELIMINATION OF THE INSURGENCY IN KABARDINO-BALKARIA
IN THE LATE 20th TWENTIETH CENTURY**

The article is devoted to the struggle of the rebel forces in Kabardino-Balkaria against the Soviets in the late 20-ies. It reflects the joint action of the anti-Soviet forces in Kabardino-Balkaria with like-minded neighbouring national regions.

In the article particular attention is drawn to the activities of the rebel group of Temirkhan-Shipshev and measures of local and regional secret police, headed by the Plenipotentiary representative of the OGPU in the North Caucasus E. Evdokimov in his defeat.

Keywords: the insurgency, B. Kalmykov, A. Ehlukidze, K. Shipshev, E. Evdokimov, OGPU SKK, T. Shipshev, «shipshevshina», the Politburo of the Central Committee of the SK VKP(b).

З.Ж. Глашева

**ЗЕМЕЛЬНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ
В БАЛКАРСКИХ ОБЩЕСТВАХ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.
(АКТЫ, ПРОЕКТЫ, ПОСТАНОВЛЕНИЯ)**

В статье рассмотрены особенности проведения земельной реформы в Балкарии. Основной акцент делается на исследование правительственных постановлений, актов и проектов повлиявших на ход реформ. Новизна работы определяется рассмотрением новых модернизационных процессов и их влияние на земельные отношения, результатом которых было образование новых населенных пунктов в 60–80-х гг. XIX в. Статья призвана восполнить пробел в освещении данного вопроса.

Ключевые слова: земельная реформа, крестьянская реформа, балкарцы, землепользование, обычное право.

Земельные преобразования в Балкарии и Карачае во второй половине XIX в. были предметом научного исследования в работах М.Х. Ацканова, Т.Х. Кумыкова, Г.Х. Мамбетова, В.П. Невской, М.Ч. Кучмезовой, Е.Г. Муратовой, Х.-М.А. Сабанчиева, П.А. Кузьминова, А.М. Башиева, А.И. Тетуева, З.Б. Кепкеевой, П.И. Магаевой, З.Ж. Глашевой¹.

Усиление позиций Российской империи на Северном Кавказе сопровождалось созданием Кавказского наместничества. В «духе просвещенного абсолютизма оно не только должно было обеспечить присоединение Кавказа к России, но и провести масштабные административные, политические, экономические и культурные реформы с целью «цивилизовать» и «просветлить» Кавказ, приобщить его к российскому (европейскому) обществу, гражданскому состоянию»². Разрушались привычные формы общественного быта горцев, привносилась общероссийская система хозяйствования, изменялись административно-территориальные границы. В статье основной акцент сделан на рассмотрении особенностей земельной реформы в Балкарии.

С середины 50-х гг. XIX в. проводились преобразования в системе административного управления, которые носили переходный характер. Они были связаны с изменениями военно-политической обстановки. В период Русско-Кавказской войны, в целях совершенствования управления войсками Кавказской линии по предложению начальника штаба Кавказской армии князя А.И. Барятинского вместо прежних пяти управлений создали два: Правый и Левый фланги³.

Согласно утвержденному 10 декабря 1857 г. положению Кавказского комитета на месте упраздненного Центра Кавказской линии был образован Кабардинский округ. В его состав вошли Большая и Малая Кабарда, а также «приставство урусбиевского, балкарского, чегемского и хуламского народов»⁴. 29 декабря 1859 г. начальник Кабардинского округа обратился к начальнику штаба войск Левого крыла Кавказской линии с рапортом о необходимости усовершенствования административного управления в округе. Наряду с Баксанским участком (народонаселение Атажукиной и Мисостовой фамилии) и Черекским участком (народонаселение Бекмурзиной и Кайтукиной фамилии) предполагалось создать третий участок округа – Балкарский, который «будет состоять в настоящем его виде из обществ Балкарии, Безенги, Хулама, Чегема и Уруспия»⁵. Все преобразования, происшедшие в период с 1857 по 1859 гг. носили временный характер. Решение частных

вопросов административного устройства отдельных народов отодвигались до завершения административно-политических преобразований всего северокавказского региона.

Кавказские военные линии к 1860 г. были упразднены и образованы Кубанская, Терская и Дагестанская области⁶. Левое крыло Кавказской армии вместо 9 приставств и 2 особых управлений горцами делилось на 4 округа: Кабардинский, Военно-Осетинский, Чеченский и Кумыкский⁷. Большая Кабарда разделяется на два участка – Баксанский и Черекский. Балкарские общества по ущельям делились на пять обществ: Балкарское, Хуламское и Безенгиевское вошли в состав Черекского участка, Чегемское и Урусбиевское – в Баксанский участок⁸. Кабардинский округ состоял из четырех участков: Баксанского, Черекского, Мало-Кабардинского, в 1866 г. из балкарских обществ был образован четвертый – Горский⁹. Смысл этих мероприятий заключался, по мнению З.М. Блиевой, в том «чтобы Кавказская линия перестала играть роль границы между Кавказской областью и территориями, занимаемыми горским населением, и приобрела характер «временного учреждения», за которым следовало бы окончательное включение горских территорий в административно-политическую систему Российской империи»¹⁰.

Одним из самых важных направлений во внутренней политике Российской империи в 60–70-е гг. XIX в. было проведение земельной и крестьянской реформ. В рамках земельной реформы планировалось упорядочить земельные отношения, размежевать земли и наделить горцев правами пользования и владения землей. В отличие от Центральной России, на Северном Кавказе земельно-крестьянская реформа проводилась в несколько этапов. Первый этап заключался в размежевании земель и определении их юридического статуса, второй – в ликвидации патриархального рабства и освобождении крестьян от личной зависимости¹¹.

Земельная реформа проводилась в сочетании двух форм землевладения – общинного и частного. Она охватила не весь Северный Кавказ, а лишь отдельные районы, в основном плоскостную часть. Это было обусловлено тем, что решение земельного вопроса на этих территориях требовало неотложного решения. Возникла необходимость в размежевании земель, занятых горцами после принудительного переселения с гор на равнину. Немаловажную роль в необходимости проведения преобразований сыграл и демографический рост коренного населения.

Проведение реформы возлагалось на сословно-поземельную комиссию под председательством Д.С. Кодзокова. В своей работе за основу комиссия приняла положение, что земля, занимаемая жителями на плоскости, является казенной и находится в пользовании крестьян на общинном праве. Результатом такого подхода были акты, подписанные 20 августа 1863 г. кабардинской, 13 июля 1864 г. и 5 февраля 1865 г. кумыкской аристократией, в которых она признала все земли общинными¹². Данные акты стали отправными пунктами земельной реформы на плоскости. Подобные акты отказалась подписать балкарская и осетинская аристократия. В результате земельной реформы на плоскости земля выделялась на основе общинного права, часть из которой отдавалась в частную собственность представителям привилегированных сословий и лицам находящимся на военной службе. Поверхностный характер носила земельная реформа в Нагорной части Северного Кавказа: Карачае¹³, Балкарии¹⁴, в горных районах Северной Осетии, Ингушетии, Чечни, где она была сведена к решению ряда остро стоящих вопросов¹⁵.

Балкарские таубии не приняли новые порядки землевладения и землепользования, установленные реформами 60-х гг. XIX в. Отказались предоставить свой земельный фонд в распоряжение царской власти, в результате чего, «правительство не признало фактическое их владение, и оно не было формально узаконено»¹⁶. Сословно-поземельная комиссия не смогла решить земельный вопрос в балкарских обществах, в виду его трудности. Местная власть не могла признать за балкарскими таубиями право собственности на всю землю¹⁷. Кавказская

администрация соглашалась признать в Нагорной полосе обработанные земли в частном владении, на праве собственности. Пастбища и леса администрацией рассматривались как общинная или государственная собственность.

Сословно-поземельная комиссия поверхностно затронула земельный вопрос в Нагорной полосе. Объяснение с чем это связано можно найти во всеподданнейшем отчете главнокомандующего Кавказской армией Михаила Николаевича за 1863–1969 гг., в котором говорится: «к разрешению поземельных вопросов в горных местностях Терской области еще не преступлено, а существующий там порядок пользования землей, основанный на местном обычае, поддерживается пока нашей администрацией, право владение землей определено точно местными обычаями, выработанное временем право это до того не сложно, что ни между обществом, ни между частными лицами не возникало значительных в этом отношении недоразумений»¹⁸.

Представители кавказской администрации считали, что земельные преобразования в Нагорной полосе не требовали немедленного решения, поэтому проведение реформы было отложено. На отсрочку повлияло и то обстоятельство, что она проводилась в условиях острого дефицита финансовых и кадровых средств, выделяемых на проведение реформ. Земельные преобразования проводились на протяжении десятилетий, несмотря на то, что правила о наделении землей были завершены к лету 1867 г. Фактическое же размежевание и выдача документов, подтверждающих право собственности на землю, занимали несколько лет. Администрации для проведения запланированных реформ так же необходимо было решить не менее остро стоящий сословный вопрос.

Начальник Терской области А.П. Свистунов представил 15 декабря 1879 г. проект межевания Нагорной полосы начальнику главного управления наместника на Кавказе. Исследовав землевладения в Нагорной полосе, он пришел к выводу, из которого становится ясно, почему кавказская администрация не решилась приступить к разрешению земельного вопроса так же, как на плоскости, оно полностью совпадает с мнением наместника Михаила Николаевича.

В проекте А.П. Свистунова говорится: «В большинстве случаев границы аульных земель и участков, состоящих в исключительном владении частных лиц, известны населению. При подобном положении землевладения в горах невозможно произвести заметный переворот в виде всеобщего равномерного распределения земель, как это было сделано при наделении землей на плоскости, так как Нагорная полоса не имеет с плоскостью ничего общего. Каждое незначительное ущелье в горах составляет особый мир, замкнутый от соседей высокими труднодоступными хребтами. Географическое положение местности не давало возможности создать в этом районе новый порядок вещей в поземельном отношении. Кроме того на всем пространстве Нагорной полосы разбросаны мелкие чересполосные участки, которые по местным обычаям признаются неопровержимо с незапамятных времен собственностью тех, у кого таковые состоят во владении. Между тем, для всеобщего равномерного подворного распределения земель пришлось бы уничтожить обычное право, обратив все земли в государственное имущество, распределить между населением поровну. Подобное действие не осталось бы без сильных возражений со стороны населения, оно подорвало бы доверие к действиям и распоряжениям правительства»¹⁹.

Земельная реформа в Терской области началась с принятия «Положения об управлении Терской областью» от 29 мая 1862 г.²⁰ о введении нового территориального деления на округа и отделы. Начальник Терской области М.Т. Лорис-Меликов и председатель сословно-поземельной комиссии Д.С. Кодзоков убедили доверенные от всех свободных сословий Кабарды подписать акт 20 августа 1863 г. упростивший решение земельного вопроса, создав новую правовую реальность, включив окраины Российской империи в общероссийское правовое пространство. Так же из 116 кабардинских аулов создали 39 с наделением им на общинном

праве более 300 тыс. десятин земли. По мнению Е.Г. Муратовой, подобные правительственные мероприятия в незначительной степени коснулись балкарского населения в связи с отдаленностью территории²¹.

Свою работу сословно-поземельная комиссия начала с изучения нужд горских обществ и определения их потребности в осенних и весенних пастбищах на плоскости. Составленный в 1864 г. членами сословно-поземельной комиссии проект разграничения горских обществ с Большой Кабардой предполагал «отодвинуть от Нагорной полосы часть границы кабардинских земель, предоставив горским обществам пастбища в плоскостной части, а кабардинцев вознаградить двумя участками кордонной земли, находившихся в их пользовании, но окончательно за ними не закрепленной»²². В том же 1864 г. комиссия приступила, «к проведению в натуре и съемке пограничной линии между Кабардой и означенными обществами, сообщив при том, что к окончательному укреплению за кабардинцами предназначается участок земли по Золке и Этоке, и кордонные земли, лежащие между рр. Малкою, Кичь-Малкою и Эшкаконом, за исключением так называемого Эшкаконского участка, который должен был остаться в ведении казны для будущих видов правительства»²³.

Предполагалось выделить балкарским обществам 30–40 тыс. десятин земли. Начальник Кабардинского округа А.А. Нурид отверг это предложение комиссии, заявив, что «без определения бесспорной границы между горскими обществами и Кабардою 40 тыс. десятин земли прирезать не к чему, да к тому же эти земли не могут обеспечить балкарцев весенними и осенними пастбищами»²⁴. В последствии выяснилось, что «таким изменением границы нельзя удовлетворить потребности горских обществ в осенних и весенних пастбищах, потому что смежные с землями горских обществ кабардинские земли, из которых предполагалось отделить названным обществам необходимое количество пастбищ, служа продолжением ущелий, занятых горскими обществами, во многих местах покрыты сплошным лесом и вообще подвержены сильным холодам, чрез это неудобны для осенней и весенней пастьбы стад, в чем, главным образом, и нуждаются жители названных ущелий»²⁵.

Выработанные предложения по решению земельного вопроса вошли в проект ^{13/}₂₅ июля 1867 г., который с небольшими поправками был утвержден правительством. Он предлагал сохранение за горскими обществами освоенных ими земель, выделение земель для поселения безземельных балкарцев и право пользования кабардинскими землями, не вошедшими в район аульных наделов²⁶. Эти меры улучшили ситуацию, но не решили проблему обеспечения балкарцев.

Проект распределения земель Большой Кабарды предусматривал решение вопроса относительно балкарских обществ, где рассматривался вопрос о разграничении земель с Большой Кабардой. В них отмечалось, что сословно-поземельная комиссия, рассмотрев вопрос о разграничении земель балкарских обществ с Кабардою и, находя, что общества эти, главным образом, нуждаются в осенних и весенних пастбищах, имея достаточное количество летних пастбищ в районе своих земель, проектировали: а) укрепить за горскими обществами все земли, исконно составляющие их собственность; б) позволить горцам бесплатно пользоваться, для пастьбы стад и устройства зимовников, общественными кабардинскими землями; в) образовавшихся в горских обществах 400 безземельных семейств выселить в Большую Кабарду, из коих 125 семейств поселить в Хасаутском ауле, а для водворения остальных, выделить из кабардинских земель 4000 десятин, назначив из них переселенцам достаточную норму надела²⁷ и г) из числа находившихся во владении некоторых жителей горских обществ земельных участков, незначительной величины, которые они приобрели в прежнее время покупкою у кабардинских князей, оставить за владельцами, как частную собственность только те участки, на права владения коими владельцы представят удовлетворяющие народному обычаю документы²⁸. Эти предложения Комиссии, одобренные

Наместником Кавказским, были внесены в Кавказский Комитет, одновременно с проектом распределения земель Большой Кабарды, и удостоились утверждения императора 28 декабря 1869 г.

Реформа по отмене крепостного права, начавшаяся 18 ноября 1866 г. стала следующим этапом в логическом завершении земельной реформы. Были созданы посреднические суды, крестьяне после освобождения получили новый статус, закрепленный в актах.

Земельная реформа в балкарских обществах свелась к переселению 400 безземельных балкарских семейств которых на самом деле было 670²⁹, на плоскостные земли в районе Кашхатау и Гунделена и наделение их землей. Этими немногочисленными и несвязными между собой мерами, носившими чисто случайный характер, исчерпывается деятельность правительства в отношении балкарских обществ. Вне зависимости от проектов и решений российской администрации началось по мнению А.М. Башиева переселение безземельных балкарцев на плоскость и в предгорья. Вместе с тем образовалась новая проблема, связанная с определением этно-территориальной границы между балкарским и кабардинским населением внутри округа. На деле попытки такого размежевания свелись к многочисленным спорам³⁰. Роль третейского судьи между спорящими сторонами была отведена российской администрации по установлению точной границы, что на деле привело к неоднозначным решениям данной комиссии³¹. Например, М.Т. Лорис-Меликов писал: «При этом считаю долгом заявить, что во всяком случае границу придется назначить властью административную, потому что требования как кабардинцев, так и горцев до того преувеличены, что к согласию их взаимных претензий не представляется никакой возможности»³².

Размежевание пограничной линии затянулось на 20 лет до 1883 г.³³, точные данные о площади сельскохозяйственных угодий были собраны к 1895 г.³⁴ Балкарские общества владели 330 тыс. дес. земли, удобной 185 тыс. и 145 тыс. неудобной³⁵. Результатом деятельности сословно-поземельной комиссии стали пограничные споры. Последствием проведенной отмены крепостного права в балкарских обществах стало появление большой массы безземельных крестьян.

Начальник Терской области М.Т. Лорис-Меликов в 1874 г. вследствие представления начальнику Главного Управления Наместника Кавказского указывал, «что население Нагорной полосы занимается земледелием лишь в незначительной степени и поземельная собственность ограничивается, главным образом, небольшими пахотными участками, усадебной землею, а также землей занятой под сады и огороды; наибольшие пространства составляют леса и пастбища; что документов, требуемых нашими законоположениями для подтверждения прав поземельной собственности у жителей Нагорной полосы не имеется, а права свои они основывают лишь на давнем владении и вообще на выработанных веками особых понятиях и поземельном праве и, что, затем права на лесные и пастбищные пространства Нагорной полосы и отношения к земле остались не выясненными»³⁶. С введением судебных учреждений в области и среде населения начали возникать споры и иски на обширные пространства, будто бы составляющие частную собственность, тогда как судебные учреждения в области не имели никаких постановлений закона, кои могли бы служить указанием на каких основаниях правительство считает известное пространство лесов и пастбищ частной или казенной собственностью. «В виду таковой неопределенности положение поземельного вопроса в Нагорной полосе начальник области просил ходатайства пред Наместником о возложении на комиссию по разбору сословных прав горцев Терской области определение поземельных прав туземного населения Нагорной полосы Терской области, подобно тому как бывшую поземельною комиссией определены были эти права в отношении плоскостных земель»³⁷.

Вопрос, поднятый М.Т. Лорис-Меликовым, не был реализован, и не вышел из области предложений. В проекте Свистунова А.П. 1879 г. по размежеванию земель

Нагорной полосы, в основу были положены земли, находящиеся во владении частных лиц на праве собственности, которые нужно было обратить в их потомственную собственность. Земли, занимаемые аульными обществами, нужно было закрепить за аулами на праве общинного пользования. Споры, возникавшие при распределении земель, должны были разрешаться в общем присутствии Терского областного правления.

В 60–70-е гг. XIX в. в предгорьях Кабардинского округа были образованы села Хасаут (1867 г.), Чижок-Кабак (1867 г.), Гунделен (1867 г.), Белая речка (1868 г.), Хабаз (1873 г.), Кашкатау (1875 г.)³⁸. Новые села заселялись безземельными и малоземельными крестьянами, освобожденными от крепостной зависимости³⁹. Переселение, заселение и доселение в новые села общинников затянулось на многие годы. Землепользование в новых селах коренным образом отличалось от того, которое сложилось в старых. Они создавались на основании общего положения о землепользовании в горских областях Терской и Кубанской областей. Единственной формой организации населения новых аулов должна была стать уравнильно-передельная община. Полученные от общины земли нельзя было ни продавать ни дарить, ни закладывать, ни отчуждать каким-либо другим способом.

В общественной жизни Балкарии наблюдаются новые модернизационные тенденции. Многие таубии после земельной и крестьянской реформ не сумели приспособиться к ведению собственного хозяйства и постепенно разорялись, крестьяне получив личную свободу за выкуп, остались тоже без средств к существованию. В традиционном балкарском обществе, где ранее существовала своя иерархическая лестница с довольно четким определением прав и обязанностей сословий, образовались новые группы, приспособивших свое хозяйство на капиталистический лад. Как правильно отмечает М.Ч. Кучмезова: «В пореформенный период наблюдается новая, необычная для горской действительности картина, наиболее характерными признаками которой выступали не только социальные противоречия, но также конкуренция и соперничество между близкими родственниками за привилегии и материальные блага. Однако разногласия стали возникать довольно часто, выходя за рамки семейных разбирательств, нарушая адатные нормы»⁴⁰. Земля всегда считалась исключительной ценностью, в руках владельца составляла основу благополучия и престижа. В пореформенный период земля, превратившись в самый дорогой товар, сосредотачивалась, как правило, в руках тех, кто мог ее купить. Вследствие такого положения дел шло перераспределение земельного фонда, последствием чего было новое имущественное неравенство. Набирали экономический вес зажиточные слои населения, параллельно с этим происходило обеднение части крестьянства.

Одновременно земельная и крестьянская реформа способствовали обложению горского населения государственными податями, средства от которых шли на содержание местных нужд. С 1 января 1866 г. горские народы были обложены государственными платежами⁴¹. Кроме государственной подымной подати, они должны были вносить общественные сборы на содержание милиции, аульного правления, выборных должностных лиц. Из натуральных повинностей население исполняло дорожную, квартирную и подворную повинность. С 1887 г. горцы обязаны были платить воинский налог взамен воинской повинности⁴².

Таким образом, земельные преобразования у балкарцев, носили половинчатый характер. Они не разрешили земельный вопрос, оставив крестьян в поземельной зависимости от знати. Выделение частнособственнических участков привело к укреплению частной собственности и созданию крупных землевладельцев. Общинная система землевладения, принятая за основу при наделении землей освобожденных крестьян, и дальнейшее их выселение на плоскость не были последовательно доведены до конца. Внутри новых сел, основанных на основе уравнильно-передельных общин, шел процесс резкого имущественного расслоения,

концентрации земельной собственности в руках зажиточных слоев села. Они применяли все способы для увеличения своих земельных богатств – покупку, аренду, субаренду и захват общинных земель, эти же процессы наблюдались и в старых селах. Следует отметить, что проекты по решению земельного обустройства безземельных балкарцев принимались вплоть до революции. Это было связано с тем, что на Северном Кавказе реформы носили не только социально-экономический, но и политический характер.

Примечания

1. *Ацканов М.Х.* Экономические отношения и экономические взгляды в Кабарде и Балкарии (1860–1917 гг.). Нальчик, 1967; *Кумыков Т.Х.* Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX веке. Нальчик, 1965; *Он же.* К вопросу крестьянской реформы в Балкарии в 1867 году // Сборник статей по истории Кабарды и Балкарии. Ставрополь, 1957. Вып. VI; *Мамбетов Г.Х.* Земельный вопрос в творчестве общественно-политических деятелей адыгов, балкарцев и карачаевцев XIX – начале XX в. Нальчик, 1976; *Невская В.П.* Карачай в пореформенный период. Ставрополь, 1964; *Невская В.П.* Земельные отношения в Карачае во второй половине XIX в. // Труды КЧНИИ. (сер. истор.). Ставрополь, 1964. Вып. IV; *Кучмезова М.Ч.* Землевладение и землепользование в Балкарии по обычному праву в XIX веке // Вестник КБНИИ. Нальчик, 1972. Вып. VI; *Она же.* Проникновение капиталистических отношений в экономику балкарских обществ в пореформенный период // Ученые записки КБНИИ. Нальчик, 1967. Т. XXV.; *Муратова Е.Г.* Социально-политическая история Балкарии в XVII – начале XX в. Нальчик: «Эль-фа», 2007; *Битова Е.Г.* Социальная история Балкарии XIX века (сельская община). Нальчик, 1997; *Сабанчиев Х.-М.А.* Пореформенная Балкария в отечественной историографии. Нальчик, 1989; Аграрные отношения у народов Северного Кавказа в российской политике XVIII – начала XX века: Архивные материалы и научные исследования / Сост. авт. предисловия П.А. Кузьминов. Нальчик, 2006. Т. I; Аграрные отношения у народов Северного Кавказа в российской политике XVIII – начала XX века: Архивные материалы и научные исследования / Сост. авт. предисловия П.А. Кузьминов. Нальчик, 2008. Т. II; *Башиев А.М.* Крестьянская и земельная реформа в Балкарии во второй половине XIX века (проекты и решения по обустройству безземельных крестьян на примере образования новых аулов в предгорьях) // Известия Кабардино-Балкарского Научного центра РАН. 2013. № 5(55); *Кипкеева З.Б.* Карачаево-Балкарская диаспора в Турции: историко-культурный аспект: дисс... кан. ист. наук. Ставрополь, 2000; *Магаяева П.И.* Реформы 60–70-х гг. XIX в. в горских округах Кубанской области. Карачаевск, 2003; *Тетувев А.И.* Зарубежная диаспора карачаевцев и балкарцев: история и современность. Нальчик, 2016; *Глашева З.Ж.* Социально-экономические факторы переселения карачаевцев и балкарцев в Турцию во второй половине XIX – начале XX века // Исторический вестник. Нальчик, 2012. Вып. XI. и т.д.

2. *Алафаев А.А., Тетувев А.И.* Россия на Северном Кавказе в XVIII – начале XX в. // Преподавание истории в школе. 2007. № 3. С. 13.

3. АКАК. Тифлис, 1904. Ст. 539. Т. XII. С. 614.

4. АКАК. Тифлис, 1904. Ст. 561. Т. XII. С. 645.

5. ЦГА КБР. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 26. Л. 7.

6. ПСЗРИ. Собр. II. 1860. Т. XXXV. Отд. 1-е. № 35421. Санкт-Петербург, 1862. С. 122; АКАК. Т. XII. Тифлис, 1904. Ст. 377. С. 434–440; АКАК. Тифлис, 1904. Ст. 577. Т. XII. С. 662.

7. ПСЗРИ. Собр. II. 1862. Т. XXXVII. Отд. 1-е. № 58326. Санкт-Петербург, 1865. С. 497–509; *Битова Е.Г.* Балкарские общества в административно-политической системе Российской империи XIX века // Кавказский сборник. М., 2004. № 1(33). С. 81–109.

8. Административно-территориальные преобразования в Кабардино-Балкарии. История и современность. Нальчик, 2000. С. 29.

9. Собр. II. 1866. Т. XLI. Отд. 1-е. № 43902. Санкт-Петербург, 1868. С. 294–295; РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 493. Л. 25–26, 95–95 об.

10. *Блиева З.М.* Некоторые черты административного развития Северного Кавказа в 20-х гг. XIX в. // Россия и Северный Кавказ (проблемы историко-культурного единства). Грозный, 1990. С. 80.

11. Малахова Г.Н. Становление и развитие российского государственного управления на Северном Кавказе в конце XVIII–XIX вв. Ростов-на-Дону, 2001. С. 225.
12. ЦГА КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 709. Л. 74–82.
13. Невская В.П. Карачай в пореформенный период. Ставрополь, 1964. С. 33.
14. Битова Е.Г. Социальная история Балкарии XIX века (сельская община). Нальчик, 1997. С. 284; Аграрные отношения у народов Северного Кавказа в российской политике XVIII – начала XX века: Архивные материалы и научные исследования / Сост. авт. предисловия П.А. Кузьминов. Нальчик, 2008. Т. II. С. 518.
15. Силаев Н.Ю. Избранные документы Кавказского комитета. Политика России на Северном Кавказе в 1860–1870-е гг. (Публикация, вступительная статья, комментарии Н.Ю. Силаева) // Сборник Русского исторического общества. Россия и Северный Кавказ. М., 2000. Т. 2 (150). С. 180–196.
16. Сабанчиев Х.-М.А. Указ. соч. С. 48; Ауканов М.Х. Указ. соч. С. 13.
17. Этюды о Балкарии / Сост., примечание и комментарии Т.Ш. Биттировой. Нальчик, 2007. С. 287.
18. Труды комиссии по исследованию современного положения землепользования и землевладения в Нагорной полосе Терской области. Владикавказ, 1908. С. 5.
19. РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1993. Л. 8–8 об; Кудашев В.Н. Исторические сведения о кабардинском народе. Нальчик, 1990. С. 258.
20. ПСЗРИ. Собр. II. 1862. Т. XXXVII. Отд. 1-е. № 58326. Санкт-Петербург, 1865. С. 497–509.
21. Муратова Е.Г. Социально-политическая история Балкарии в XVII – начале XX в. Нальчик, 2007. С. 283–284.
22. Азаматов К.Г., Хутуев Х.И. Мисост Абаев. Общественно-политические взгляды. Нальчик, 1980. С. 113.
23. Силаев Н.Ю. Указ. соч. С. 181; ЦГА КБР. Ф. И-40. Оп. 1. Д. 709. Л. 73–73 об.
24. ЦГА КБР. Ф. И-40. Оп. 1. Д. 2. Л. 68–69.
25. Абаев М.К. Балкария: Исторический очерк. Нальчик, 1992. С. 27; Аграрные отношения у народов Северного Кавказа в российской политике XVIII – начала XX века: Архивные материалы и научные исследования. / Сост. авт. предисловия П.А. Кузьминов. Нальчик, 2006. Т. I. С. 458.
26. ЦГА КБР. Ф. И-40. Оп. 1. Д. 12. Т. 1. Л. 32–39 об; Территория и расселение кабардинцев и балкарцев в XVIII – начале XX в. Сборник документов. / Сост. Х.М. Думанов. Нальчик, 1992. С. 121–140; ЦГА КБР. Ф. И-40. Оп. 1. Д. 709. Л. 72–90.
27. Территория и расселение кабардинцев и балкарцев в XVIII – начале XX в. Сборник документов / Сост. Х.М. Думанов. Нальчик, 1992. С. 148.
28. РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1993. Л. 65.
29. Аграрные отношения у народов Северного Кавказа в российской политике XVIII – начала XX века: Архивные материалы и научные исследования / Сост. авт. предисловия П.А. Кузьминов. Нальчик, 2008. Т. II. С. 518.
30. Башиев А.М. Указ. соч. С. 158.
31. Там же.
32. Азаматов К.Г., Хутуев Х.И. Мисост Абаев. Общественно-политические взгляды. Нальчик, 1980. С. 110–111.
33. Там же. С. 127.
34. РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1993. Л. 23 об.
35. Кумыков Т.Х. Вовлечение народов Северного Кавказа во всероссийский рынок в XIX в. Нальчик, 1962. С. 117.
36. РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1993. Л. 3–3 об.
37. РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1993. Л. 3 об.
38. ЦГА КБР. Ф. И-40. Оп. 1. Д. 500. Т. 2. Л. 770 об.
39. Кипкеева З.Б. Указ. соч. С. 33; Муратова Е.Г. Указ. соч. С. 290.
40. Кучмезова М.Ч. Соционормативная культура балкарцев: традиции и современность. Нальчик, 2003. С. 180.
41. РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 723. Л. 20.
42. РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 68. Л. 42 об.

Z.Zh. Glasheva

**LAND CONVERSION BALKAR SOCIETIES
IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY
(ACTS, PROJECTS, DECISIONS)**

The article describes the features of the land reform in Balkaria and Karachai. The main focus is on the study of government regulations, acts and projects impacting on the course of reforms. The novelty of the work is determined by consideration of the new modernization processes and their impact on land relations. The result was that the formation of new settlements in the 60–80-ies. XIX century. The article is intended to fill a gap in the coverage of land reform the post-reform period.

Keywords: land reform, peasant reform, Balkars, land use, customary law.

УДК 391(=352.3)

А.С. Мирзоев

КОНСКОЕ СНАРЯЖЕНИЕ И ВОИНСКАЯ ЭКИПИРОВКА ЧЕРКЕСОВ В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX вв.

Статья посвящена описанию и изучению конского снаряжения и воинской экипировки черкесов, исключая одежду и вооружение, в XVIII – первой половине XIX вв.

Ключевые слова: конское снаряжение, экипировка, походное снаряжение, походная пища, компактность.

1. Конское снаряжение

Наряду с выведенной собственной породой лошадей, черкесами было создано и свое конское снаряжение, в частности, седельный набор. Называемое черкесами адыгэ уанэ (черкесское седло), оно на Кавказе, среди горцев и казаков, было известно под тем же именем. В работе, посвященной изучению кустарных промыслов на Северном Кавказе, О.В. Маркграф писал: «Наибольшею славою на Северном Кавказе пользуются шорные изделия кабардинцев. Кабардинское или адыгейское племя, еще недавно самое многочисленное и могущественное среди прочих племен Кавказа, всегда производило оружие, седла и прочие принадлежности убранства всадника, служащие образцами для других туземцев. Образец седельного набора, занесенный из Кабарды, до сих пор господствует на Северном Кавказе между горским и казачьим населением и называется «кабардинским» или «черкесским»¹.

В XVIII веке производство седел в Кабарде было так распространено, что в 1788 году Шейх Мансур писал в Большую Кабарду о том, чтоб было сделано 20000 седел и, по сведениям, дошедшим до Моздока, седла «изготовляютца»².

Высокий отзыв о кабардинских седлах дал в 20-х годах XVIII века И.Г. Гербер. Он писал: «Лучшие седла и лошадиные верхние уборы изготовляются ими и продаются соседним татарам»³.

Кабардинское или черкесское седло относится к типу арчаков. Под словом «арчак» подразумевается деревянный остов седла, обтянутый кожей. Поверх арчака (уанэпхафэ) ложилась седельная подушка (уанэгу щхьэнтэ). Небольшое, легкое довольно высокое черкесское седло опирается на спину коня двумя параллельными седельными полками. Узкая передняя лука (уанэ кьуапэ) с закругленным верхом располагается перпендикулярно к седлу. Задняя, более широкая лука, также имеющая закругленный верх, плавно отогнута назад. Форма седла диктовалась военными целями – высокое седло придавало свободу посадке воина, а низкая задняя лука не мешала повороту в седле⁴.

Конструктивные особенности, а также легкость делали удобным черкесское седло и для лошади. Так как оно не касается ни ее позвоночника, ни ее загривка, оно никогда не причиняет ей боли. Черкесское седло не портит лошади, «хотя б оно по целым неделям оставалось на ее спине»⁵.

Все кто знакомились с ним на Кавказе, сразу же оценивали его по достоинству и старались приобрести. Удобство черкесского седла отмечал и Д.А. Лонгворт, который, писал: «Через какое-то время я привык к нему и по достоинству оценил его преимущества как боевого седла. Черкесы поворачиваются в нем с величайшей

легкостью и могут, подобно древним парфянам, стрелять назад на полном скаку, а также, держась за передний деревянный выступ, могут перегнуться почти под брюхо своего скакуна и на полном карьере поднять все что угодно с земли. Их посадка на спине лошади по сравнению с тяжелым турецким или плоским европейским седлом кажется игрушечной: то же можно сказать и об их весе, который составляет половину первого и треть второго... во время утомительных походов и набегов, которые они совершают, несколько фунтов больше или меньше веса всадника и упряжи могут иметь серьезное значение»⁶.

Черкесы изготавливали несколько видов седел: детское, парадное и боевое⁷.

У всех седел была одинаковая конструкция. Различия же заключались в следующем: детское седло отличалось меньшими размерами. Парадное седло выделялось богатой отделкой серебром, золотым шитьем и тиснением, которые для боевого седла считались излишними. Кроме этого, седельные подушки боевых седел обычно были набиты оленьей или турьей шерстью. Они имели одно важное свойство: несмотря на попадание воды не прели, не гнили и не слеживались. Такие седельные подушки высоко ценились и раньше, по словам стариков, входили в часть платы «цены невесты» (нысэ уасэ), наряду со скотом и дорогим оружием.

Конструкция стремян на черкесских седлах также имела свою особенность. Они, как правило, плоские и узкие, из цельного куска металла, иногда удлиненной цилиндрической формы, так называемые «стаканчики». Некоторые наездники вставляли с обратной стороны таких стремян зеркальце, с тем, чтобы пользоваться им для бритья в походных условиях.

Форма стремян определяла особую форму посадки всадника. Обычные стремяна, в которые вставлялась вся ступня, предполагали наличие у всадника обуви с каблуками. С помощью каблука нога фиксировалась в стремях, не давая ей проскользнуть сквозь него. Черкесские стремяна с плоским круглым основанием, были обычно настолько узкими, что ступня целиком в них не помещалась. Если даже они были широкие, черкесы не вставляли в стремя всю ступню, а опирались на основание стремян только носками. Отсутствие каблуков на традиционной обуви черкесов, также, по-видимому, связано с данным обстоятельством.

Не известны черкесам были и шпоры. Как сообщает Ф.Ф. Торнау: «Шпор черкесы не знают и погоняют лошадь тоненькою плетью, имеющею на конце кусок кожи в виде лопаточки, для того, чтобы не делать боли лошади, а пугать ее хлопаньем, так как, по мнению черкесов, боль, причиняемая лошади шпорами или тяжелою нагайкой, употребляемою калмыками и донскими казаками, утомляет ее совершенно без нужды»⁸. Черкесские плети (щюпц) пользовались большим спросом у соседних народов, в том числе у казаков и русских. Их производство и продажа были серьезной статьей доходов черкесских мастеров-шорников.

Шотландец Роберт Лайэлл сообщает, что, будучи в 1822 году на Кавказе, близ Пятигорска, купил здесь «большое количество черкесских нагаек за четыре, десять и даже пятнадцать рублей». Причем «у самых дорогих нагаек в рукоятке имеется кинжал. Все они прекрасной работы...»⁹.

Кстати, мастер, у которого Р. Лайэлл купил их, был известный адыгский просветитель Шора Ногмов.

Важной принадлежностью походного конского снаряжения были путы (лъахэ). Без них ни один наездник не пускался в дорогу. Обычно их приторачивали за седлом продев под подхвостник (кІэрыщІэ). Путы, используемые черкесами, были треножные (щэлъахъэ). Черкесы, сообщает Ф.Ф. Торнау «употребляли весьма простой и удобный способ спутывать лошадей треногами, отнимающими у них возможность далеко уходить и делать скорые прыжки. Тренога состоит из двух широких сыромятных ремней, одного длинного и другого короткого, связанных между собой в виде латинского Т; на концах этих ремней находятся петли из

узких ремешков, застегиваемые на костяные чеки. Коротким ремнем спутываются обе передние ноги несколько выше копыта, а концом длинного ремня обвязывается одна из задних ног выше колена. Петли с чеками позволяют растреножить лошадь в одно мгновение, что имеет особую важность в быту горца, встречающего так часто надобность, в случае неожиданной тревоги, вскочить на лошадь, не теряя времени»¹⁰.

Предпочтение, которое черкесы отдавали треногам, отражена в пословице: «ныкъуэ лъахъэр шы гъэкIуэдщ, щэлаъхъэр гу гъэпсэхуш» – «От [двуножных] пут лошадь пропадает, от треножных пут сердцу покой».

2. Походное снаряжение

Кроме оружия, отправляющиеся на долгое время в поход наездники, имели при себе массу других вещей, необходимых в дороге. Среди вещей, составляющих по словам Хан-Гирея «утварь лучших наездников», были следующие: седельный топорик (уанэ джыдэ), подседельный ящичек для соли (шыгъульэ), аркан (шадз), маленькие железные наручники для пленных (Iэхъу-лъэхъу), кляп в виде войлочного шарика* с двумя шнурками, огниво (штэ), кремь (штэуч), трут (штамылэ), серные и восковые свечи (уэздыгъэшыхъ), шило (дыд), запас ремней для починки сбруи (фэ кIапсэ), кожаный стакан для воды (сулукъ), походный котелок (лэгъуп), походный поднос (сыхъэн, Iэнлъэ), повязочные бинты, марли, пропитанные воском (шэхудэ), дезинфицированные тампоны для глубоких ран (лъыс), подзорная труба (нэрыплъэ), компас (къиблэм), походная фляжка (къыр-къыр), два надувных бурдюка (фэнд), переметная походная сумка (къэльтмакъ), игла (мастэ), нитки (Iуданэ), смена нижнего белья (щIагъщIэлъ), теплые носки (лъэпэдхуабэ), запасная обувь (лъэхъстэн вакъэ), целебные травы или лекарственные снадобья для заживления ран, погребальная рубашка (хъэдэ джанэ) и некоторые другие¹¹.

Компактность – актуальная проблема походной жизни, в снаряжении наездников была достаточно продумана. Все это хозяйство, сопровождавшее черкеса в походной жизни, было распределено в экипировке таким образом, что не создавало ему неудобств. Часть предметов была приторочена к седлу: седельный топорик, подседельный ящичек для соли, аркан, походная фляжка, бурка, переметная сумка с походным запасом пищи, а также походные надувные бурдюки с лежащим в них запасным комплектом нижнего белья, носков и обуви. Походный кожаный стакан хранили под седельной подушкой. Часть мелких вещей (иглы, нитки, просмоленные сухие щепки для разведения огня, лекарственные травы для ран и т.д.) хранились в нескольких газырях.

В экипировке воинов основная нагрузка ложилась на пояс. На поясе, кроме кинжала и двух пистолетов, висели в специальном кожаном кисете (щтамылалъэ) трут, огниво и кремь, стальная жирница, пороховница, пульница в виде кожаной сумочки.

Удобство и продуманность у черкесов многих элементов походной экипировки отмечал Ф.Ф. Торнау. В частности, он писал: «Каждый горец имеет при себе все, что необходимо для огня. Огниво, служащее также винтовой отверткой, кремь и трут в кожаной сумке висят ... на поясе. В одном из деревянных патронов, помещенных у него на груди, берегутся серные нити и куски смолистого соснового дерева, позволяющие быстро разводить огонь. Рукоять плети и конец шашки всегда обмотаны бумажною материей, напитанною воском; скрутив ее фитилем, он имеет тотчас свечу»¹².

* Войлочным шариком затыкался рот пленнику, чтобы он не смог закричать при его похищении и привлечь внимание к похитителям. Шнурки кляпа завязывались на затылке пленника, не давая ему возможность вытолкнуть изо рта кляп.

3. Походная пища

Существование у черкесов специального термина, означающего походную пищу – «гъуэмылэ», свидетельствует о том, что военные походы занимали в их жизни значительное место. Для обозначения обычной пищи у черкесов были другие термины – «ерыскъы», «шхын».

В качестве походной пищи черкесами использовались такие ее виды, как «къуэгул», «хъэкъурт», «лыгъур», «кхъуейплъыжь» и некоторые другие.

О первом (къуэгул) Хан-Гирей сообщает: «Хголиль – пища, приготовляемая из просяной муки с медом и сохраняемая весьма долгое время, лет по десяти-двадцати и более; этого рода кушанье исключительно служит походною или, лучше сказать, наезднической пищею. Князья и уздени гордятся тем, что имеют такие старые хголили, которые едят, запивая водою, и, находясь в наездах, употребляют весьма умеренно»¹³.

В фольклоре часто упоминается и другой вид походной пищи, так называемый походный хлеб «тхъурымбей». Вот что нам сообщил об этой пище и способе ее приготовления знаток и исследователь адыгской кухни Кубатиев Борис: тхурымбей изготавливают следующим образом: молоко, сметана, масло, яйца, соль вместе хорошо сбивают. Затем этим замешивают пшеничную муку. Из полученного теста делают небольшие катыши по 25–30 грамм, смазав руки маслом. Затем их бросают в горячее масло и жарят. Эту пищу брали в походы, так как она долго не портилась»¹⁴.

Для приготовления другого вида походной пищи – хакурта (хъэкъурт) использовали смолотую в муку прожаренную кукурузу, замешанную на меду.

В походы брали также сушеное мясо (лыгъур), имевшее свойство не портиться. Обычно это баранина или козлятина. Для их приготовления мясо хорошо просаливалось и высушивалось (зимой над очагом, летом на солнце). Иногда его дополнительно коптили.

Кислое молоко (шху), любимый повседневный напиток черкесов, также брали с собой в дорогу. Если дорога недалняя, то его брали в натуральном жидком виде. Если же это дальний поход, его брали в виде концентрата (шхуз), представлявшего из себя порошок или катыши белого цвета. Шхуз получали путем обезвоживания и процеживания кислого молока. При необходимости такой порошок разбавляли в воде, взбалтывали и употребляли в жидком виде.

Многие авторы свидетельствовали о том, что черкесы во время походов были необычайно воздержаны в пище. И. Бларамберг, в частности, сообщает: «Когда черкес отправляется в набег, он берет с собой в кожаном мешочке провизию, которая состоит из просяной муки и нескольких кусков копченой козлятины или баранины... провизии этой хватает черкесу на две-три недели; для сравнения скажем, что такого количества провизии русскому солдату едва ли хватило бы на 2–3 дня»¹⁵.

Кроме основного дорожного запаса, хранимого в притороченном к седлу кожаном мешочке, у наездников был еще один, особый запас провизии. Это был неприкосновенный запас, который употреблялся в самом крайнем, экстренном случае. По словам стариков, его хранили в одном из газырей. Воину он был нужен вот зачем. К примеру, он остался один, тяжелораненый, без лошади, где-нибудь в лесу. Питаясь понемногу этим запасом и запивая водой, он мог поддерживать свои силы в течение нескольких дней. А за это время мог найти какой-нибудь выход из создавшегося положения¹⁶.

Этот неприкосновенный запас провизии представлял собой высококалорийную смесь из различных продуктов: в ее состав входили мелкоизмельченная, перемолотая сушеная козлятина, прожаренные просяная, кукурузная мука, мед и другие компоненты.

Таким образом, можно сказать экипировка и походное снаряжение черкесского наездника были хорошо приспособлены к природно-географическим, климатическим условиям Кавказа, а также к особенностям военного образа жизни черкесов. Говоря о военном быте черкесов, В.А. Потто писал: «...их боевые обычаи и вооружение были результатом векового опыта, и потому всякий, кто хотел поравняться с ними, должен был поспешить заимствовать от них все: и сбрую, и оружие, и способы управлять конем, и все сноровки и ухватки этого воинственного племени. Так именно и сделали линейные казаки»¹⁷.

Примечания

1. *Маркграф О.В.* Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа. М., 1882. С. 158.
2. *Вилинбахов В.Б.* Из истории русско-кабардинского боевого содружества. Нальчик, 1977. С. 111.
3. *Гербер И.Г.* Записки о находящихся на Западном берегу Каспийского моря, между Астраханью и рекою Кура, народах и землях и об их состоянии в 1728 году // АБККЕА. С. 151–155, 154.
4. *Аствацатурян Э.* Оружие народов Кавказа. История оружия. Москва-Нальчик, 1995. С. 55.
5. *Торнау Ф.Ф.* Воспоминания кавказского офицера // Адыги. Культурно-исторический журнал. Нальчик, 1992. № 3. С. 16.
6. *Лонгворт Дж.А.* Год среди черкесов // АБККЕА. С. 533.
7. *Торнау Ф.Ф.* Воспоминания кавказского офицера // Адыги. Культурно-исторический журнал. Нальчик, 1991. № 2. С. 12.
8. *Торнау Ф.Ф.* Воспоминания кавказского офицера // Адыги. Культурно-исторический журнал. Нальчик, 1992. № 3. С. 17.
9. *Лайэлл Р.* Путешествие в Россию, Крым, Кавказ и Грузию // АБККЕА. С. 326.
10. *Торнау Ф.Ф.* Воспоминания кавказского офицера // Адыги. Культурно-исторический журнал. Нальчик, 1991. № 2. С. 23.
11. Информатор Яхтанигов Хасан Хабасович, 1943 г.р., с. Вольный Аул КБР.
12. *Торнау Ф.Ф.* Воспоминания кавказского офицера // Адыги. Культурно-исторический журнал. Нальчик, 1992. № 3. С. 7.
13. *Хан-Гирей.* Записки о Черкесии. Нальчик, 1992. С. 223.
14. Информатор Кубатиев Борис Хазретович, 1939 г. р., сел. Куба, Баксанского р-на КБР.
15. *Бларамберг И.* Кавказская рукопись. Ставрополь, 1992. С. 69.
16. *Жылау Нурбий.* Ди фашэхэм ехьэллауэ Гуэхугъуэхэр // ЩЦэнгуазэ. Налшык, 1992. № 4. Апрель. С. 8.
17. *Потто В.А.* Кавказская война. Ставрополь, 1994. Т. 2. С. 515.

A.S. Mirzoev

HORSE EQUIPMENT AND MILITARY EQUIPMENT OF THE CIRCASSIANS IN THE 18th–19th CENTURIES

The article describes the study and horse equipment and military equipment Circassians, excluding clothing and weapons in 18 the first half of the 19th centuries.

Keywords: horse gear, equipment, camping equipment, camp food, compactness.

Д.В. Кумахова

ТРАДИЦИОННОЕ И НОВОЕ В ОДЕЖДЕ КАБАРДИНЦЕВ

В статье рассматривается традиционная и новая мужская и женская одежда кабардинцев, которая является составной частью этнической материальной культуры. В подробностях исследуются ее основные виды. Выбор каждого отдельного элемента национального костюма и функционирование его в различных обрядах и традициях были не случайными и объяснялись практическими соображениями. Изменения в одежде были связаны с культурными преобразованиями в жизни народа.

Ключевые слова: кабардинцы, мужская одежда, женская одежда, традиции, новое в одежде.

Кабардинцы – одна из этнических групп адыгов и коренное население Кабардино-Балкарии. Также проживают в Карачаево-Черкесии, Адыгее, Северной Осетии, в Ставропольском и Краснодарском краях. Говорят они на кабардино-черкесском языке абхазо-адыгской группы. Численность кабардинцев в России по результатам переписи населения 2010 г. составляет 517 тыс. человек.

Национальная одежда кабардинцев, как и любая народная одежда, складывалась в результате воздействия ряда экономических, исторических и географических условий. Поскольку в их хозяйстве не было иного сырья для ткани, кроме шерсти, кожи, меха и войлока, то основные части костюма делались из данных материалов¹. Тем не менее, рано завязавшиеся торговые отношения с другими народами расширили ассортимент товаров и в одежду вошли привозные хлопчатобумажные, льняные, шелковые и тонкие шерстяные ткани. Следует отметить, что они, в первую очередь, были доступны зажиточным слоям населения. Остальная же ее часть, в особенности до второй половины XIX в., нередко испытывала так называемый «ситцевый голод». Так или иначе, из женской одежды шерстяные домотканые материалы были полностью вытеснены уже с середины прошлого века². В данной работе проводится анализ этнических функций традиционной и элементов новой одежды кабардинцев. Методологической и теоретической основой исследования явились труды известных этнографов: Бромлея Ю.В.³, Студенецкой Е.Н.⁴, Арутюнова С.А.⁵, Унежева К.Х.⁶, Мамбетова Г.Х.⁷, Эфендиева Ф.С.⁸, Хан-Гирея⁹ и др.

Мужской костюм складывался в условиях большой подвижности населения, связанной с характером хозяйства и образом жизни. Необходимой принадлежностью всадника являлась длинная бурка, заменявшая в походе постель¹⁰. Местные бурки по прочности и легкости считались лучшими на Северном Кавказе. Теплой одеждой служили также овчинные нагольные шубы.

Распространенной верхней одеждой кабардинцев являлась черкеска из домотканого или фабричного сукна, чаще всего черного, бурого или серого цветов. В дореформенный период белые черкески и бурки разрешалось носить только лицам, принадлежавшим к феодальному классу. Длина черкески в основном зависела от моды. Так, например, в начале XX в. носили очень длинные, до щиколоток, черкески. Обычная же их длина была немного ниже колен.

По обеим сторонам груди на черкеске нашивались кармашки для деревянных трубочек – газырей, в которых раньше хранили заряды для ружей. До появления

огнестрельного оружия на этих местах делались обычные карманы, как это иногда встречалось на рабочих черкесках и в XIX в. В XVII–XVIII вв. парадные черкески имели разрезные откидные рукава, а позднее – прямые и широкие¹¹.

Под черкеску, поверх нательной рубашки, надевался бешмет – кафтан с высоким стоячим воротником, застежкой спереди посередине до пояса, длинными и узкими рукавами; длина его несколько выше колен. Зажиточные слои населения шили бешмет из бумажной, шелковой или тонкой шерстяной материи, часто ярких цветов, а крестьяне – из домотканого сукна, позднее из бумажной ткани. Бешмет являлся домашней или рабочей одеждой. Черкеска в прошлом для большинства крестьян была праздничной одеждой.

Что касается штанов, то они шились из домашнего или покупного сукна и имели достаточно простой покрой – две штанины соединялись большим ромбовидным клином и собирались у пояса специальным шнурком. Весьма важной частью костюма являлся головной убор, наиболее устойчиво сохранившийся вплоть до последнего времени. Его носили не только для защиты от жары, холода, но и «для чести». Еще Дж. Лонгворт отмечал, что в условиях «поражительного единообразия» костюмного комплекса черкесов, именно головной убор, «в зависимости от материала, из которого он может быть сделан – из каракуля, бараньего или козьего меха, мелко или крупно завитого, плотного и густого, длинного и косматого... может быть принят за показатель, раскрывающий нам преобладающие черты вкуса, если не склонностей носящего этот головной убор»¹². В более ранние времена головные уборы кабардинцев отличались не меньшим разнообразием – так, в источниках XV–XVII вв. упоминаются и очень низкие шапки, и высокие войлочные колпаки типа «сахарной головы».

Сбить или сорвать шапку с головы адыгского мужчины было равнозначно нанесению тягчайшего оскорбления. При таком восприятии добровольно снять ее могли в исключительной ситуации, например, при обращении с просьбой о покровительстве.

Наиболее распространенным типом головного убора являлась меховая папаха с суконным доньшком. Ее форма менялась согласно велениям местной моды. Главным образом, это была высота околыша. В летнее время обычно носили войлочную шляпу с широкими полями. В холодную или ненастную погоду поверх меховой папахи надевался суконный башлык. Его всегда брали с собой в дорогу и носили на плечах, пока он не понадобится. Парадные башлыки делали белыми или цветными и украшали галунами и золотым шитьем¹³.

По материалам конца XVIII – начала XIX вв. приобрели известность мужские суконные шапки, украшенные галуном и напоминающие митры. Также носили цилиндрические шапочки с широким галуном на околыше, позднее характерные только для женщин. Однако эти типы головных уборов носили лишь князья и уорки.

На ноги надевались кожаные или войлочные ноговицы и кожаная мягкая обувь со швом посередине подошвы – чувяки. Князья часто носили красную сафьяновую обувь, украшенную галунами и вышитую золотом, а крестьяне – грубые башмаки из сыромятной кожи¹⁴. Стоит упомянуть также узкий кожаный пояс с серебряными бляшками и подвешенными к нему ружейной отверткой, кресалом и т.д.

Большой интерес представляет традиционный женский костюм, сложный по форме и ярко отражающий социальные различия. Женщины надевали прямую длинную рубаху из бумажной или шелковой ткани, чаще всего красного или оранжевого цветов. Она была видна в разрез платья. Под рубахой носили шаровары, собранные внизу.

С периода созревания девушки носили короткий кафтан, сходный по крою с бешметом. На груди он застегивался несколькими парами серебряных застежек. Цвета кафтана – темно-красный, черный, реже синий. Кафтан обшивался галуном, а его рукава и полы украшались золотым шитьем. Поверх кафтана надевалось

длинное платье, по покрою сходное с черкесской. Платье спереди имело разрез, через который были видны застежки кафтана и его полы, часто украшенные вышивкой¹⁵.

Нарядные платья шили из бархата или темного шелка и украшали галунами и золотым шитьем. Рукава платья в конце XVIII – начале XIX вв. делались длинными разрезными, позднее стали шить платья с цельными рукавами до локтя и из-под них были видны рукава кафтана и рубашки. В торжественных случаях к рукавам платьев прикрепляли подвески в виде широких и длинных лопастей, вышитых золотом, имитировавшие более ранние откидные рукава. Пояс с серебряной пряжкой дополнял нарядный костюм княжны или дворянки.

Головной убор имел разнообразные формы, которые связывались с различными периодами жизни женщины. Девочки ходили с открытой головой или в платке. Девушки на выданье носили «золотую шапочку», которая имела высокий твердый околыш, украшенный серебряным или золотым галуном или вышивкой, закругленную, конусообразную или плоскую верхушку из сукна или бархата, украшенную галунами, а иногда и серебряной шишечкой на верхушке¹⁶.

Также носили сафьяновую или кожаную обувь, сходную с мужской, – чувяки. Парадная обувь часто была красного цвета. Одним из показателей сословного различия служил цвет одежды. Платья красного цвета носили лишь женщины дворянского происхождения. Будничная одежда крестьянок шилась из покупной ткани, а до середины XIX в., – из домотканой шерстяной ткани, и состояла из рубахи, шаровар, кафтана и платья с матерчатым или кожаным поясом с галуном. На голову девушки надевали большую шаль, замужние под шаль – маленький платок.

Обувь в виде высоких скамеечек, сделанных по форме ступни и обтянутых бархатом с серебряными украшениями, была принадлежностью женщин высшего сословия. Ее обычно надевали в торжественных случаях. К дворянскому девичьему костюму следует отнести также кожаный корсет с деревянными планками. Одной из основных функций одежды кабардинцев являлась корректирующая функция, заключающаяся в формировании внешнего облика человека, соответствующего определенному эстетическому идеалу. Высокая семиотичность вещей отражала субэтническую и конфессиональную принадлежность и материальное положение ее владельца. Материалы, применявшиеся кабардинцами для изготовления одежды, имели различное происхождение, являясь как продукцией местного хозяйства, так и результатом торгового обмена. Так, развитое животноводство поставляло мех для шапок, шерсть, использовавшуюся в производстве домотканого сукна и войлока, из которых в свою очередь шились черкески, бурки, штаны, ноговицы. Из кожи выделывали ремни, обувь, пояса, а из сафьяна – девичьи корсеты, мужскую и женскую обувь, парадные ноговицы. Из льняных и конопляных волокон ткали полотно и холст, шедшие на изготовление нательной одежды и бешметов.

Усилившиеся после крестьянской реформы связи Кабарды с Россией не могли не отразиться на носившихся вещах. Освобождение зависимых сословий сняло феодальные запреты с определенных форм и расцветок одежды, и постепенно ее материал, покрой и цвет стали зависеть от материальных возможностей и вкуса. Развитие русской текстильной промышленности и расширение внутреннего рынка усилили ввоз фабричных тканей, что делало одежду более удобной.

Современная мужская и женская одежда кабардинцев претерпевает более существенные изменения в сторону улучшения практической значимости. Она подразумевает образ, позволяющий раскрыть свою индивидуальность, не обязывает ограничиваться каким-то одним направлением. Современный стиль одежды – это джемпера, кардиганы, классические брюки и платья, цветные и однотонные рубашки и т.д. Выбирая обувь, отдают предпочтение кедам, мокасинам, босоножкам с множеством ремешков, туфлям и пр. Современные стили удобны тем, что не загоняют в строгие рамки моды, а, наоборот, открывают простор для фантазии и экспериментов.

Но следует отметить, что и национальные костюмы не утратили, а с годами укрепили свой черкесский дух. Пример тому известный в Кабардино-Балкарии и за ее пределами Арт-центр художника-модельера Мадины Саральп, которой удалось дополнить национальную форму современным содержанием, создать платье черкешенки прошлых веков в стиле XXI века. Платья, представленные на выставке в Национальном музее Кабардино-Балкарии и в Этнографическом музее в Санкт-Петербурге, ярко выразили мудрость и красоту черкесской женщины. Свадебные платья в черкесском стиле – также своеобразная визитка Саральп, возможность взглянуть на традиционное искусство свежим взглядом, соединить его с самыми новыми технологиями.

Каждая эпоха предъявляет к одежде свои требования. Новые социально-экономические и культурные условия вызывают необходимость создания новых видов одежды. Таким образом, можно с уверенностью сказать, что одежда кабардинцев постепенно приняла облик, соответствующий общеевропейским стандартам. Изменения в одежде были связаны с культурными преобразованиями в материальной сфере и дали толчок к формированию современной моды.

Примечания

1. Адыгская (Черкесская) Энциклопедия. М., 2006. 1248 с.
2. Алиев А.К. Народные традиции, обычаи и их роль в формировании нового человека. Махачкала, 1992. 176 с.
3. Бромлей Ю.В. Традиционная культура и этнография // Современные проблемы этнографии. М., 1981. 378 с.
4. Студенецкая Е.Н. Одежда народов Северного Кавказа XVIII–XX вв. М., 1989. 288 с.
5. Арутюнов С.А. Народы и культуры: взаимодействие и развитие. М.: Наука, 1989. 247 с.
6. Мамбетов Г.Х. Традиционная культура кабардинцев и балкарцев. Нальчик, 2011. 352 с.
7. Унежев К.Х. Феномен адыгской (черкесской) культуры. Нальчик, 1997. 227 с.
8. Эфендиев Ф.С. Этнокультура и национальное самосознание. Нальчик, 1999. 304 с.
9. Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1992. 333 с.
10. Нации и этносы в современном мире. Словарь-справочник. СПб., 1999. 132 с.
11. Современная западная философия. М., 1991. 414 с.
12. Сорокин П.А. Социокультурная динамика // Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. 237 с.
13. Эстетическое образование и воспитание в ВУЗах. М., 1971. 76 с.
14. Сурина И.А. Ценностные ориентации как предмет социологического исследования. М., 1996. 212 с.
15. Токарев С.А. Обычаи и обряды как объект этнографического исследования // Советская этнография. 1980. № 3. С. 36–40.
16. Шадже А.Ю., Демениа О.Н. Динамика социальных трансформаций на Северном Кавказе. Майкоп, 2002. 138 с.

D. V. Kumahova

TRADITIONAL AND NEW IN THE KABARDIANS' CLOTHES

The article examines traditional and new men and women clothes of kabardians which is the part of ethnic material culture. Main types of them are considered in detail. The choice of every element of national costume and its functioning in different customs and traditions were not accidental and explained by practical thoughts. The changes in clothes were related to culture transformations in their life.

Keywords: kabardians, men clothes, women clothes, traditions, new in clothes.

Абазэ И.А.

ТФІЭКИУЭДА ХАБЗИТИ

Лэжыггэр зытеухуар: пасэрей адыгэ хабзэхэу иджы зырамышьэжхэрщ: Тылейр, езым и гупсысэмкІэ и гьашІэр и Хэкумрэ и лъэпкьымрэ узыхь яхуэщІынырщ; уэсэпщыр, гузэвакІуэ кьахуэкІуам фЫшІэ зэрыхуашІ псалъэт; хьыдан бгырыпхщІэпхэр, лъышІэж хабзэ мыхьумышІэр кьызэраггэувыІэ Іэмалт.

Хэзыггэгуазэ псалъэхэр: хабзэ, тыхь, цей плъыжь, тхьэрыІуэ, гуауэ, щІэпхьэджаггэ, зэггэкІужын.

Тылей¹

Зы лІэщІыггэуэрэ ныкьуэрэ ипІуэкІэ *тылей*-кІэ еджэу зы хабзэ шыІат, ди нобэм кьэмысыжыфауэ, хэкІуэдэжыным зэрымышІэкІэ кьелауэ. Мы хабзэм теухуауэ шыггэуазэ фысщІыныщ. ЗэрыттщІэши, цей хужьыр шызытІэггэфыр пщыхэмрэ уэркьхэмрэт. Андрей цеифэхэри кьызэрыгуэкІхэм щатІаггэрт. Цей плъыжьыраши, и псэр лъэпкьым, и Хэкум щхьэкІэ зытыфырат шызытІэггэфыр.

Нобэ ди кьэфакІуэ гупхэм я закьуэу кьэфэкІыхь кьэфэкІэр зыггэзащІэр пщыуэркь щІалэхэраш. Кьэфэ пшыналгэм и цІэри езыхэм папщІэ яуса кьэфэ, е уэркь кьэфэщ. Нэхь псынщІэрыщІэ кьэфэкІэхэри цей плъыжь шызытІаггэ щІалэхэраш зыггэзащІэр.

И псэр и лъэпкьым щхьэкІэ тыхь зыщІ Тылей адыгэ щІалэ. Мы хабзэм и кьежьапІэр зэрьжыдыдэм шэч хэлькьым. 19-нэ лІэщІыггэуэм и иужьрей ильгэсхэм нэс кьэггэуэгурыкІуауэ адыгэм и зы хабзэщ. Бийм и гуащІэм пэмылъэщыфхэмэ, е бийр имыкІуэтыжмэ, е лъэпкьыр гузэвэггэуэм щыхэхуэм деж пщы щІалэ е уэркь щІалэ гуэр езыр-езырурэ утыкум кьохьэри нэхьыжьхэм яжреІэр Тылей хьуну. Мыбы зыми и Іуэху хэлькьым, щІалэр зыми триггэгушхуэркьым. И Іуэхур зрихьэлІа нэхьыжьхэр зы тхьэмадэм и унафэм щІэту зэхуосхэри унафэ ящІыр. ЯщІыну мы унафэр ядэнкІи мэхьу, ямыдэнкІи мэхьу. Ядэмэ, пэжу лэпкьыр, Хэкур гузэвэггэуэм хэхуауэ араш, ТылейкІэ утыкум кьихьа щІалэми хузэфІэкІыну ягуггэмэ ядэр. Мыпхуэдэ зы хабзэ дунейм зы лъэпкьыми иІауэ е иІуэу дрихьэлІакьым. Мы хабзэм адыгэр зэреджэу шытар *тылей*-щ.

Тхьыдэ лгэхьэнэм ипэхэм шыщІэдзауэ иужьрей лгэхьэнэхэм нэс Тылейуэ утыкум кьиува щІалэхэм и шапхьэхэри, и шэсри шыІэщ. ДызэрызэІэбэкІыжыф антик лгэхьэнэхэм шыщІэдзауэ ди нобэм кьэс и щІыкІэми, и теплгэми зымышьуэжауэ кьэггэуэгурыкІуащ. Тылейм и щІэдзапІэр кІэщІу зы тхьэлгэІу зэІушІэщ. Мы тхьэлгэІум адыгэ лъэпкьым и нэхьыжыфІхэр зы тхьэмадэм и унафэм щІэту зэхуэсхэрт. Тылей щІалэми Іэмал имыІуэ плъыжьыбзэу цей шитІэггэн хуейт. Мы хабзэм ипкь иту Тылей щІалэм цей плъыжьыр хуадыр. Мы цей плъыжьыр нэггэуэщІ зыгуэрым шитІэггэну хуитыныггэ иІэтэкьым. Нобэ кьытхуэнараши кьэфакІуэ гупхэм цей плъыжьыр шраггэтІаггэри кьаггэфэр.

Kırmızı çerkeska içinde bir tley (Çerkes fedaisi)

Цей пльыжскІэ зихуэпауэ Адыгэ Тылей щІалэ

Цей пльыжскыр зэрад щІыкІэр. Тылей щІалэм и шыпхъум, шыпхъу имыІэмэ и унэкъуэщ хъыджэбз гуэрым нэхъыжхэр зыщІэс пэшым Іэнэшхуэ щІехъэри щэкІ пльыжыр лэныстэкІэ иребзэр. Мис мыбдеж зэрыбза дьдэм щыщІэдзауэ Тылейр и гъащІэми, и дунейми пыкІыжауэ ялыгтэрт. Мы щэкІ пльыжкыр нэхъыжхэри, я тхэмадэри щІэсу ябзу яда нэужь щрагъэтІагъэрти нэхъыжхэр зыщІэс пэшым кыггээзэжт. Гуп тхэмадэми мы щІалэр Іэщэ-фащэхэм и нэхъыфІ дьдэмкІэ иузэдырт. Тылейм, дыщэкІэ гъэщІэрэщІа жыр пыІэр, къамэр, джатэр (иужькІэ сэсхуэм хуэкІуащ), нэхъ ипэлукІэ шабзэм и нэхъыфІымрэ зы сагъындакь из шабзэшэрэ иритырт. Тылейм зихъумэжыну афэ джанэ, мэлуху хуэдэхэр иратыртэкъым. Ауэ а лъэхъэнэм Іэщэм и нэхъыфІ дьдэмкІэ яузэдырт. Мы Іэщэ-фащэхэмкІэ яхуэпа Тылейм зэи ямыхъуэжа мы псалъэхэмкІэ тхэ иІуэрт шынэу кымыкІуэтыжыну.

Ипэрей адыгэ уэрэд, гыбзэхэм къазэрэхэщымкІэ, Тылей Іуэхугъуэр куэдэр къэхъуакъым. Тхыдэжкым къыгІымыгъэлэсыжыфа ди лъэхъэнэ блэкІам адыгэм и щІыхъымрэ и хуитыныгъэмрэ ихъумэн щхъэкІэ мыпхуэдэ Іэмалыншэ Іуэхугъуэр зэрагъээзэщІар машІэ дьдэрэщ. Мыр къызыхэкІыр адыгэхэм я Хэкур, я хуитыныгъэр зэрахъумэжыфрат. Ауэ нэхъыбэу уэрэдыжхэмрэ гыбзэхэмрэ къызэрыхэщыр зэрымынахуэ дьдэм къыхэкІыу Тылейм и къежъапІэр мы лъэхъэнэращ жьдыгъэлэфкъым.

И щІэдзапІэр мыращ жьдымыІэфми, иужьрей лъэхъэнэм къэхъуа Тылейм и гугъу зыщІэ и щІыкІэр, и теплэр ди нэгу къыщІэзыгъэхъэ кІапэлъапэхэр къыдохутэфыр. Тылейм, японхэм я камикадзе «жыбгъэ лъапІэ» мыхъэнэ иІэкъым. Щхъэхуэуи жытІэ хъунуш фІэщхъуныгъэм папщІэ и псэ тынри зэрэхэмылбыр.

Тылей тхэрыІуэр зы цІыхум игъэляпІэ, е лъапІэныгъэ зыраплъымрэ ящІа лъапІэныгъэ зыхэлъым дищІа зэгурыІуэныгъэщ. Лъэхъэнэ, Хэку, лъапкъым папщІэ Тылейм езым и щІыкІэр зыгъэляпІэ, и Хэкум папщІэ и псэ нэхур зыт щІыкІэщ. КІэщІу жытІэмэ, Тылей тхэрыІуэр щІыхъ, хуитыныгъэ, Хэку лъагъуныгъэм щхъэкІэ игъуэ ихуэмэ, езыр-езырурэ утыкум ихънращ. Зауэ ІэнатІэм Іухъэхэмэ бийдзэм я дзэпщ, е зэуакІуэлІ ирагъэлягъуар иукІын, е жэщым бийдзэм я уэтэрым техъуэ зи гугъу ящІа цІыхур иукІынращ. Тылейм цІыхуцІыкІур зыщышынэ тхэхэм я гугъу ищІкъым. Абы къыхэкІыу фІэщхъуныгъэ и лъэныкъуэжкІэ убгъэдыхъэ хъунукъым. ТеплэкІэ лыгъэрэ лыхъужыгъэкІэ Тылейр узэдащ. Іэщэ-фащэхэм я нэхъыфІ дьдэхэмкІэ зэгъэпэща хъуа нэужь, адыгэм и дзэр зауэм шыІухъэм Тылей щІалэм бийм и дзэм хиукІыхъынур дэтхэнэрами, е бийдзэр здэтІыса щыпІэм хъэкІырэр

(Тасхэщлэх) щэхуу епльакуэрти ирагъэуклыну дзэлъыр е дзэпщыр жэщкIэрэ зыщлэлыну шэтырыр къащлэрти Тылейм ирагъэлыагъут. Тылейм пщэрылыу зыхуигъэувар игъээщлэ нэужь къелауэ яльэгъуакъым икIи зэхахакъым.

Сымхэ Орхъан Алпаслъэн Тылейм и лъэужыр къызэрихутар мыпхуэдэу къелуэтэжыр: – *Истамбыл тхылыжьсхэр цацэ тыкуэн гуэрэм, Тхэм ещлэ сьт лъандэрэ щлэьми, тексир машинэклэ ягъэбэгъуауэ напэкуэцI зыбгъупцI хъууэ, французыбзэкIэ тхауэ, зэрымыщлэклэ къээзгъуэтри, уасэ зыхуэзмыщлэьф документ гъэщлэзгъуэныр тыркубзэкIэ зээдзэкIащ.*

Хъыдан бгырыпхцIэпхэ²

Мы хабзэ дахэри лыщлэжым теухуауэ тIэщлэгъупщыкIыжаш. Цыху зыукIа лъыр, ищлэмкIэ щлэгъуэжамэ, е бий ищлэхэр еклэ иужь къыхъауэ и псэм тешыныхъмэ, къуажэ лъыжьхэм ныш яхуеукIри ефэ-ешхэ къелэтыр. Ефэ-ешхэр зыфлэклэ нэужь, щлалэр лъыжьхэм я пашхэм йоувэри и бийм *Хъыдан бгырыпхцIэпхэ*-кIэ екIужыну зэрыхуейр яжрелэр. Лыжьхэми лъэныкъуитIыр зэкIужмэ я гуапэ дьдэ зэрыхъунум шэч хэлькъым. Сьт щхэклэ жытIэмэ, лыщлэжым ди цыху мащлэ ихъакъым. Хъыдан бгырыпхыр щлэзыпхэр цыхубзращи, цыхухъум дежкIэ икIагъэу ялыгъэ, екIужыну хуейри къыхуигъэгъуну йолъэлур.

Къуажэ лъыжьхэм, къуажэ хасэ яхуэу жылэ унафэр къышашта щыпIэм лъэныкъуитIри ираджэр, е езыхэр иль зыщлэжыным и деж макIуэр. Иль зыщлэжыным псалгэ дахэкIэ зыхуагъазэри мыхэр жралэр: «Уэ щлалэ, бий пхуэхъуар ищлэ щлэпхэджагъэм хущлэгъуэжаш *хъыдан бгырыпхцIэпхэ*-кIэ къокIужыну къыдэлъэлуаш. Мы лыщлэжыр лъэпкъ гъэкуэдщ, кIэ илэкъым, уукIмэ узэраукIыжыным шэч хэлькъым. Мы тцIа унафэр жылэ унафэщи уебакъуэ хъунукъым», – жалэрти мы хабзэ дахэмкIэ зэрагъэкужырт. Мыр ипэ дьдэу Узуняйла Уэзы Мурат папщлэ шагъээщлэщ.

Уэзы Мурат (Токбу) и сурэт

Дзу и къуэ Уэзы Мурат (и цIэ пэжыр Токбуш), и анэр Нырхэ япхъуш, 1858 гъэм Гум къалэ къедза Къалэдэс къуажэм (иджы Незлобное) къыщалъхуаш. ХэкумкIэ абрэджу и ныбжьэгъуу къепцIыжахэр ХъэцIыкIу Хъэжырэ Дыкъынэ Елэнрэщ.

Пщыбийм и тхылъым ХьэцIыкIу Хьэжым и гугъу ищIыххэкъым, икIи ицIыхукъым³. Ауэ мы тфIэкIуэда хабзэр зытеухуар ХьэцIыкIу Хьэжырэ Уэзы Муратрэщ. ТыркумкIэ зраIуэтэжыр ХьэцIыкIу Хьэжырэ Дыкынэ Елэнрэ зэгуроIуэри ахьшэ щхьэкIэ я пашэ Уэзы Мурат урысым ирацэр. Урысхэм щыри лъэхуэщым ягъэтIысыр. ХьэцIыкIу Хьэжы и тепIэнщIэлынхэм и тебзэхэр кIапсэ ещIри лъэхуэщ гъуанэмкIэ зырегъэлэлэхри мэкIуасэр. Урысым заримыгъуэбыдын щхьэкIэ Тыркум йохъэжри Узуняйла и унэкъуэщхэр зыдэс Иналыкъуей къуажэм дотIысхьэжыр. МыдэкIэ лъэхуэщым къыщIэна Уэзы Мурат нэгъуэщI къалэм и лъэхуэщым ягъэлэпхуэну мафIэгукIэ яшэ пэтрэ ялэщIокIыр.

Мыбдеж аргуэру Пщыбий Инал и тхылъым догъээжри, Мурат физ къишэну етх. Урыс милицэр къыплыхуэу уэ хьэгъуэлIыгъуэ уагъэщIынт! – и къэшэныр Истамбыл яшати кIэлъокIуэр, жиIуэ етх. Мыри пэжкъым, езы Мурат ТыркумкIэ щIуэтэжауэ, къаIуэтэжыр мыращ. Мурат ялэщIэкIа нэужь шууэ и лыр ищIэжыну ГрузинымкIэ Тыркум йохъэр. ЩIэупщIэурэ Узуняйла жыхуаIэ адыгэ къуажэ 70 зэрыс губгъуэшхуэм йохъэри Къуэгъулькъуей къуажэм щохъэщIэр. Уэзы Мурат Къуэгъулькъуейм къэсауэ, езым къызэрыщIэупщIэр зыхэзыха ХьэцIыкIу Хьэжы ныш еукIри къуажэ лыжхэр ирегъэблагъэр. И Iуэхур зытетыр лыжхэм хьыдан бгырыпхщIэлэхэ-кIэ екIужыну зэрыхуейр яжреIэр. Адыгэ лыжь Iушхэми я гуапэ зэрыхуэным шэч хэлъкъым лыы мыжэу зэкIужхэмэ. Къуажэ хасэ унафэкIэ зэрагъэкIужыну зэгуроIуэхэр.

Лыжхэр зы зэрогъэхуэри Къуэгъулькъуей къуажэм, Мурат и бысымым деж йоблагъэхэр. Уэзы Муратрэ лыжхэмрэ зэрыщIыхуа нэужь, щIэкIуам и щхьэусыгъуэр жраIэр. ХьэцIыкIу Хьэжы хьыдан бгырыпхщIэлэхэ-кIэ къекIужыну зэрыхуейр жраIэри, – уэ, щIалэ, мыр жылэ унафэщ, уебакъуэ хьунукъым, жаIэр. Мурат мыр жиIауэ къаIуэтэжыр: – кхьыIэ (хьуэн хэту) абы севмыгъэкIужы, си адэр зыукIам севгъэкIужми содэр, жиIами къыхуамыдэу, жылэ унафэкIэ ХьэцIыкIу Хьэжы хьыдан бгырыпх щIапхэри жылэ унафэкIэ ирагъэкIужаш 1904–1909 гъэхэм язым. ИрагъэкIужа щхьэкIэ илэ зэримыщIэжыфынум къыхэкIыу, махуищ нэужь, бампIэм илIыкIащ. И кхьапIэри Къуэгъулькъуей къуажэкхьэм щыIэщ.

ТегъэщIапIэхэр

1. Зытхар, 1937 гъэм Париж Ипэрей Дуней Фольклор Конференцым итхыу езыта, е иритыну зэзыгъэпэщар, зи хьэдрыхэр дахэ хьун адыгэ щIэныгъэлI, профессор Нэмитокъ Айтек егугъуу адыгэбзэкIэ итха нэужь, французыбзэ дахэкIэ зытхыжар и щхьэгъусэ усакIуэ Хьундж Хьэйрие Мэлэщ; Ялчын Кая, Черкесхэр Истамбыл-2015, том-I: напэкIуэщI: 276–277, том-II: напэкIуэщI: 564–566.

2. КъэзыIуэтэжар Къып Имдатщ, зытхыжар Абазэ И. Уэзы Мурат и сурэтыр къыдэзытар Ехьутэныдж Хьэсэнщ.

3. *Пщыбий Инал*. Зэманым и джэрпэдэжж. Налшык, 2000. Н. 55–58.

И.А. Абазэ

ИСЧЕЗНУВШИЕ СТАРИННЫЕ АДЫГСКИЕ ТРАДИЦИИ

Работа посвящена исчезнувшим из современной жизни старинным адыгским традициям. Тылей – это самопожертвование ради своего народа. *Хидан бгырыпхщIапхэ* – способ примирения кровных врагов.

Ключевые слова: традиция, самопожертвование, красная черкеска, клятва, горе, Шапсуг, преступление, примирение.

I.A. Abaze

DISAPPEARED CIRCASSION TRADITIONS

This work is devoted to the disappeared circassion traditions from the modern life. Tuley – it is a self-sacrifice to own initiative for the sake of the fatherland and the people. Khidan bgiripks-hapka – it is a method of enemies reconciliation with each other.

Keywords: tradition, self-sacrifice, red cherkeska, oath, grief, Shapsug, crime, tolerate each other.

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

УДК 94 (470.64) «20»

З.М. Кешева

ЛОКАЛЬНОЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ОБЩЕСТВО В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ: ПЕРСПЕКТИВЫ СОХРАНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ

В статье освещаются вопросы социокультурной трансформации локального общества в условиях глобализации. Отмечается, что она сопровождается кризисом этнокультурной идентичности, ростом социальной поляризации, падением уровня жизни. Сделан вывод о том, что в современных условиях изучение этнонациональных особенностей малых народов, создание системы этнокультурных брендов оказывает несомненное влияние на формирование и укрепление конструктивного образа не только этноса, но и, в целом, территории его проживания.

Ключевые слова: глобализация, трансформация, глокализация, культура, локальные общества, идентичность.

На историческом рубеже конца XX – начала XXI века локальные общества испытывают серьезные проблемы в плане самосохранения и трудности в поиске конструктивной модели экономического и культурного развития. Основным противоречием современного мира является противоречие между силами глобализации (интеграция, гомогенизация, унификация) и силами социокультурной идентичности. Можно говорить о том, что этот кризис на сегодняшний день охватил значительные массы людей¹.

Увеличивается опасность деэтнизации, обостряются противоречия между современным и традиционным, нарастают процессы взаимовлияния и взаимопроникновения различных культур. Нельзя не замечать того факта, что в современном мире происходит утеря отдельными культурами этнического своеобразия. В то же время, в нашей стране, начиная с 90-х гг. XX в. обозначился и процесс возрождения интереса к историческим и этническим корням, рост этнического самосознания, стремление к возрождению своей самобытности.

Но здесь необходимо учитывать фактор глобализации, который в настоящее время доминирует в культурно-историческом процессе. По определению Организации Объединенных Наций глобализация – это общий термин, обозначающий сложный комплекс трансграничных взаимодействий между физическими лицами, предприятиями, институтами и рынками, который проявляется в расширении потоков товаров, технологий и финансовых средств, в неуклонном росте и усилении влияния международных институтов гражданского общества, в глобальной деятельности транснациональных корпораций, в значительном расширении масштабов трансграничных коммуникационных и информационных обменов. Глобализация, таким образом, подразумевает образование не только финансово-экономического или международного правового, но и культурного поля.

На сегодняшний день нет единства взглядов ни по времени возникновения глобализации как сложного многопланового феномена, ни по содержанию самого

понятия. Принципиальная значимость более критического отношения к таким процессам, как широкое использование новых информационных технологий в том, что одна из главных причин современной кризисной ситуации – недооценка гуманитарной культуры в техногенной цивилизации, игнорирование нравственного начала. Между тем продолжение такого поведения может привести к еще большему обострению общей напряженности в мире.

Общество, заведенное в тупик «инновационного транс», ищет выход во вне-технической, внеэкономической сферах. В этой ситуации этнокультурная детерминанта становится той силой, которая может придать стабильность обществу на путях выхода из этого кризиса. Отсюда – ключевое значение этнокультурной составляющей инновационного процесса как конституирующей части общественного прогресса².

Академик А.О. Чубарьян отмечает: «Никто не хочет жертвовать своей культурной идентичностью, своей национальной культурой даже ради очевидных преимуществ общего экономического, образовательного, научного пространства. Одна из центральных проблем, которая стоит перед наукой, – поиск синтеза, налаживание взаимоотношений между национальными культурами и культурой государства, региона, глобальной культурой»³.

Процессы глобализации и трансформации, наблюдающиеся в России, обретают еще одно измерение – нарушают традиционные формы идентичности, ставят под сомнение субъективные ощущения самоидентичности, сложившейся исторически. Особенно остро это проявляется в отношении идентичности малых групп, этнических, религиозных, культурных меньшинств. Здесь появившиеся сбои в механизмах преемственности сопровождаются ощущением дискомфорта и тревоги, усилением изоляционистских тенденций. Изоляционизм, в свою очередь, ведет к обратной локализации культуры – образа жизни, мыслей и норм поведения людей⁴.

Английский социолог Роланд Робертсон отмечает, что для нового глобального мира, характерна «глокализация», т.е. «гомогенизация и гетерогенизация. Эти одновременные тенденции в конечном счете взаимодополняются и взаимопроникают друг в друга, хотя, конечно, в конкретных ситуациях они могут прийти, да и действительно приходят в столкновение друг с другом»⁵.

Эксперты утверждают, что без глокализации мировой бизнес умрет. Например, видный американский социолог Ульрих Бек отмечает: «Додуманная до конца унифицированная культура, в которой, с одной стороны, отмирают локальные культуры, а с другой – все потребляют (едят, спят, любят, одеваются, аргументируют, мечтают и т.д.) по одной схеме, даже если разделять все это в строгом соответствии с доходами той или иной группы населения, означала бы конец рынка, конец прибылей»⁶.

Глокализация, термин, означающий сочетание процессов глобализации и локализации, – сочетание процессов модернизации локальных культур с достижениями формирующейся глобальной мультикультурной цивилизации; она происходит в результате культурной гибридизации, т.е. конструктивного сотрудничества и взаимообогащения культур в рамках культурных регионов. В этом смысле идея «глокализации» является лишь частью теории «мировой культуры» или «мирового сознания», описывающей, как обостренное осознание своей принадлежности к единому миру трансформирует все сферы жизни, от международных отношений до структур семьи⁷.

Глокализация – диалектическая сторона глобализации – вывод локальных территорий напрямую в глобальный мир. Установление связей с сопредельными территориями, развитие межрегиональных объединений поверх границ национальных государств. Глобальные проблемы современности и, прежде всего, резкое обострение экологической проблемы, поставило перед человечеством задачу поиска новых путей развития, перестройки своих отношений с окружающей средой. В конкретном социальном и экономическом плане этими проблемами

занимаются как на национальном уровне, так и в рамках крупных международных исследовательских центров. Глокализация – это еще и возрастание роли локальных местностей, городов, районов, повышение внимания к местной самобытности – параллельное глобализации и направленное на ускорение мирового развития, гармонизацию общества.

Главные участники глокализации – отдельные местности, районы, города, их всестороннее развитие. Глокализация хорошо вписывается в концепцию естественной системы координат, ее можно рассматривать как понятие-посредник между процессами самоидентификации и взаимодействием с окружающей средой.

В данном контексте особое значение приобретает социокультурное развитие локального общества. В обществе происходит разрушение сложившейся системы ориентации, мотивов и ценностей. Если ранее в своих мотивах, нормах, представлениях человек опирался на относительно устойчивое окружение, то сейчас групповые связи людей потеряли свою устойчивость. Возникло «массовое общество», где происходит сближение, усреднение, интернационализация типов материального и культурного потребления. Локальное социокультурное общество шаг за шагом втягивается в процессы модернизации, трансформации и реконструкции.

Признаки глокализации – установление связей с сопредельными территориями, развитие межрегиональных объединений поверх границ национальных государств; внимание к особенностям национальной культуры и уникальным свойствам местной природы; «региональный патриотизм»; востребованность всевозможной локальной специфики⁸.

Все большая культурная проницаемость, упрощенность доступа к образцам повседневной культуры развитых стран, обусловленная глобализационными технологиями, создают иллюзию причастности к миру «устойчивого развития», которая непрерывно вступает в противоречие с традиционным комплексом отечественной, прежде всего повседневной культуры⁹.

Локальные культуры осознают, что они могут сохраниться и развиваться лишь в глобальном пространстве, где каждая из них будет играть свою особую роль, тогда как изоляционизм губителен для них. Изменяется традиционная система культурной коммуникации, в результате чего начинается разрушение локального характера культуры. Формируется общее коммуникационное пространство, пронизывающее все культуры, с общепринятыми правилами, нормами и стереотипами коммуникации. Становление глобального коммуникационного пространства, несомненно, меняет характер межкультурного и межконфессионального диалога между отдельными локальными культурами и народами¹⁰. Не случайно, что современную историю и культуру наиболее полно характеризует мышление в рамках региональных категорий культуры; истории и национальных традиций, которые оказывают сопротивление глобализации.

Оказавшийся в противоречивом соотношении глобального и локального, современный российский человек ощущает определенную дисгармонию и неопределенность в условиях кризиса идентичности. С одной стороны, он живет в мире массовой культуры, которая под влиянием глобализации стала явлением общемирового масштаба. Современные информационные технологии в определенной мере стирают различия, существующие в образе жизни современного человека; информационные структуры делают доступными продукты различных культур: вся культурная продукция запущена в массовый оборот. С другой стороны, отечественная повседневная культура, не подкрепленная реальной трансформацией основ жизни, далеко не всегда соответствует высокому уровню ожиданий, порожденных восприятием мировых образцов жизни.

Парадокс развития локального социокультурного общества на современном этапе заключается в существовании противоположной тенденции, связанной с

тем, что в глобализирующемся мире проблема поиска этнической идентичности народов все более обостряется. Возрождается интерес человека к своим национальным корням.

У. Бек отмечает: «Эксклюзивная противопоставленность друг другу по образцу наций сменяется инклюзивной противопоставленностью как ниш и мест, «провинций мирового общества». Инклюзивной противопоставленность подразумевает общую отправную точку – мировое общество (признание его) и особое подключение к нему путем подчеркивания, инсценировки, оживления региональных особенностей»¹¹.

Адаптация традиционных социально-культурных институтов к новому глобализирующемуся мировому порядку особенно актуальна для малых народов. При этом создание национальных брендов основывается на представлениях об их национальном образе, идентичности и репутации и выражается как в чисто экономических аспектах (производства продажи и получения прибыли), так и в совокупности символов – представлений, формирующихся вокруг их товаров и услуг¹².

Для маркетологов брендинг – это основной способ дифференциации продуктов и инструмент продвижения товаров на рынок. Некоторые заявляют, что брендинг – это новый культурный язык современного общества, базирующегося на рыночных отношениях. В последние годы техника брендинга пришла в Россию и широко стала использоваться сначала в деятельности транснациональных корпораций, продвигающих на нашем рынке свои мегабренды, а затем к ней стали внимательно приглядываться и российские производители. По существу современный потребительский рынок – это борьба брендов. Бренд с помощью комплекса маркетинговых коммуникаций внедряют в сознание потребителей, добиваясь ощущения особой ценности. Бренд для региона, также как бренд в бизнесе – это инструмент получения выгод и развития долгосрочных отношений со значимыми целевыми аудиториями на основе эмоциональной привязанности и лояльности. Нельзя абсолютизировать возможности бренда, он не может решить всех проблем региона.

Для выполнения жизненно важной для будущего каждого народа функции сохранения и воспроизводства этнической ментальности необходимы новые адекватные культурные технологии. В современных условиях изучение этнонациональных особенностей народов, создание системы этнокультурных брендов оказывает несомненное влияние на формирование и укрепление конструктивного образа не только этноса, но и, в целом, территории его проживания.

Одной из важных составляющих брендинга является развитие бренда, символизирующего привлекательность территории для потребительских услуг и сопутствующих им товаров. Этот процесс при наличии известных достопримечательностей, природных особенностей, развитии инфраструктуры, связанной с их эксплуатацией, обеспечивает весомые поступления в региональные бюджеты, поэтому обычно осуществляется при активном участии местных властей. Данный подход может быть особенно эффективен при отсутствии сырьевых и промышленных ресурсов, транспортных преимуществ.

Цель создания брендов территорий – это не только формирование позитивного и привлекательного образа региона и стремление распространить этот образ в пространстве для получения максимальной пользы и выгоды для его жителей. Это еще и один из способов сохранить этнокультурное наследие народов, населяющих данную территорию, т.к. при привлечении туристов большую роль будет играть интерес к истории и культуре народов, к их этнокультурным брендам.

На сегодняшний день практически в каждом регионе России получают развитие проекты в области этнокультурного брендинга. Так, в Сочи в 2014 году начал свою работу культурно-этнографический центр «Моя Россия». Его первыми

гостями стали болельщики и участники Зимних Олимпийских Игр «Сочи-2014». «Моя Россия» состоит из 11 тематических павильонов, расположенных на площади 3 га. Каждый павильон знакомит посетителей с регионами России, а также народами, которые там проживают, с их культурой и традиционными промыслами. Культурно-этнографический центр «Моя Россия» разбит на несколько секторов – «Кавказ», «Суздаль», «Центральная Россия», «Краснодарский край», «Санкт-Петербург», «Русский Север», «Казань», «Сибирь», «Урал» и «Бурятия». Все здания стилизованы в соответствии с архитектурой региона. Тематические павильоны показывают историю, культуру и архитектуру регионов. На территории комплекса работают выставки народных промыслов, предлагается участие в мастер-классах и традиционных тематических праздниках. Культурно-этнографический центр «Моя Россия» – проект, который направлен на сохранение национального достояния, решающий задачу повышения имиджа России, приобщая зарубежных посетителей к народной культуре страны.

На территории Анапского района привлекает внимание парк «Доброея». В состав данного парка входит этнографическая экспозиция «Казачье подворье», представленное в виде казачьего музея, где всем желающим рассказывают об истории казачества на Кубани, там же работает фольклорный ансамбль. В Крымском районе Краснодарского края открыт этнический культурно-развлекательный центр «Кавказские легенды», в котором гостей знакомят с черкесскими обычаями и фольклором, угощают блюдами национальной кухни. Зрители также могут принять участие в театрализованной постановке черкесской свадьбы и национальных танцах вместе с артистами.

Разнообразие исторически сложившихся локальных культур Якутии: оленеводческой, охотничье-оленьеводческой, охотничье-рыболовецкой, скотоводческой и земледельческой сегодня воспринимается не только как уникальное явление в истории человечества, но и активно эксплуатируется как своеобразный этнический бренд. Широкую известность получила целевая программа возрождения традиционной культуры народа саха «Хомус-Ысыах-Олонхо-Итэгэл».

Недалеко от Петропавловска-Камчатского раскинулась деревня ительменов «Пимчах». Этот искусственно созданный комплекс был создан в 2002 г. Все деревенские постройки этнографического комплекса «Пимчах», расположенного в березовом лесу около горы Острая, соответствуют описаниям исследователя С.П. Крашенинникова, который побывал на Камчатке в XVIII веке. В состав деревни входят летние и зимние жилища ительменов, построенные из специальных камней по такому же принципу, какой использовали их древние предки.

В Кабардино-Балкарии сосредоточен курортно-рекреационный комплекс федерального значения. Приэльбрусье, Чегемские водопады, Голубые озера – это уже известные бренды, привлекающие в республику множество туристов и сейчас в Кабардино-Балкарии ведется активная работа по развитию индустрии этнокультурного туризма. К сожалению, средствами массовой информации создается негативный облик северокавказских народов. И в качестве одного из способов разрушения этого стереотипа может явиться создание новых культурных брендов.

На сегодняшний день в республике функционирует этнографическая площадка, созданная в 2008 году в Приэльбрусье владельцем одной из местных гостиниц по материалам книги Э.Б. Бернштейна «Архитектура балкарского народного жилища». Сначала решили построить башню, а потом и сакли рядом. Теперь это маленький аул, затерянный в горах, где стоят две башни и семь саклей, спроектированных архитектором В. Асановым.

В Черекском районе Кабардино-Балкарии построен туристический этнографический комплекс «Зарагидж». Он находится на подъезде к местам расположения будущих объектов туристического кластера «Курорты Северного Кавказа» и включен в маршрутную карту как место отдыха. С реализацией проекта «Безенги-

Эльбрус», как части Северокавказского туркластера, этнографический туризм приобретет особую актуальность. Этнографический комплекс раскинулся на территории, равной 7,1 га. Половину этой площади занимает озеро. Также на территории комплекса расположена небольшая гостиница и 13 национальных домиков. Убранство строений соответствует предлагаемой кухне народов республики и мира, в том числе, кабардинской, балкарской, абхазской, корейской.

Наличие большого количества крупных проектов (рамки статьи позволили перечислить лишь некоторые из них), говорит о том, что в настоящий момент интерес к традиционной культуре народов, их языкам, обычаям, обрядам, истории постоянно растет. И на сегодняшний день строительство объектов этнического стиля является перспективным направлением развития этнокультурного брендинга в России.

Решение глобальных проблем современности – это общее дело всего человечества. Необходимо выработать эффективные формы сотрудничества, которые позволяли бы всем странам действовать сообща, несмотря на различия социально-политических, религиозных, этнических и иных мировоззренческих ориентаций. Проблема сохранения и дальнейшего развития культуры этносов, с учетом интеграционных и модернизационных реалий нашего времени, с каждым годом привлекает все большее внимание исследователей и объективно стимулирует поиск новых направлений в исследовании указанных проблем. В регионах происходит большая и многоплановая работа в деле поддержки и сохранения этнокультурного наследия и гармонизации этнических отношений в контексте глобализационных реалий. В современных условиях изучение этнонациональных особенностей малых народов, создание системы этнокультурных брендов оказывает несомненное влияние на формирование и укрепление конструктивного образа не только этноса, но и, в целом, территории его проживания. Это позволяет сохранить гармоничное равновесие между глобальными вызовами современности и проблемами сохранения локальных обществ.

Примечания

1. *Кешева З.М., Оширов Р.Г.* Проблемы локального социокультурного общества в условиях глобализации // Этнокультурное воспроизводство в условиях глобализации: этноперекрытия и трансграничье. Коллективная монография по материалам XI Конгресса антропологов и этнологов России. 2016. С. 72.

2. *Мазаева Т.А.* Инновационная динамика в этнокультурной среде. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук. Ростов-н/Д., 2007. С. 3.

3. Диалог культур в условиях глобализации. Пленарное заседание. Материалы XI Международных Лихачевских научных чтений. М., 2011. С. 21.

4. *Салихов Г.Г.* Проблема идентичности в условиях глобализации // Век глобализации. 2011. № 1. С. 124.

5. *Робертсон Р.* Реконфигурация мира в перспективе глобального поля. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cogita.ru>. Дата обращения – 12.06.2016 г.

6. *Бек У.* Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию / Общ. ред. и послесл. А. Филиппова. М., 2001. С. 11.

7. *Робертсон Р.* Указ. соч.

8. *Шаромов А.* Бренд региона – инструмент привлечения инвестиционных и политических ресурсов. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eurokraina.ru>. Дата обращения – 03.07.2016 г.

9. *Кешева З.М., Оширов Р.Г.* Указ. соч. С. 73

10. Там же.

11. *Бек У.* Указ. соч. С. 12.

12. *Рыжакова С.И.* «Сделано в Латвии»: к вопросу об этнокультурных особенностях национальных брендов // Этнографическое обозрение. М., 2009. № 3. С. 159.

Z.M. Kesheva

**LOCAL SOCIO-CULTURAL SOCIETY
UNDER GLOBALIZATION PROCESSES:
PROSPECTS FOR CONSERVATION AND DEVELOPMENT**

The article highlights the issues of social and cultural transformation of the local society in the context of globalization. It is noted that it is accompanied by a crisis of ethnic and cultural identity, increasing social polarization, falling living standards. It is concluded that under current conditions the study of ethno-national features of small nations, to create a system of ethnic and cultural brands has an undeniable influence on the formation and strengthening of the constructive way of not only ethnic, but also, in general, the area of his residence.

Keywords: globalization, transformation, glocalization, culture, local society, identity.

УДК 811.512.142

Л.Х. Махиева, Л.Б. Кучмезова

К ПРОБЛЕМЕ ВАРИАНТНОСТИ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье анализируются критерии выделения значений региональных и диалектных вариантов слов в современном карачаево-балкарском языке. В ней особое внимание уделяется проявлению языкового членения и варьирования, выявлению оттеночных значений данных слов. Отмечаются основные источники обогащения лексики исследуемого языка, также с особенной ясностью раскрываются неоднородность и сложность состава диалектной лексики карачаево-балкарского языка.

Ключевые слова: вариантность, литературный язык, диалектная лексика, регионализмы, наддиалектные формы, разнотипность речи.

Современное состояние лексической нормы карачаево-балкарского языка опирается на анализ исторических и современных закономерностей, важнейшее место в становлении которого занимает региональное двуязычие. Литературный язык создавался на базе устно-разговорной речи, нормативный статус приобрели многие разговорно-просторечные слова и их произносительные формы в каждом регионе¹. Здесь имеются два равноправных варианта: карачаевский и балкарский, поскольку вариантность существовала на всех этапах развития языка, ее изучение представляется весьма актуальной в современном языкознании.

Категория вариантности как закономерное следствие эволюции языка на данный момент является актуальной проблемой в современном карачаево-балкарском языке, так как обилие вариантных слов в языке объясняется как неразработанностью орфоэпических, так и несовершенством существующих орфографических норм.

Вариантность, разнообразие, разнотипность речи, определяемые различными условиями ее употребления, а также различиями в социальной и территориальной принадлежности говорящих лиц на разных уровнях языковой системы, проявляются неодинаково как во времени, так и по различным близкородственным письменно-литературным языкам, а различные типы вариантности обладают неодинаковой устойчивостью. Например, в смешанном диалектном склонении есть и сходства, и различия: *ала* (лит.), *алалай* (диал.) пестрый, препестрый; *бедаргъу* (диал.), *семиз* (лит.) тучный, упитанный; *гестанты* (лит.) / *кестанты* (разг.) состязание, соревнование; *шургу* (лит.) / *шугу* (разг.) печаль, печально; *шупха* (разг.) / *ишеклик* (лит.) сомнение; *сауру* (лит.) / *сауруу* (диал.) круп лошади и мн.др.

В исследуемом языке функции диалектной лексики различны. По традиционному определению «диалект» – это местная разновидность языка в его отношении к общенародному языку и говорам. Взаимные связи между языком художественной литературы и диалектами существовали всегда и этот процесс вполне естественен, закономерен, продолжается и сейчас.

Развитие исследуемого языка происходило в условиях достаточно тесных взаимосвязей между различными локальными группами его носителей. В процессе своего развития под воздействием внутренних, внешних и контактных факторов карачаево-балкарский язык образовал несколько диалектов, каждый из которых отличается специфическими чертами и особенностями².

Говоря о карачаево-балкарском литературном языке, необходимо подчеркнуть, что, несмотря на достигнутую договоренность в отношении однородности его нормы стандартности, нет определенного единства в диалектах, устно-поэтической и обиходно-разговорной речи. Это объясняется тем, что язык имеет два территориальных варианта: карачаевский и балкарский, что находит свое отражение в лексике носителей языка³.

Языковые варианты распространены в разговорном языке, территориальных диалектах и регионах. В литературном языке обязательных норм и вариантов больше, так как вариантные формы используются в качестве одного из средств стилистического обогащения художественной речи. Посредством их можно «передать самые тончайшие смысловые оттенки, выразить эмоционально-экспрессивное отношение к высказываемому, устранить тавтологию»⁴, так как их состав зависит от степени дифференцированности или стилистической маркированности.

Общеизвестно, что каждый из языков контактирует с большим или меньшим количеством других языков. Внутри одного языка также идет непрерывное взаимодействие литературного языка с территориальными диалектами. С другой стороны, каждый язык подчиняется закономерностям, присущим только ему или группе языков, к которой относится данный язык. Это особенно наглядно и ярко проявляется в фонетике. Так, в тюркских языках, следовательно, и в карачаево-балкарском языке, действуют такие фонетические явления, как протеза, эпентеза, редукция и выпадение гласных, сингармонизм, вставка и выпадение согласных, ассимиляция, диссимиляция и метатеза. Эти и другие факторы способствуют появлению в языке вариантных способов выражения, то есть двух или более вариантов одного и того же слова. К ним в карачаево-балкарском языке, например, относят варианты следующих слов: *къыйыр* / *къырый* «край, конец; периферия, окраина; сторона; околыш», *къол къап* / *къолпакъ* «рукавицы», *бегеюл* / *мегеюл* «сторож» и др. В данных примерах первый вариант является литературной нормой, а второй – диалектизмом.

По мнению Т.К. Алиевой, которое разделяем и мы, в карачаево-балкарском языке можно выделить следующие группы вариантов слова:

1. фонетические (связанные с устной и письменной разновидностями литературного языка): *топуракъ* – *топракъ* «глина», *къарауул* – *къалауур* «сторож», *сиркиу* – *сыркыу* «озорной (о ребенке)»;

2. фонематические (объясняются действием исторических закономерностей в развитии звукового строя языка, влиянием местных диалектов): *дефтер* – *тефтер* «тетрадь», *къонишу* – *хонишу* «сосед», *таякъ* – *тыякъ* «палка», *битеу* – *бютеу* «весь, целиком»;

3. морфологические (выражаются в видоизменении слова в связи с изменением его аффикса, не затрагивая его лексического значения): *игирек* – *игиракъ* «лучше», *бугьумуч* – *бугьлууч* «прятки»;

4. орфографические (произносятся одинаково, но пишутся по-разному): *сепкил* – *сепгил* «конопчатый», *эсгер* – *эскер* «вспомнить», *жинк* – *жингк* «искра, горящий уголек» и др.⁵

Как показывает фактологический материал, вариантность на разных уровнях языковой системы проявляется неодинаково как во времени, так и по различным близкородственным письменно-литературным языкам, а различные типы вариантности обладают неодинаковой устойчивостью. Например, в смешанном диалектном

склонении есть и сходства, и различия: *инбаиш* (лит.) – *умбаиш* (разг.-обих.) «плечо», *басха* – *бахса* (разг.) «грабли», *хууан* (лит.) – *хауун* (рег.) «дыня», *къамыжакъ* (лит.) – *къамажакъ* (диал.) «жук», *жсаяу* (лит.) – *жсыяу* (разг.) «пешком», *ёргерек* (лит.) – *ёргеракъ* (разг.) *ёргетин* (нейтр.) «выше», *махтанчакъ* (нейтр.) – *махтаннгыч* (диал.) «хвастун», *тургъуз* – *турдур* (разг.) «поднимать кого-либо, заставлять кого-либо встать», *безиреучю* (нейтр.) – *безиреуюк* (диал.) «любящий забавляться», *чыккыр* (балк.) – *жыккыр* (карач.) – *кюител* (ц-диал.) «бочка»⁶ и др.

В процессе образования собственно карачаево-балкарской письменности, унаследованные тюркские наддиалектные формы речи стали основной базой для становления общенародного языка. Диалектные варианты карачаево-балкарского языка обладают богатой, самобытной лексикой. Например: **шиповник** переводится как *итбурун*, *юлѣкъу*, *къулю*, **слива** – *эрик*, *къара эрик*, *хогулт*, *гюрегей*, *къыфца* и др.

Следует отметить, что особые обобщенные варианты устной речи предназначались в основном для ситуации, возвышающейся над уровнем повседневно-бытового общения. В этом отношении наибольший интерес, безусловно, представляет язык фольклора, так как наличие необработанных устных наддиалектных форм не ограничено каким-либо определенным типом языковых ситуаций. Формы эти могут оказаться компонентами разных по своему составу функциональных парадигм, чем и определяется различие их статуса. И, безусловно, формирование вариантности в условиях наддиалектности совершается в результате постоянного устранения определенной части регионально связанных черт и возникновения – путем сознательного или стихийного отбора, а также в результате самостоятельного спонтанного развития – языковых систем более широкой территориальной, а чаще всего, и функциональной сферы использования⁷.

В отличие от многих других тюркских языков, карачаево-балкарский известен тем, что распадается на территориальные варианты (карачаизмы и балкаризмы), а также наличием смешанного говора (холамо-безенгийского) в его балкарском варианте. Территориальные, региональные различия выражаются литературным языком карачаевцев и балкарцев. Ср.: *тамата* (балк.) / *тамада* (карач.) «старейший», *бохча* (балк.) / *бочча* (карач.) «кошелек», *ахча* (балк.) / *ачча* (карач.) «деньги», *чалгъы* (балк.) / *чалкъы* (карач.) «коса», *чыкъынжик* (балк.) / *чакъынжик* (карач.) «сорока», *бишлакъ* (балк.) / *бышлакъ* (карач.) «сыр», *тыпыр* (балк.) / *тыбыр* (карач.) «очаг; дом, жилище», *дыгъынен* (балк.) / *дыгъылен* (карач.) «костяника», *шибиля* (балк.) / *шыбыла* (карач.) «молния» и др. Региональные различия прослеживаются и в результате отражения закона сингармонизма: в карачаевском варианте сингармонизм лучше сохраняется, например: *хычин* (балк.) / *хычин* (карач.) «пирог», *къоргъашин* (балк.) / *къоргъашын* (карач.) «свинец», *жилян* (балк.) / *джылан* (карач.) «змея», *бичакъ* (балк.) / *бычакъ* (карач.) «нож» и др.

Карачаево-балкарский литературный язык, являясь многофункциональным и стилистически дифференцированным образованием, в полной мере сохраняет способность к территориальному варьированию. Оно основывается на локальном членении устного языка. Хотя, в результате действия наддиалектных тенденций, полного совпадения литературно-письменных разновидностей языка с диалектными особенностями ни в одной из функциональных сфер не наблюдается.

Наряду с разнообразными процессами, приводившими к обогащению словарного состава карачаево-балкарского языка, выделяется группа лексем, которые в течение определенного периода постепенно выходили из употребления или функционировали в качестве архаизмов, способствуя созданию стилистических разграничений. Например: *садакъ окъ стрела*, в языке встречается также вариант *голия*: *атанга голия*; *сырпын меч*, *кюбе кольчуга*; *такъыя шлем*; *илишандан жазмасын не минует цели (стрела)*, которые в современном литературном языке не употребляются, но, тем не менее, понятны носителям языка.

Рассматривая языковую вариантность в условиях наддиалектности карачаево-балкарского языка, с особенной ясностью мы видим, как раскрывается

неоднородность и сложность лексического состава языка: любые реализации языка происходят в рамках определенной исторически сложившейся и дифференцированной системы форм его существования, статус которых зависит от характера общей языковой ситуации и потребностей тех или иных сфер общения.

Таким образом, языковое варьирование в исследуемом языке включает в себя лексическое, функционально-стилистическое и региональное варьирования. Вариантность, как множественность средств выражения одного значения на лексико-грамматическом уровне, способствует объективному повышению культурно-эстетического содержания варьируемых языковых единиц уже за счет того, что создает ощущение приобщенности, причастности к ней носителей языка различных классификационных групп.

Примечания

1. *Гергокова Л.С.* Язык карачаево-балкарского героического эпоса «Нарты». Нальчик, 2015. 140 с.
2. *Гузев Ж.М.* Проблематика словника толковых словарей тюркских языков. Нальчик, 1984. 160 с.
3. *Махиева Л.Х., Кучмезова Л.Б.* Стратификация карачаево-балкарского языка с точки зрения диалектных особенностей // *Motif Akademi Halkbilimi Dergisi*. 2015. № 16. С. 693–702.
4. *Горбачевич К.С.* Вариантность слова и языковая норма: На материале современного русского языка. Л., 1978. 238 с.
5. *Алиева Т.К.* Вариантность слова и орфография карачаево-балкарского языка // Вопросы лексикологии и грамматики карачаево-балкарского языка. Нальчик, 1993. С. 59–65.
6. *Гузев Ж.М., Махиева Л.Х.* Краткий словарь малкарского (Ц/З) диалекта карачаево-балкарского языка. Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2015. 150 с.
7. *Кучмезова Л.Б.* Формирование и развитие наддиалектных типов карачаево-балкарского языка Нальчик, 2014. 135 с.

L.H. Mahieva, L.B. Kuchmezova

TO THE ALTERNATIVENESS PROBLEM IN KARACHAEVO-BALKARSKOM LANGUAGE

In article criteria of allocation of values of regional and dialect versions of words in modern Karachaevo – the Balkar language are analyzed. In it the special attention is paid to manifestation of language partitioning and a variation, identification the ottenochnykh of values of these words. The main sources of enrichment of lexicon of the studied language are noted, also with special clarity heterogeneity and complexity of structure of dialect lexicon of Karachaevo – the Balkar language reveal.

Keywords: alternativeness, literary language, dialect lexicon, regionalisms, naddialektny forms, speech raznotipnost.

Р.Х. Дзуганова

**АБЛАУТНЫЕ ЧЕРЕДОВАНИЯ
ПЕРЕД НАПРАВИТЕЛЬНЫМИ АФФИКСАМИ
В АБХАЗСКО-АДЫГСКИХ ЯЗЫКАХ**

В статье рассматривается роль аблаутных чередований в глаголе абхазско-адыгских языков для передачи направительного действия. Если в абхазском и абазинском языках аблаутные чередования используются для противопоставления аддитивных и абитивных основ, то в адыгских языках альтернирование корневой морфемы перед определенной группой глагольных суффиксов передает разные направления действия. В целом в абхазско-адыгских языках наблюдается структурная и функциональная общность в выражении направления в глаголе.

Ключевые слова: аблаут, аддитивное направление, абитивное направление, превербы, корневая морфема, суффиксы, исходный вокализм.

Аблаут как морфонологическое явление занимает значительное место в языках различных типов. В абхазско-адыгских языках это явление пронизывает всю глагольную систему, в меньшей мере представлено в системе имен. В родственных абхазско-абазинских языках широко используются аблаутные чередования для противопоставления иллативных (аддитивных) и элативных (абитивных) основ. Однако противопоставление иллативных и элативных форм прослеживается далеко не во всех типах производных основ. Для этой цели используются также направительные суффиксы. Специалисты по абхазско-адыгским языкам обратили внимание на то, что определенная группа суффиксов в глаголах этих языков в сочетании с определенными превербами выражают направительные значения.

Так, в абхазском и абазинском языках Л.П. Чкадуа выделяет четыре основных корнесуффикса : *-ла*, *-цI*, *-цIа* и *-х*. Внутри этих четырех элементов образуются два вида парных комбинаций. С помощью одной парной комбинации передаются противоположные направления: *а-та-ла-ра* «войти внутрь» и *а-ты-цI-ра* «выйти изнутри»; *а-та-цIа-ра* «внести что-то» и *а-ты-х-ра* «вынести что-л. из чего-л.»¹.

Здесь важно отметить наблюдение К.В. Ломтатидзе о том, что выражение противоположного направления при помощи редукции гласного суффиксов-корней характерно и для превербов-основ. В превербах-основах с исходом на *а* последнее редуцируется при выражении направления *сюда*, т.е. при суффиксах-корнях *цI*, *х* гласный элемент *а* или вовсе опускается, или же переходит в *ы*².

В адыгейском языке З.И.Керашева выделяет три корнесуффикса : *-кIы*, *-хьэ*, *-хы*³. При этом отмечает, что один из указанных аффиксов образует глаголы лабильной конструкции. Таким образом, мы имеем схему, аналогичную абхазской: *кIы-кIы-н* «выходить из», *кIы-хьэ-н* «заходить в», *кIы-хы-н* «выносить из», *кIы-хьэ-н* «вносить в».

В кабардино-черкесском языке в качестве корневых морфем прерывистых основ М.А. Кумахов выделяет связанные (несамостоятельные) основы *-хь(э)*, *-кI(ы)*, *-с(ы)*, *-х(ы)*. По своей лексико-словообразовательной функции корни *-хь(э)*, *-кI(ы)* сближаются с абхазскими суффиксами-корнями *-ла*, *-цI*. Ср.: адыг., каб. *хэ-хьэ-н*, абх. *а-та-ла-ра* «войти», адыг., каб. *хэ-кIы-н*, абх. *а-ты-цI-ра* «выйти»⁴.

В Сравнительно-исторической грамматике адыгских (черкесских) языков М.А. Кумахов приводит уже пять корневых элементов: *-хьэ, -кIы, -сы, -хы, -жьэ*, характеризуя их как суффиксальные морфемы с синхронной точки зрения, хотя они еще обнаруживают лексическую и фонетическую связь с перечисленными общеадыгскими корнями. Здесь же он высказывает мысль о том, что функцию корней, обозначающих ориентацию, стали выполнять чередования гласных в глагольной основе⁵.

В абхазском и абазинском языках противопоставление иллативных (аддитивных) и элативных (абитивных) основ производится также с помощью аблаутных чередований. Однако выбор направления при этом зависит от огласовки преверба. При сохранении исходной огласовки мы имеем глагол с аддитивным направлением, а редукция же исходного вокализма преверба дает абитивное направление. Со временем этот способ становится недостаточным, начинают развиваться направительные суффиксы⁶.

В современном кабардино-черкесском языке можно обнаружить семь глагольных суффиксов, влияющих на форму исходной огласовки глагольного корня и передающие разные направления действия глагола. Это суффиксы – *-кI, -хь, -лI, -йы, -х, -жьэ, -с*.⁷ Указанные суффиксы выступают только в сочетании с превербами. Последние объединяются в выражении ими направительной функции, при этом форму огласовки корневой морфемы определяет каждый суффиксальный элемент по-разному. Превербы также влияют на оформление огласовки корня, однако они допускают последовательно один тип аблаута – *ы:э*, тогда как в суффиксальных глаголах наблюдаются разные морфонологические явления⁸. Так, семантическая направленность глагольных превербов и суффиксов в кабардино-черкесском языке указывает на то, что эти суффиксы направления по своему значению сопоставимы со многими локальными превербами, основное значение которых – это характеристика места и направления⁹. В тех случаях, когда семантическая специализация очевидна, глагольный суффикс связан с превербом и не выступает без него, в то же время наблюдаются многочисленные случаи, когда глаголы с превербом допускают варианты без суффикса. А это означает, что связь преверба с основой является более прочной, чем суффикса с основой, что лишний раз оправдывает их более широкое распространение в языке, поскольку превербы лексически более значимы и потому они чаще могут влиять на изменение лексического содержания. В связи с этим важно отметить, что необходимым условием появления направительных суффиксов в абазинско-абхазских диалектах также является наличие превербов-основ. Другими словами, суффикс в глаголе абхазско-адыгских языков морфологически связан с превербом, подчинен ему.

Приведем несколько примеров, демонстрирующих альтернацию корневых морфем с суффиксом *-кI*. Ср.: *дэ-пхьээн-кIэ-н* «замести что-л. внутрь чего-л.» и *дэ-пхьээнкIы-кIы-н* «вымести что-л. откуда-л.»; *фIэ-луэнтIэ-н* «привинтить что-л. к чему-л.» и *фIэ-луэнтIы-кIы-н* «отвинтить, открутить что-л.» и т.д.

Ср. примеры с суффиксом *-хь*. Если при сочетании локального преверба с суффиксом *-кI* происходит чередование *э : ы* в корневой морфеме, то включение суффикса *-хь* сопровождается усечением огласовки той же корневой морфемы, а производный глагол с суффиксом передает противоположное направление. Ср.: *дэ-пцы-н* «выползти откуда-л.» и *дэ-пц-хьэ-н* «вползти, заползти куда-л.»

В кабардино-черкесском языке глагол *утIыпцын* «отпустить» употребляется с префиксом *у-*, тогда как в адыгейском этот префикс отсутствует. В кабардино-черкесском языке анализируемая модель не употребляется без суффикса *-хь* с превербами, в адыгейском же наблюдается другая картина. Ср., например: адыг. *и-тIупшъы-н* «выпустить кого-что-л. из чего-л.» и адыг. *и-тIупшъы-хьа-н*, каб. *и-утIыпц-хьэ-н* «впустить кого-что-л. куда-л.»; адыг. *дэ-тIупшъы-н* «выпускать кого-что-л. из чего-л.» и адыг. *дэ-тIупшъы-хьа-н*, каб. *дэ-утIыпц-хьэ-н*

«впустить кого-л. во что-л.». В адыгейском языке мы прослеживаем не только восстановление исходной огласовки корня, который в кабардино-черкесском чередуется с нулем, но и направление действия в противоположную сторону. Ср.: *И куэпкъытЫм шыр дикъузэри, абы дэажэналъищыр хикъутыклац, шымы хуотытыцхъэжац*¹⁰ «Потом зажал его между ног, сломал ему три ребра и пустил обратно в табун».

Глагольный суффикс *-х*, сохраняя семантическую близость с несвободной корневой морфемой *хы* (от *е-хы-н* «спускаться»), обозначает движение «сверху вниз», при этом демонстрирует разные типы аблаута. Ср.: *лъэфы-н* «тащить», но *е-лъэфэ-хы-н* «тащить то вниз»; *джэрэзы-н* «кружиться, вертеться». *Мысост цы Іэрылъхъэу къуэм еджэрээхыу щІидзат*¹¹ «Мисост начал катиться вниз по склону горы...».

Если в данном случае чередование конечных гласных *ы:э* обусловлено суффиксом *-х*, то чередование *э:ы* может быть вызвано префиксом *е-(йэ-)*. Например: *плъэ-н* «смотреть», но *е-плъы-н* «посмотреть на что-л.». Ср.: *е-плъы-хы-н* «смотреть вниз»¹².

Аддитивные глаголы, содержащие суффикс *-лІ*, с направительным значением «вплотную» реализуют чередование гласных в корневой морфеме в разных вариантах. Ср.: *вэ-н* «пахать» и *е-вы-лІэ-н* «вспахать землю вплотную к чему-л.». Или же: *хы-н* «нести», а *е-хъэ-лІэ-н* «поднести что-л. к чему-л. близко».

В производные глаголы суффикс *-жъэ* вносит начинательное движение «вперед» и эти глаголы оформляются последовательно огласовкой *э*. Ср.: *хы-н* «нести» и *е-хъэ-жъэ-н* «унести куда-л. туда», *лъэфы-н* «тащить» и *е-лъэфэ-жъэ-н* «поволоочь, потащить кого-что-л. куда-л.».

Суффиксальная морфема *-с* чаще всего встречается в сочетании с направительным превербом *нэ-*. Пространственное значение, выраженное указанными аффиксами, можно сформулировать как направление «туда, до какого-л. предела». Корневые морфемы исследуемых моделей оформляются по-разному. Ср.: *лъэ-н* «прыгать» и *нэ-лъы-сы-н* «допрыгнуть до какого-л. места», *хы-н* «нести» и *нэ-хъэ-сы-н* «донести до какого-л. места» и т.д.

Пространственная характеристика процесса «вверх» выражается в глаголе двумя взаимосвязанными аффиксами *дэ-* и *-йы*, при этом корневая морфема производных глаголов в кабардино-черкесском языке маркируется последовательно огласовкой *э*. Ср.: *ху(ы)н* «гнать» и *дэ-хуэ-йы-н* «погнать кого-что-л. вверх», *Іэты-н* «поднять» и *дэ-Іэтэ-йы-н* «поднять вверх кого-что-л.» и др. Рассматриваемый суффикс *-йы* в кабардино-черкесском языке в адыгейском представлен в виде *-йэ*. В этих случаях огласовка производного корня в адыгейском языке часто сохраняется. Ср.: *кІы-н* «расти» и *дэ-кІы-йэ-н* «расти, становиться выше», *хы-н* «нести» и *дэ-хы-йэ-н* «поднять, понести что-л. вверх» и др.

В этой связи представляет интерес утверждение Б.М. Берсирова о том, что элементы *-йэ* и *-лІ*, несомненно, являются рефлексом каких-то самостоятельных основ, вышедших из употребления в языке в результате десемантизации или каких-либо фонетических изменений¹³.

Итак, отсутствие однозначности в оформлении корней рассматриваемых моделей в адыгских языках, неясность условий, определяющих те или иные колебания, делает сложным проблему объяснения наличия разных степеней у однотипных моделей.

Вышеизложенный материал показывает, что аблаутные чередования в абхазско-адыгских языках оформились по-разному. Так, если в абхазском и абазинском языках чередования гласных с нулем в превербных элементах используются для выражения направления, то в адыгских языках альтернирование корневой морфемы перед направительными суффиксами передает разные направления.

В наиболее яркой форме аблаутные чередования проявляются в адыгских языках. Чередования гласных широко используются при построении переходных и непереходных парадигм в убыхском языке. Противопоставление иллативных и элативных основ путем чередования гласных несвойственно убыхскому языку, занимающему промежуточное место между двумя более полярными подгруппами – абхазской и адыгской¹⁴. Ж. Дюмезиль в книге «Глагол убыхского языка» затрагивает некоторые вопросы аблаутных чередований в абхазско-адыгских языках, отмечая при этом их важную роль *именно* в адыгских языках. В этом отношении, подчеркивает он далее, убыхский язык отдален от адыгских языков и сближается с абхазским и абазинским¹⁵.

Итак, можно утверждать, что в целом в абхазско-адыгских языках наблюдается структурная и функциональная общность в выражении направления в глаголе. Кроме того, при анализе сложных моделей в кабардино-черкесском языке выявилось, что превербный элемент при словообразовании часто способствует увеличению количества лиц на одно лицо – лицо косвенного объекта. В связи с этим уместно отметить, что утрата конкретной локальной семантики некоторыми превербами в абазинском и абхазском языках также сопровождается появлением еще одного лица в глаголе, чаще косвенного и реже – ближайшего объекта.

Таким образом, аблаутные чередования во всех абхазско-адыгских языках играют, несомненно, важную роль, хотя наибольшее распространение это явление получило в адыгских языках.

Примечания

1. *Керашева З.И., Чкадуа Л.П.* Локативные превербы статических и динамических глаголов в абхазско-адыгских языках // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. Тбилиси, 1977. Т. IV. С. 107–117.
2. *Ломтатидзе К.В.* К структуре сложно-составных глагольных основ в абхазском языке. Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. Тбилиси, 1953. Т. IV. С. 117–127.
3. *Розава Г.В., Керашева З.И.* Грамматика адыгейского языка. Краснодар-Майкоп, 1966. 462 с.
4. *Кумахов М.А.* Сравнительно-историческая грамматика адыгских (черкесских) языков. М., 1989. 384 с.
5. *Кумахов М.А.* Морфология адыгских языков. Нальчик, 1964. 272 с.
6. *Клычев Р.Н.* Глагольные суффиксы направления а абазинском и абхазском языках. Черкесск, 1972. 182 с.
7. *Дзуганова Р.Х.* Морфонологические процессы в кабардино-черкесском словообразовании. Нальчик, 2005. 216 с.
8. *Дзуганова Р.Х., Кумыкова Д.М.* Принципы описания морфонологических явлений в глаголе кабардино-черкесского языка // Фундаментальные исследования. 2015, № 2–7. С. 1542–1545.
9. *Дзуганова Р.Х.* Вопросы морфонологии и адыгские языки // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН, № 4 (42), 2011. С. 117–124.
10. Нарты. М., 1974. 415 с.
11. *Каширгов Х.Х.* Ореол. Нальчик, 1976. 378 с.
12. *Дзуганова Р.Х.* Способы суффиксального образования глаголов в кабардино-черкесском языке. Нальчик, 1998. 116 с.
13. *Берсиров Б.М.* О некоторых случаях десемантизации компонентов сложных глаголов в адыгейском языке // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. Т. I. Тбилиси, 1974. С. 251–254.
14. *Кумахов М.А.* К проблеме аблаута в абхазско-абазинских языках // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. Тбилиси, 1974. Т. I. С. 80–88.
15. *Dumézil G.* La Verbe des Oubykh. P., 1975.

R.H. Dzuganova

**ABLAUTNYE ROTATION TO AFFIXES OF THE GUIDE
IN THE ABKHAZIAN-CIRCASSIAN LANGUAGE**

This article discusses funktsiiablautnyh interlaces for transmission of the guide action in the verb Abkhaz-Adyghe languages. If the Abkhaz and Abaza languages ablautnye interlace used for contrasting additive and abitivnyh foundations, the Adyghe languages alternation root morpheme to a certain group of verbal suffixes transmits different areas of action. In general, in the Abkhaz-Adyghe languages observed structural and functional commonality in terms of the direction of the verb.

Keywords: ablaut, additive direction, abitivnoe direction, preverbs, root morpheme, suffixes, vocalism source.

А.К. Анноев

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МОДАЛЬНЫХ СЛОВ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается функционально-семантический потенциал модальных слов в карачаево-балкарском языке; разграничение модальных и предикативных слов, междометий, частиц. Так же рассматриваются непрямые и производные, простые и сложные их типы, связь с глаголами, именами существительными, именами прилагательными и именами числительными; утвердительное и предположительное значения, их предикативные свойства.

Ключевые слова: карачаево-балкарский язык, модальные слова, знаменательные части речи, словарные единицы.

Модальные слова в карачаево-балкарском языке практически не изучены. Даже в академических грамматиках его они как часть речи не приводятся. Например, в грамматике карачаево-балкарского языка 1976 года издания они как часть речи не даются. Поэтому, модальные слова в толковом словаре карачаево-балкарского языка, да и в других переводных словарях часто путаются с междометиями и частицами. Например, модальное слово *ярабий* «интересно» дается как определительная частица, *маржа* «пожалуйста (обращение-просьба)» – как междометие, *кертти* «правда, верно» – как одно из значений существительного *кертти* «правда, истина», междометие *эшта-эшта* «где уж (там)!» – как модальное слово.

Достаточное количество модальных слов, приведенных без пометы, показывающей это: *Аллах кёргенден* «видит бог», *Аллах билсин* «бог знает», *Аллахха шукур* «слава богу», *Аллах шагъатды* «видит бог», *башхача айтханда* «иначе, иначе говоря», *Аллахны хакъына* «ей-богу», *айып этме* (*этмегиз*) «извини (извините)», *алайды да* «так что, и так, таким образом» и др.

Большинство же модальных слов отсутствует в этих словарях, например: *ол угъай эсенг* «напротив, наоборот», *Аллах бирди* «ей-богу», *кертиси да* «действительно», *билемисе* «знаешь», *билемисиз* «знаете», *кет* «да ну», *тюзюн айтханда*, *кертисин айтханда* «поистине», *кёреме* «оказывается», *билген Аллахды* «бог знает, бог весть», *тюздю* «правда», *кечгинлик* «извини(те)», *бир Аллах* «ей-богу», *болур* «наверное» и многие другие.

Как известно, модальными называются слова, выражающие отношение всего высказывания или его частей к реальности, грамматически не связанные с другими словами, но интонационно выделяющиеся в структуре предложения: *Ала алайда кёп сюелдиле, тейри, эки сагъатдан да аслам* (Токъумаланы Ж.) «Они стояли там долго, возможно, более двух часов»; – *Бармай а, айхай, барырбыз туудукъчугъубузну тоюна!* (Кациланы Х.) «– Как же не поехать, конечно, поедем на свадьбу нашего внука!»

Модальные слова лишены как конкретно-предметных, так и реляционных значений, не обозначают и не называют ни реальных предметов, ни их признаков, не выражают синтаксических отношений, лишены форм словоизменения и словообразования, не склоняются и не спрягаются, не присоединяют к себе и словообразовательных аффиксов, характерных для знаменательных слов¹.

Есть исследователи, которые относят к модальным и слова *бар* «есть, имеется», *жокъ* «нет, не имеется», *керек* «нужно, надо, необходимо», *туйюл* «не, нет», *ахшы* «ладно, хорошо»². Мы склонны квалифицировать первые три из этих слов предикативными словами, а остальные два – частицами.

Помимо слов, модальное значение имеют также словосочетания (*амалы жокъду* «не может быть», *билген Аллахды* «по всей вероятности, один Бог знает» и др.), различные сочетания слов (*алайды да* «таким образом», *ким биледи* «может быть» и др.), и предложения (*Къуран бла ант этеме* «Клянусь Кораном», *Аллах биледи* «Бог знает» и др.).

По происхождению модальные слова бывают непроизводными или первообразными (*айхай* «конечно, разумеется, естественно, несомненно», *эшта* «видимо», *мени сартын* «по-моему» и др.) и производными (*ийнан* «показывает уверенность говорящего», *керти* «правда», *болур* «возможно» и др.).

В количественном отношении вторые значительно преобладают над первыми.

По структуре модальные слова, как и союзы и частицы, подразделяются на простые (*баям* «наверное», *тейри* «честное слово, ей-богу, клянусь», *эшта* «видимо» и др.) и сложные (*эшта* «видимо» и др.).

Большинство модальных слов карачаево-балкарского языка по своему происхождению связаны с различными знаменательными частями речи, а именно: с глаголами и их формами: *ийнан* (выражает уверенность), *ёлейим* «честное слово», *тохта* (выражает удивление), *кёркмисиз* «видите ли», *къой* «оставь» и др.: *Ол а, ийнан, ойнай да биледи, кюле да биледи* (Байрамукъланы Х.) «А он, действительно, умеет шутить»; [*Къасым Къазийге:*] *Тохта, Назбий къызын бизден жашыртын эрге берипми къойгъанды?! (Хубийланы О.)* «[Касым Казбию:] Погоди, Назбий свою дочь выдал замуж тайно от нас?!»; с именами существительными: *тейри* «видимо», *керекди* «нужно, надо, необходимо, надо, следует», *тоба* «честно» и др.: [*Таужан Темуркагъа:*] *Тоба мени сиз айтханча уллу кёллююгюм жокъду* (Аппаланы Х.) «[Таужан Темукке:] Честно, я не такая высокомерная, как вы считаете»; [*Азрет Шерийфатха:*] *Тейри, сени жууукъларынг бек уллу жангыладыла!* (Къобанланы А.) «[Азрет Шерифат:] Честное слово, твои родственники сильно ошибаются!»; с именами прилагательными: *баям* «наверное», *керти* «действительно, в самом деле», *сёзсюз* «безусловно, несомненно, бесспорно» и др.: *Озсам сейир туйюлдю, керти, мен санга оздурсамды сейир* (Бабаланы И.) «Действительно, если опережу тебя, то это неудивительно, удивительно, когда я проиграю тебе»; *Сёзсюз, Ахмат хорлагъан эди [чабышыуда], харамлыкъ этдиле ансы...* (Тёппеланы А.) «Безусловно, выиграл [в беге] Ахмат, вот только нечестно поступили...»; с именами числительными: *биринчиден, биринчиси (карач.)* «во-первых», *экинчиден, экинчиси (карач.)* «во-вторых» и др.: [*Самат Аминатха:*] *Биринчиден, мен бу къагъытны санга уллу жүрек къызылулкъ бла жазама* (газ. «Заман») «[Самат Аминат:] Во-первых, это письмо я пишу тебе с большой душевной теплотой»; *Биринчиси, къонакъланы къонакъ юйлеге жарашдырыргъа, экинчиси, аланы шахар бла танышдырыргъа* «[Надо] во-первых разместить гостей по гостиницам, во-вторых, ознакомить их с городом».

Как видно из приведенных примеров, одни модальные слова образованы от словарных единиц (*ийнан*- (выражает уверенность), *тохта*- «останавливаться», *къой*- «оставлять кого-что», *тейри* «бог», *тоба* «исповедь; раскаяние», «зарок, клятва», *сёзсюз* «безусловный», «безмолвный, безропотный», *баям* «явный, открытый, известный»), другие – от их грамматических форм (*ёлейим* «я умру», *кёремисиз* «видите», *керекди* «он нужен, что-то нужно», *биринчиден* «от первого», *биринчиси* «первое, принадлежащее кому-л.»).

Отмеченное выше в функционально-семантическом плане обуславливает широкую омонимию в сфере модальных слов: *тоба* (сущ.) → *тоба* (мод. сл.), *тейри* (сущ.) → *тейри* (мод. сл.), *ахшы* (прил.) → *ахшы* (мод. сл.), *ийнан*- (гл.) →

ийнан (мод. сл.) и др. – лексико-грамматические омонимы; *керемисиз* (грамм. форма гл.) → *кёремисиз* (мод. сл.), *керекди* (грамм. форма прил.) → *керекди* (мод. сл.), *биринчиден* (исх. пад. числ.) → *биринчиден* (мод. сл.) и др. – грамматические омонимы³.

В целом модальные слова карачаево-балкарского языка по значению можно разделить на две группы:

Модальные слова с утвердительным значением, которые обозначают уверенность говорящего в реальности сообщаемого: *Айхай, иги эди, ариу болуп, акъылы да болса суйген къызынгы!* (Этезланы О.) «Конечно, было бы хорошо, если бы твоя любимая девушка, будучи красивой, была еще и умной!»; [*Юй бийче:*] *Ишексиз, Алхаз бла талаихан къутургъан ит болгъанды* («Толкъунла») [*Хозяйка дома:*] Та собака, которая грызлась с Алхазом [домашний пес], безусловно, была бешеная; – *Оллахий, бу бизни Мухаммат акъылдан шашмаса, алай айтырыкъ туююл эди!* (Толгъурланы З.) «– Ей-богу, если бы наш Мухаммат не сошел с ума, не говорил бы так!»; – *Аскер ючюн бош жарсыйсыз, ол сёз берген эсе, сёзсюз, этиучюдю!* (Гадийланы И.) «– Зря вы беспокоитесь за Аскера, когда он дает слово, безусловно сдерживает его!»

Модальные слова с предположительным значением. В предложениях с такими словами говорящий лишь предполагает, что сообщаемое возможно, однако, он не уверен в реальности осуществления сообщаемого: [*Сюлемен:*] *Темирчини къатыны Аминат да, баям, асыры жаншакъды* (Гуртуланы Э.) «[Сюлемен:] Жена кузнеца Аминат, кажется, слишком болтливая»; [*Камиль:*] *Тейри, анга да [Юсюнге] артыкъ ышанырча туююлдо* (Зокаланы З.) «[Камиль:] Видимо, ему [Юсупу] тоже не вполне можно доверять»; *Айтхан алай этгенликге, билген Аллахды, ол да келаламыды...* (Тёппеланы А.) «Хотя и обещал, бог знает, придет ли он...»; *Жашлыкъ къоймаз санга нёгер болургъа. Сора неге эзилеме мен, къайдам?* («Жилтинле») «Молодость не даст мне быть твоим другом. Зачем тогда я терзаюсь, не знаю»; *Ким биледи, «Ташкёпюр» деп былайда орналгъан элге аны ючюн аталгъан да болур* (Ортабайланы Т.) «Село, которое расположено здесь, возможно, получило название «Ташкёпюр» поэтому».

Помимо указанных основных значений, модальные слова исследуемого языка выражают следующие значения: субъективно-объективную оценку того, о чем сообщается: *Жауун жауады деп тургъаныбызлай, насыпха, мычымай, кюн ачылды да, дырын жыяргъа кетдик* (Къудайланы Х.) «Мы боялись, что пойдет дождь, но, к счастью, вскоре погода прояснилась, и мы поехали собирать сено»; *Арыгъан а, баям, бары да этгендиле. Ойнагъанмы этесе, быллай тик ёрню чыкъгъан тауда жашамагъанлагъа алай тынч туююлдо* (Толгъурланы З.) «Видимо, они все устали. Шутка ли, подниматься вверх по круче не живущим в горах». Необходимость привлечь к себе внимание собеседника: – *Э киши, эшитемисе, тамбла элге цирк келеди дейдиле!* (Кациланы Х.) «Эй, муж, слышишь, говорят, завтра в село приезжает цирк!»; *Билемисиз, дуняда неден да адамгъа саулукъ багъалды* (Къулийланы Х.) «Знаете ли, самым ценным для человека является здоровье»; – *Эгечим, ийнанамыса, эрттенликде бир аякъ айран ичсем, кюн ортагъа дери ашарыгъым келмейди!* (Зокаланы З.) «– Сестра моя, веришь, если утром выпью чашку айрана, то до полудня есть не хочется!» Модальные слова типа выделенных в приведенных примерах «... употребляются в речи, чтобы будить слушателя к совершению определенных действий, обратив внимание на какое-либо событие, состояние»¹. Указание на обобщающий, дополнительный или поясняющий характер последующей мысли: *Алай бла, айыу не бек кюрешсе да, талачыкъдан къалын чырпылы къолгъа къутулалмады* (Тёппеланы С.) «Таким образом, сколько ни старался, медведь не смог выбраться с полянки и уйти вверх по круче»; – *Алайды да, аны хапарын чынг алгъа айтыргъа сюеме* (Гыттыуланы М.) «Итак, свой рассказ хочу начать прежде всего с него»; *Къысхасын айтханда,*

бизни элде Зулийхадан ариу кыыз жокъду (Гуртуланы Э.) «Короче говоря, в нашем селе нет девушки красивее Зулейхи»; [Махмут:] **Баишача айтханда, чынтты шофер ма былай, Масхутча болургъа керекди** (Гулаланы Б.) «Иначе говоря, настоящий шофер должен быть таким, как Масхут»; Указание на порядок изложения мыслей: **Биринчиден, тамбла эден адамла барып, малланы энишге сюрлюкдюле** (Залийханланы Ж.) «Во-первых, завтра из села поедут люди и пригонят скот вниз»; **Экинчиси, совхоз быйыл былтырдан эсе эки кереге кеп силос, сенаж хазырларгъа керекди** (газ. «Къарачай») «Во-вторых, совхоз в этом году должен заготовить в два раза больше силоса и сенажа, чем в прошлом году». Вынужденное согласие с тем, что сообщается: **Ишни болуру болгъанды, сора энди, не этериксе, тѣз да къал!** (Тѣппеланы А.) «Дело уже сделано, что теперь делать, потерпи!»; **Иш алайгъа къалгъан эсе, келигиз, биз къошулмайыкъ!** (Зокаланы З.) «Раз дело приняло такой оборот, давайте, мы не примем в этом никакого участия!»; Старание убедить собеседника в правильности того, что сообщается: **«Билляхий, сен жукъ да билмейсе!» – деп, Къубадий Алийге алынды** (Этезланы О.) ««Клянусь Аллахом, ты ничего не знаешь!» – сказал Кубади Алию, снова разозлившись»; [Зауур:] **Аллах бла ант этеме, мени сиз айтхан затдан хапарым жокъду!** (Тѣппеланы А.) «Клянусь Аллахом, о том, что вы говорите, я ничего не знаю!»; [Къурман:] **Къуран хакъына, мен адамгъа хата этмгегне!** (Кациланы Х.) «Клянусь Кораном, никогда никому не навредил!»

К модальным словам можно отнести, на наш взгляд, такие сочетания как *хапаргъа кѣре* «по слухам», (*аны*) *оюмуна кѣре* «по мнению (кого-то)», (*ол, сен*) *айтханнга кѣре* «по (его, твоим) словам», (*радио, телевидение*) *билдиргеннге кѣре* «по сообщению (радио, телевидения)» и др.: **Хапаргъа кѣре, быйыл кыыш баиша жылладан эсе эртте келликди** (газ. «Заман») «По рассказам, в этом году зима наступит раньше, чем в другие годы»; **Мени оюмуна кѣре, бу ишде барысындан да бек терс кызыны атасыды** (Зокаланы З.) «На мой взгляд, в этом деле больше всех виноват отец девушки»; **Радио билдиргеннге кѣре, кюн булутлу боллукъду, бир-бир жерледе уа жауун да жаууарыкъды** (газ. «Заман») «По сообщениям радио, сегодня погода будет пасмурная, местами будет идти дождь».

Функционально-семантический потенциал модальных слов показывает, что они обладают необходимыми предикативными свойствами и нередко употребляются как слова-предложения: [Махмут *жыйылгъанлагъа:*] *Сиз а сюземисиз колхозгъа кирирге?* [Жамме:] **Айхай да!** (Этезланы О.) «[Махмут собравшимся:] А вы хотите вступить в колхоз? [Жамме:] Конечно!»; – *Ахмат айтханча уа боллукъ болурму?* – **Болур** (Гуртуланы Э.) «– Будет ли так, как говорит Ахмат? – Возможно»; [Осман:] *Сагъыт а келаллыкъ болурму тойгъа?* [Назир:] **Къайдам** «[Осман:] Сможет ли Сагит приехать на свадьбу? [Назир:] Едва ли».

В синтаксическом плане модальные слова не являются ни членами предложения, ни компонентами их, но семантически подключаются к какому-либо члену предложения (чаще к сказуемому) или ко всему предложению в целом для объективного и субъективного подтверждения достоверности, необходимости, реальности, возможности, невозможности существования чего-либо: *Ач бѣрюле энди элге кертиси бла да жууукълаишандыла* (Тѣппеланы А.) «Голодные волки теперь действительно стали ближе подходить к селу»; – *Мен алдамагъанма, батхакъны туюю керти окъуна къатыды!* (Кациланы Х.) «– Я не обманул, дно болога и в самом деле твердое!»

Большинство модальных слов может находиться в любой части предложения: 1) в начале (**Баям, келликдиде** «Видимо, они придут (приедут)»; **Не билейим, сен да алай суна болурса** «Может, ты тоже так думаешь»); 2) в середине (*Ол, баям, сени излейди* «Он, видимо, ищет тебя»; *Келсе да, не билейим, кече къалырма* «Если даже придет, сможет ли остаться на ночь, не знаю»); 3) в конце (*Айтырыкъды, баям* «Скажет, видимо») и др.

Однако некоторые модальные слова предпочитают начало предложения. К ним относятся *керти* «правда», *тохта* «погоди», *тюзю* «правда», *кертиди* «действительно», *кертисин айтсакъ (айтса)* «по правде говоря; правду говоря», *кертиси бла да*, *керти окъуна* «действительно» и др. В этой позиции модальные слова обычно выражают достоверность всего высказывания: ***Кертиси бла да***, ***Махти жьыйындагылары барысындан да иги чалады*** (Токъумаланы Ж.) «Действительно, Махти косит лучше всех в группе»; ***Тюзю, сагъыш да этмегенлей, мен жууап бердим*** (Байрамукъланы Х.) «Правда, я ответил, не задумываясь».

Функционально-семантический потенциал модальных слов в карачаево-балкарском языке, показывает, что наряду с омонимией, имеют широкое распространение синонимия, вариантность, хотя и редко, наблюдается также многозначность: синонимы: а) разнокоренные: *керти* – *тюзю* «правда», *ишексиз* – *сёзсюз* «несомненно, безусловно», *баям* – *билген Аллахды* «видимо, наверное», *не билейим* – *къайдам (карач.)* «как знать», *мени сартын* – *мен айтханнга кёре* «по-моему, на мой взгляд» и др.: – ***Керти***, ***бизни Ахмат да сизни бла кёре эдим!*** (Шауаланы Х.) «Правда, и наш Ахмат был с вами»; – ***Тюзю***, ***анам мени бир заманда да тьюмгенди*** (Байрамукъланы Х.) «Правда, мать меня никогда не била»; – ***Баям***, ***ичибизде Назирден элибиз болмаз эди*** (Гадийланы И.) «– Видимо, среди нас не было более сообразительного, чем Назир»; [Омар:] ***Билген Аллахды, бюгюн да келлик болмаз ол [Сафар]*** (Къулийланы Х.) «[Омар:] Видимо, и сегодня не придет он [Сафар]»; б) однокоренные: *керти* – *кертиди* «правда», *айхай* – *айхай да* «конечно, естественно, разумеется, несомненно», *Аллах билсин* – *билген Аллахды* «Бог ведает, бог знает», *ант этдир* – *ант этеме* «клянусь», *алай бла* – *алайды да* «итак, таким образом» и др.: [Аубекир Зулейхагъа:] ***Тынып къал! Ант этдир, къамыжакъныча, эзип къоярма!*** (Толгъурланы З.) «[Аубекир Зулейхе:] Замолчи! Клянусь, раздавлено как жука!» – [Масхут:] ***Ант этеме, Ахмат, санга тюберге деп жанлагъандан сора жумушум жокъ эди!..*** (Кациланы Х.) «[Масхут:] Клянусь, Ахмат, я пришел встретиться с тобой, другого дела у меня не было!..»; варианты: *билемисе* «знаешь»/ *билемисиз* «знаете», *игисагъын/ ийсагъан* (показывает сильное желание) *биринчиден/ биринчиси* «во-первых», *кертда/ керти да* «действительно, в самом деле», *ярабий/ ярабин/ ярапин/ ярабий/ арабин* (выражает желание узнать, сомнение) и др.: [Роза Рамазаннга:] ***Кертда***, ***была барысы да къайры кетгендиле?*** (Семенланы А.) «[Роза Рамазану:] Действительно, куда они все ушли?»; [Зайнаф:] ***Ийсагъан***, ***мен дуняда битеу китапланы окъуп чыкъсам эди!*** (Тёпеланы А.) «[Зайнаф:] Хоть бы я прочитала все книги в мире!»; многозначные модальные слова: *айхай* 1) «конечно, разумеется, естественно, несомненно»; 2) «к сожалению»; 3) «вот бы»; *эшта* 1) «наверное, вероятно, по-видимому, видимо, должно быть»; 2) «где уж»: [Мурат Азгоргъа:] ***Сен а келаллыкъмыса тойгъа?*** [Азгор:] ***Айхай***, ***келликме, келмей а!*** «[Мурат Азгору:] А ты сможешь приехать на свадьбу? [Азгор:] конечно, приеду, как же не приехать».

Примечания

1. Сагитов М.А. Модальные слова // Татарская грамматика. Казань, 1997. Ч. II. С. 289–292.
2. Зайнуллин М.В. Модальные слова // Грамматика современного башкирского литературного языка. М., 1981.
3. Аптеев А.К. Функциональная характеристика модальных слов в карачаево-балкарском языке // Проблемы формирования и реализации потенциала личности в современной России: материалы IX Международной научно-практической конференции (15 мая 2013 г.) / Восточная экономико-юридическая академия (Академия ВЭГУ). Уфа, 2013. С. 139–145.

A.K. Appoev

**FUNCTIONAL-SEMANTIC POTENTIAL OF MODAL WORDS
IN KARACHAI-BALKAR LANGUAGE**

The article deals with the functional-semantic potential of modal words in Karachai-Balkar language; distinction and modal predicative words, interjections, particles. Also considered derivative and derivatives, simple and complex types of, communication with verbs, nouns, adjectives and names numerals; affirmative and the estimated value of their property predicate.

Keywords: karachai-balkar language, modal words, significant parts of speech, vocabulary units.

А.А. Афаунова

**ГЕНДЕРОВОЗРАСТНЫЕ РАЗЛИЧИЯ
КОММУНИКАТИВНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕЖДОМЕТИЙ
В КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОМ ЯЗЫКЕ**

Цель данной статьи заключается в исследовании основных различий эмоциональных, коммуникативных составляющих междометий, их использования в зависимости от пола и возраста, отраженных в художественных текстах и разговорной речи носителей языка, определить доминантную эмоцию в речевом поведении мужчин и женщин.

Ключевые слова: междометия, коммуникация, эмоции, гендерные различия, половозрастные особенности, речевое поведение.

Проблема изучения взаимосвязи половозрастных особенностей человека и языковых средств, выбираемых им для выражения своих мыслей, относится к исследованиям живой речи. Любая речевая деятельность непосредственно зависит от эмоций и чувств, проявляемых человеком.

Как показывают исследования, чаще всего мужчинами и женщинами испытываются чувства страха, радости, гнева, грусти, восторга, удивления. Тем не менее, в зависимости от пола и возраста, коммуниканты проявляют некоторые закономерности в выборе эмоциональных средств для проявления данных переживаний.

Не вызывает никаких сомнений тот факт, что существуют различия между мужчиной и женщиной в социальной, психологической, биологической, эмоциональной, коммуникативной сферах, что оказывают непосредственное влияние на использование средств языка. Данное явление связано с определенными эмоциональными нормами. Свидетельство тому употребление фиксированных междометий в речи каждого из групп полов.

Например, междометия *анна*, *адыдыд*, *алей*, *асымыгъуэ*, *алыхь*, *тхъэ* и т.д. употребляются только в речи женщин. Им характерны нежные, ласковые, доброжелательные оттенки.

Междометия, выражающие наиболее грубые, мужественные, сдержанные оттенки, присущи речи мужчин: *алыхьыр зыгъэццIа*, *зиунагъуэрэ*, *тхъэр согъэццI*, *уэлэхьи*, *уей*, *Iагъу* и т.д.

Следует заметить, что междометные слова в речи женщин используются гораздо чаще, чем в речи мужчин. Это связано с проявлением большей эмоциональности, экспрессивности женщин в кабардинской культуре. Они более подвержены эмоциональным всплескам, чаще выражают их посредством междометий и всяческих эмоционально окрашенных средств. Спектр чувств у них более обширен – от смущения до проявления горя и отчаяния. Мужчины более сдержаны в проявлении эмоций, их речь эмоционально бедна и однообразна и, в следствие, скудное использование междометий.

Исследования показывают, что различия между мужским и женским вербальным поведением наиболее ярко проявляются в формулах благопожеланий, проклятий, клятв, приветствий.

В «женских» междометиях в основном используются мягкие звуки. Даже тогда, когда женщина говорит утвердительно, строго, в ее голосе слышатся некоторые

нотки доброты и нежности, что по характеру и по сути ей свойственны. Также в «женской» речи часто употребляются междометия, выражающие сожаление, сочувствие, к которым добавляются частицы *мыгъуэ/гуицэ*: *ана мыгъуэ, алей гуицэ*.

– *Алей гуицэ, сыту лейуэ уджэла, – кьэгузэваиц нанэ*.

«– Ой-ей, как же сильно ты упала, – переживала бабушка».

В «мужских» междометиях, наоборот, присутствуют более грубые, резкие звуки. Если в «женских» междометиях звуки более протяжные, то в «мужских» они более обрывистые, «ломаные», грозные. Например, для передачи удивления и недовольства чаще используются звонкие согласные в начале и в конце слова. Тем самым подчеркивается резкость, неожиданность ситуации, в которой мужчина не может удержать возглас удивления или недовольства. Таковы междометия *Iay, Iэу, Iagъ, Iagъу, зиунагъуэрэ* и т.д.

– *Сыт кьэхъуар? – жызоIэ*.

– *Iэгъу! Кьэхъуар ниIэркъэ? Бгым мафIэ кьыицIэнаиц, – жи, и Iэр бгы лъапэмкIэ еиши¹*.

«– Что случилось? – говорю.

– Что?! Не знаешь, что случилось? Гора загорелась, – говорит и показывает пальцем в сторону горы».

В традиционной культуре адыгов существуют определенные правила проявления чувств. Например, мужчины должны быть сдержанными, строгими, тогда как женщины мягкие, услужливые, добросердечные. Все это не может не сказываться на преобладании каких-либо междометий в речи и, наоборот, на редкое использование других. Возгласы, употребляемые женщинами, недопустимы в мужской речи. Одни и те же эмоции у разных полов выражаются разными эмоциональными словами. Нарушение этих правил, т.е. выбор междометий, не свойственных данной половой группе, ведет к определенным последствиям, в частности, женщины выглядят мужиковатыми, мужчины женоподобными.

Нами отмечены случаи употребления мужчинами в своей речи некоторых «женских» междометий (*тхъэ, ди тхъэ* и т.д.) и, наоборот, женщинами «мужских» (*уэлэхьы, уей* и т.д.), что, на наш взгляд, обусловлено воспитанием, окружением человека, в котором он вырос. Подобная речь стилистически ярко окрашена.

Например:

– *Уа, дед, сыту уфэ лей? Зыбгъэсымаджэ дыдэу ара?*

– *Тхъа-а-а, сэ схьыжыныихуэ цыIэу кьыицIэмыкIын, Хьэбий, кьару лъапкъ сиIэжкъым, си цхьэр мэузри нэплъэгъуэ кьызитыркъым²*.

«– О, дед, как ты плохо выглядишь? Ты так сильно болеешь?

– Ей-богу, я, наверное, долго не протяну, Хабий, нет никаких сил, голова болит так, что света белого не вижу».

Наше исследование показывает, что «божественные» междометия-клятвы, такие как *уэлэхьы, тхьэр согъэицI, згъэицIаи, кьурIэнкIэ соIуэ, алыхь (дыицэ/лъапIэ), ди тхъэ* и т.д. употребляются довольно часто в обеих группах, хотя междометия, обращенные к Богу, больше относятся к женской речи и «часто выполняют функцию водных слов»³. Однако, следует отметить, что по смысловым нагрузкам использование их различна: если женщины употребляют их для выражения чувства страха, восклицания; мужчины передают преимущественно чувства раздражения, упрека, гнева, злости.

– *УзгъакIуэмэ, алыхьыр согъэицI!* – *зэуэ кьоль ХьэпаицIэ*.

– *УицIэкуэн цыIэжкъым уэ абы, Залинэ, – Назири кьыхуидэркъым⁴*.

«– Не пойдешь, клянусь! – моментально рассердился Хапача.

– Незачем тебе туда идти, Залина, – Назир тоже ей не разрешает».

Б.Х. Бгажноков выделяет тенденцию, «выражающуюся в том, что женщины отдают предпочтение клятвам языческого толка, а у мужчин преобладают клятвы, привнесенные исламом. Преимущественно женскими стандартами общения признаны клятвы именами усопших предков, луной, солнцем, небом, землей и

т.п. Клятвы именем Аллаха, Кораном, пророками – исключительно мужские»⁵. Самыми обиходными клятвами в языке являются клятвы, производные от слов *Алыхь* «Аллах», *Тхьэ* «бог» в различных интерпретациях:

1) в **«мужских»**: *уэлэхьы, уэлэхьы-билэхьы, тхьэр соггэтиц, кьурлэнклэ солуэ* и т.д.: *ТлоцI ирикьуакъэ, Къасболэт?* – *Хьэбац зиутхьытицIыжурэ кIэлындорым кьыдэжлуеяц.*

– *Тхьэ солуэ, ирикьуауэ. Уа, мэуэ цэ, бжьыхьэкIапэм ицIаггээзгъауэ нIэрэ?*⁶

«Штук двадцать набралось, Касболат? – Хабац, отряхиваясь, поднялся в коридор.

– Ей-богу, набралось. Хорошо ли под карниз уместили?».

2) в **«женских»**: *алыхь (дыдэ/дыцэ), тхьэ (дыдэ), ди тхьэ* и т.д.:

– *Иэна гуцэ, ар сьт IэциIаггэ, – кьогубжь Гуацэнэ, – бедаркIэжь цIыкIум уису губгъуэм уисыну? Тхьэ дыдэ, сыхуэмей. ЦIыхубз IэциIаггэ гуэр кьыхэх, на-а*⁷.

«Ну, что это за профессия, – рассердилась Гуашана, – сидеть в старой маленькой бедарке посреди поля? Ей-богу, не хочу. Выбери какую-нибудь женскую профессию».

В кабардино-черкесском языке необходимо выделить и группу междометий, входящую в общий лексикон как мужчин, так и женщин: например, *еу-уей, бетэмал, ей, IыIыхьы* и т.д. Их значение и произношение являются общеупотребительными.

– *Еууей мыгъуэ, усьт хуэдэ цIыху уэ, Хьэсэн, кьызгурылуэркъым, – хьуцIэрт Мэхьмуд.*

«– Ох-ох, что ты за человек, Хасан, не понимаю, – жаловался Махмуд».

– *Еууей мыгъуэ, си тхьэмыцIэ цIыкIу, сьт апхуэдэу уигу хэзыггэцIыр?* – *хуэгъуэуэ едэхьацIэрт и пхьум анэр.*

«– Ох-ох, бедная моя, из-за чего же ты так печалишься? – переживая, гладила по голове мать свою дочку».

На моделирование коммуникативного поведения, наряду с половой принадлежностью, влияет и возрастной критерий, например, характерны для речевой практики взрослых и людей пожилого возраста такие междометия, как *зиунагъуэрэ, тхьэ солуэ, Iэна гуцэ, уей*, а для детской речи – *уарэ, уэсысыс, IыIы, ы-ы.*

Пример детской речи:

Хьэсанэ и нитIыр кьипкIыным хуэдэу Мурат и бгырыпхым тенац:

– *УэI, мыхэр сьту дахэ, сеIэб хьуну?*⁸

«Хасана уставился на пояс Мурата:

– Ух ты, какой он красивый, можно потрогать?».

Отход от традиционного употребления междометий придает речи определенную стилистическую окрашенность: «детское» слово в речи взрослого человека говорит о его несерьезности.

Также «детскую» речь можно использовать в обращении к ребенку:

– *Умызэран жьыIаггэ, Iынэ-Iынэ усцIыниц! – ихьидэрт анэр хьийм икIа сабийр хуэзэтемыубыдэжу.*

«– Перестань баловаться, говорю, сейчас побью! – ругалась мама на разбаловавшегося ребенка, которого не могла успокоить».

Когда девушки кокетливо разговаривают со своими молодыми людьми, используют подобные междометия, пытаются показать свою наивность, притвориться ребенком:

– *IыIы, сыхуейкъым сэ абы!* – *и Iупэр кьыIуиггэпкIыу Мадинэ зыхуиггэгусэрт и цIалэ гьусэм.*

«– Нуу, не хочу я его! – надувая губы, обижалась Мадина на сопровождавшего ее парня».

Взрослые употребляют такие слова и для юмора, насмешки.

С другой стороны, использование ребенком «взрослого» междометия не может не вызвать усмешки у взрослых. Это так называемые модифицированные слова,

которые дети приспособливают к своей речи с помощью перестановки, усечения или замены труднопроизносимых слов. Например:

– *Сэри?* – *игъэщIэгъуащ Чэрим.* – *Аращ игъащIэми, мор мэээран, сэ къыстралъхъэ.*

– *Уэрей, уэрам сыт цыгъуи зэраныр!* – *гъынэнащ Хъэчим*⁹.

«Я? – удивился Чарим. – И так всю жизнь: он балуется, а меня обвиняют.

– Ей-богу, это ты постоянно балуешься! – начал хныкать Хачим».

Взрослые в общении с детьми имитируют детскую речь, подстраиваются под нее для того, чтобы наладить контакт с ребенком. Это «один из показателей ума и воспитанности социума»¹⁰.

Таким образом, проявление эмоций и чувств находится в непосредственной связи с культурными, и социальными нормами речевой деятельности языка. Признаки дифференциации междометий на «женские», «мужские», общие, «детские» наблюдаются и в некоторых других языках (английском, турецком, абхазском, абазинском, русском, балкарском). Однако в кабардино-черкесском языке это явление имеет особенно ярко выраженный характер.

Примечания

1. *Шинкубэ Б. ЖылакIэ:* Роман. Налшык, 1989. 304 н.
2. *Мэзыхъэ Б. Жэщ закъуэрэ гъащIэ псомрэ:* ГушыIэхэмрэ ауанымрэ. Налшык, 2003. 216 н.
3. *Черкесова З.В., Габуниа З.М.* Гендерные эмотивные различия в кабардино-черкесском языке / Вестник АГУ. Майкоп, 2014. С. 113–117.
4. *ШоджэныцIыкIу I.* Уи цIэр фIэсщынщ: Повесть. Налшык, 1973. 304 н.
5. *Бгажноков Б.Х.* Культура общения и этнос (На материале культуры общения адыгских народов): Дисс. ... д-ра ист. наук. Нальчик, 1984. 380 с.
6. *Кхъуэлүфэ Хь.* Гъатхэм и ныбжьыр: Рассказхэр, повестхэр. Налшык, 2000. 480 н.
7. *ШоджыхъэщIэ Хь.* Тхыгъэхэр. II Iыхъэ. Уи пщэдджыжь фIыуэ, Тэрч!: Повесть. Налшык, 1994. 432 н.
8. *Мэлей А.* Цыхум и гъащIэр: Повесть. Налшык, 1995. 192 н.
9. *Журт Б.* ЗэкъуэшитI // Адыгэ сабий литературэ / Зэхэзылхъар Мыз М.Л. Налшык, 1994. Н. 182–184.
10. *Бгажноков Б.Х.* Указ. соч. 380 с.

A.A. Afaunova

GENDER-AGE DIFFERENCES OF COMMUNICATIVE USAGE OF INTERJECTIONS IN KABARDIAN-CHIRCASSIAN LANGUAGE

The purpose of this article is to study the main differences of emotional and communicative components of interjections, their usage depending on gender and age, as reflected in literary texts and everyday language used by native speakers, as well as to determine the dominant emotion in the verbal behavior of men and women.

Keywords: interjections, communication, emotions, gender differences, gender-age based peculiarities, verbal behavior.

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

Л.А. Тихомиров

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ИЗГНАНИИ ЧЕРКЕСОВ

Предлагаем вниманию читателя отрывок из воспоминаний Льва Александровича Тихомирова (1852–1923 гг.), выдающегося русского мыслителя, очевидца и исследователя черкесской катастрофы. Его крайне важное для понимания исторической судьбы России и Черкесии интеллектуальное наследие стало доступно благодаря труду ряда современных историков – в первую очередь, М.Б. Смолина.

Мемуары Л.А. Тихомирова представляют двоякую ценность. Во-первых, как живое свидетельство человека, родившегося в 1852 г. в Геленджике и ставшего очевидцем разыгравшейся трагедии черкесского народа. Во-вторых, как высококвалифицированный анализ и беспристрастная оценка событий, по поводу которых в современной исторической науке нет общего мнения, то и дело возникают жаркие споры.

Используя формулу «изгнание черкесов», Лев Александрович первым в российской исторической науке поставил вопрос о геноциде адыгского народа в период Кавказской войны.

«Изгнание черкесов с Западного Кавказа началось, когда мы еще были в Темрюке, вслед за покорением Восточного Кавказа. События, касающиеся Шамиля, Дагестана и т.д., я знаю почти исключительно по литературным источникам. Но что касается Западного Кавказа, я, можно сказать, лично пережил эту страшную историческую трагедию, подобную которой едва ли знавал мир даже в эпоху великого переселения народов. Я довольно хорошо знаю и литературу этого предмета.

Я знаком немножко даже с архивными данными, ее касающимися, потому что в 1887 году собирался писать историю русского завоевания моей родины и по этому поводу входил в сношение с известным екатеринодарским исследователем Фелициным, имел архивные документы Новороссийского округа благодаря любезности тогдашнего начальника войскового старшины Соколова.

Собранные мной материалы, статистические таблицы, выписки, начерченные мною планы и карты – все это погибло вместе со множеством других моих бумаг во время нашей революции. Но помимо этих литературных и архивных данных, я знаю историю выселения западнокавказских горцев по рассказам участников этого дела; и наконец выселение прошло перед моими глазами.

Мне тогда было десять-двенадцать лет, но я был мальчиком преждевременно развитым, а рассказы участников событий слышал в разное время вплоть до 1887 года. Таким образом, я могу говорить о всей этой истории очень уверенным голосом, и если даже что-либо позабыл или перепутал, то в общем мое свидетельство имеет известную документальную ценность.

Это предисловие я делаю потому, что мой рассказ не вполне сходен с тем, что мы имеем в литературе предмета, и я, зная эту разницу, не отказываюсь от своих слов и готов был бы их отстаивать даже перед исследователями-специалистами.

Как уже упоминалось раньше, князь Барятинский после покорения Восточного Кавказа созвал в 1860 году во Владикавказе совещание для установки плана покорения Западного Кавказа.

На совещании было выдвинуто два плана. Генерал Филипсон полагал, показав черкесам русскую мощь военными мерами, привлечь их сердца к России мерами гуманными, выражая уверенность, что мы можем завоевать их культурно. Это, разумеется, совершенная фантазия.

С одной стороны, под властью России черкесы не могли бы сохранить той степени благосостояния, какой достигли собственными силами. С другой стороны, мы ничем не могли искоренить в них привычку хищничества в отношении соседних народов.

В-третьих, западные черкесы, адыге, жили независимой жизнью больше веков, чем сколько существует сама Россия. Еще древние греки знают «керкезов», т.е. черкесов-адыге, и если за истекшие с тех пор тысячелетия черкесы испытали несколько завоеваний, то совершенно поверхностных, не уничтоживших их фактической независимости; и сверх того, они за долгие века привыкли видеть, что их завоеватели скоро исчезают, а они, черкесы, остаются по-прежнему владельцами своей родины и живут как хотят, и устраиваются, как им лучше нравится.

Глубокие перевороты бывали и у них, а именно у шапсугов, которые низвергли у себя князей и развили до последних выводов демократический строй. Но это сделали они сами. Чужого же владычества черкесы над собой не захотели бы признать, даже хотя бы турецкого, несмотря на то, что султан имеет для них священное значение религиозного владыки.

Что касается России, она могла бы держать их под своей властью только при страшном гнете военной силы, то есть при таком условии, когда черкесы не могли бы ни жить в довольстве, ни чувствовать себя счастливыми.

План Евдокимова был совсем иной. С черкесами ужиться нельзя, привязать их к себе ничем нельзя, оставить их в покое тоже нельзя, потому что это грозит безопасности России, разумеется, не вследствие пустячного хищничества абреков, а вследствие того, что западные державы и Турция могли бы найти в случае войны могущественную опору в горском населении. Отсюда следовал вывод, что черкесов, для блага России, нужно совсем уничтожить. Как совершить это уничтожение? Самое практичное – посредством изгнания их в Турцию и занятия их земель русским населением.

Л.А. Тихомиров
(1852–1923 гг.)

Этот план, похожий на убийство одним народом другого, представлял нечто величайшее в своей жестокости и презрении к человеческому праву.

Он мог родиться только в душе человека, как Евдокимов. Это был сын крестьянина, взятого в рекруты по набору и дослужившегося до какого-то маленького офицерского чина – уж конечно не благодушием, а силой воли, энергией, суровостью. У Николая Ивановича Евдокимова текла в жилах кровь мужика, энергичного

и чуждого жалости, когда дело касается его интересов. Имея огромный практический ум, несокрушимую энергию, свободный от всякой чувствительности, совершенно необразованный, только грамотный, он спокойно взвесил отношения русских и черкесов и принял свое решение в плане «умиротворения» посредством «истребления».

Этот план нашел полный отзвук в душе князя Барятинского, потомка создателей Руси, готовых все ломать и крушить во имя своего дела и столетия назад выработавших афоризм: «Где рубят лес, там щепки летят».

Давно, с 1835 года, зная кавказских горцев, в боях с которыми получил несколько ран и заслужил репутацию честного и бесстрашного воина, князь Барятинский, без сомнения, имел честолюбие, которое рисовало ему славу преемника Ермолова и Воронцова, превзошедшего обоих величием своих дел. Не было еще человека, способного покорить горцев, но князь Барятинский будет таким человеком. И он действительно завоевал восточных горцев. Оставались западные, с которыми сладить было еще труднее.

В Дагестане можно было совершить завоевание без уничтожения противника, и князь Барятинский охотно оставил лезгинам существование, явился покорителем, но не истребителем.

Относительно адыгейских народов он ясно понял, что Евдокимов говорит дело: что тут либо мы, либо они, а вместе мы жить не можем, – и бестрепетно решил: если так, то пусть они погибнут, а мы останемся жить на их месте.

Я ничуть не думаю, что князь Барятинский подписывал этот смертный приговор целому народу с таким уж легким сердцем, как Евдокимов. Нет, конечно, это ему было тяжело. Он был аристократ, образованный, культурный, даже утонченно цивилизованный, понимавший роскошь и все тонкости благ земных, дамский кавалер и рыцарь. Воевать, побеждать, завоевывать, властвовать – это была его сфера.

Но истребить целый народ – это уже деяние «сверхчеловека», деяние, перед которым могут дрогнуть и Кромвель, и Наполеон. Но так как иначе нельзя поступить, чтобы свершить свое дело и заплести до конца венки своей славы завоевателя Северного Кавказа, то Барятинский решил: быть посему. Евдокимову, конечно, не приходилось переживать никаких мучительных ощущений. Ему не предстояло делать усилия сверхчеловека, а скорее наоборот – в нем говорила спокойная решимость человека со слабо развитым чувством гуманности и правосознания. Но при всей противоположности натур аристократический князь и сын человека из народа сошлись на хладнокровном понимании вещей и одинаковой решимости все принести в жертву величия России.

Однако, при всей широте полномочий князя Барятинского, требовалось получить разрешение от Императора. А Александр Второй, воспитанник Жуковского, был очень чувствителен. Крутые меры были всегда не по нем, а тут предстояло нечто такое, по поводу чего вся Европа могла закричать о бесчеловечии и варварстве. В нем жил тот же «петербургский» дух, что и в генерале Филипсоне. В довершение всего князь Барятинский уже в 1861 году стал хворать, надломилась его сила, так что уже в 1862 году он уже официально оставил наместничество и совсем уехал с Кавказа. Остальную часть жизни он провел за границей, где и умер.

Честь завоевателя Западного Кавказа досталась не ему. Его заслуга в этом деле состоит только в том, что он выдвинул вперед Евдокимова и своим именем санкционировал его планы. Но личным воздействием на Императора поддерживать их он уже не мог. А планы хотя и были в принципе приняты Александром Вторым, но в практическом исполнении всегда могли быть до неузнаваемости переиначены. И вот Евдокимову пришлось пустить в ход свои дипломатические таланты, оказавшиеся очень крупными.

По его плану, изгнание горцев должно было идти одновременно с переселением казаков на их место. Но как же их переселить? Генерал Филипсон, так деликатно

относившийся к горцам, не считал нужным стесняться с русскими, и по его проекту решено было переселять казаков целыми полками, частью с Линейного войска, частью с Черноморского.

Но в обоих войсках вспыхнул открытый бунт. Когда в Хоперский полк послана была воинская команда для побуждения бунтующих переселенцев, казаки выстроились правильными воинскими частями против присланного отряда, и между обеими враждующими сторонами ежеминутно готова была разразиться кровавая схватка. В Черноморье был заявлен такой же решительный протест. Казаки громко кричали, что будут силой сопротивляться переселению.

В Екатеринодаре тогда должность войскового атамана исправлял, кажется, генерал Кусаков. Он хотел убежать из бунтующего города, но казаки, узнав о его отъезде, погнались за ним и воротили силой. «Вы наш атаман и должны быть вместе с нами, вместе отстаивать казачьи интересы», – кричали они.

Черноморское так называемое дворянство, то есть попросту казачьи офицеры, «пань», составили протест, в котором заявляли, что приказ о переселении нарушает данные казачеству грамоты Екатерины Второй, и подали его Кусакову для передачи Евдокимову. Казаки насильственными мерами давили на всех несогласных с ними. Генерал Яков Кухаренко, кровный, заслуженный казак, до сего весьма популярный, подал в Петербурге голос за проект Филипсона, и войско его за это возненавидело.

Вскорости они ему жестоко отомстили. Когда он ехал в Ставрополь, они дали знать черкесам, будто бы проезжать будет генерал Бабич, которого горцы старались убить за разорение их земли. Поэтому черкесы устроили засаду и бросились на карету Кухаренко, думая, что это ненавидимый ими Бабич. Казачий же конвой моментально разбежался.

Выданный таким образом в руки врагов, Кухаренко сначала храбро отбивался шашкой, но, конечно, скоро упал израненный, и черкесы потащили его на аркане в свои аулы. Когда они узнали, что их пленник не Бабич, они готовы были отдать его за выкуп, но он не пережил ран и аркана и через несколько дней умер в плену. А казаки, сверх того, сделали нападение на его хутор и нанесли тяжкие оскорбления членам его семьи, попавшим им в руки.

Единодушный отпор казачества грозил опрокинуть все планы Евдокимова. Приходилось сражаться уже не с черкесами, а со своими же казаками. Сверх того, такой оборот дела, конечно, скомпрометировал бы все планы в глазах Императора. Тогда Евдокимов пошел на уступки, требовавшие большего самопожертвования и находчивости, чем всякие сражения.

Он немедленно отменил уже назначенное переселение, увел войска и в личных объяснениях с казаками выставил дело в таком виде, что это вышло простое недоразумение. Казаки давно просили дать станицам право выселять своих порочных членов. Евдокимов будто бы и хотел исполнить их желание и заселить такими людьми Закубанье...

Он быстро составил новые правила переселения, не трогая целых полков и станиц, а выселяя только несколькими семьями, с большими пособиями от казны и привлекая к делу не только прикубанских, а даже донских и терских. Казаки успокоились, и среди них нашлось достаточно для Евдокимова народа, выселяемого по приговору общества или добровольно решившего попытать счастья за Кубанью.

А для того, чтобы у Императора не являлось и тени сомнения в целесообразности общего плана переселения, Евдокимов в личном разговоре с Александром Вторым оправдывал казаков и обвинял самого себя в неудачно принятой первой мере, хотя в действительности виноват был не он, а Филипсон.

Вообще, Евдокимов готов был сделать все, не щадя ни себя, ни других, лишь бы Западный Кавказ был покорен. Что касается переселенцев, он делал для них всевозможные льготы. Для них войсками заранее устраивались хаты и сараи,

вновь образованное Кубанское войско назначило им большие пособия, даже на постройку церквей, от казны им выдавалось продовольствие в течение трех или пяти лет (не помню хорошо). Со всем этим дело пошло гладко.

Оставалась только другая опасность: чтобы Император не разжалобился участью черкесов и не отменил поголовного их изгнания. В этих видах проект выселения ставил перед черкесами не требование уходить из России, а предоставлял каждому на выбор: или выселяться на так называемую «плоскость», то есть низменные прикубанские земли близ Майкопа, или уходить в Турцию.

Но могла ли эта плоскость вместить всех черкесов, если бы они пожелали остаться? На этой территории могло уместиться тысяч сто народа, при наделах весьма недостаточных.

И вот начали сочинять официальную статистику, до бесстыдства уменьшавшую число черкесов во всех их племенах.

Я, к сожалению, не могу теперь на память называть цифры, но они ввали, в пять или десять раз уменьшая население гор. Цифры эти были опровергнуты через два или три года самим же официальным подсчетом выселяющихся, но они и были нужны только на минуту, чтобы обмануть петербургские высшие сферы и самого Императора.

Эта статистика имела, однако, свою слабую сторону, так как малочисленность горцев могла рождать мысль о том, что они и оставаясь на местах не представляют большой опасности. Поэтому нужно было убедить Императора в их непримиримости в отношении России. Этого Евдокимов лично достиг в 1861 году, уже без участия князя Барятинского, уехавшего на излечение за границу.

В 1861 году Император Александр Второй прибыл на Северный Кавказ отчасти вообще для обозрения этого края, главнейшим образом же для окончательного решения черкесского вопроса, который Евдокимов, не дожидаясь окончательных приказов, фактически решал с лихорадочной быстротой. Ввиду ожидаемого приезда Императора он придумал такую хитрость.

Среди черкесов у него было множество «кунаков», приятелей, и он стал собирать их у себя и вел такие речи, что сам по себе он любит черкесов и вовсе не желает их выселения, а если действует против них, то только по приказаниям князя Барятинского; но вот теперь едет сам Император и хочет лично говорить с черкесскими депутатами; это человек редкой доброты, желающий сделать счастливыми все народы; горцы могут высказать ему все свои пожелания с полной уверенностью, что он их удовлетворит; он, Евдокимов, от души советует им не упустить редкого благоприятного случая.

Приятель Евдокимова, увлеченные такими светлыми мечтами, рассеялись по горам, всюду распространяя внушенную им идею. Горцы, мало смыслящие в политике, легко вдалились в обман. В сентябре 1861 года в наш отряд, стоявший на реке Нижний Фарс, прибыл Император и собрались депутаты от шапсугов, натухайцев, убыхов и других племен. На аудиенции они с чистым сердцем изложили свои требования.

Они заявили, что желают уничтожения на их землях русских укреплений и вывода войск; русских поселений на их землях также не должно быть; равным образом у них не должно быть никакой русской администрации; при соблюдении этих условий они готовы признать верховную власть русского царя и жить мирно...

Можно себе представить эффект таких требований, каких не мог бы предоставить России самый победоносный неприятель. Император убедился, что с черкесами невозможно никакое соглашение, и тут же, в сентябре, утвердил все планы Евдокимова.

И вот они с удвоенной энергией стали приводиться к дальнейшему исполнению.

Должен заметить, что горцы сначала надеялись на заступничество Европы и Турции. Они посылали туда своих депутатов. Я помню, как возвратился натухайский князь Костанук, ездивший, кажется, в Англию. С ним была большая свита.

Весь его табор расположился на берегу реки Цемеса, так что из Новороссийска был очень хорошо виден. Из наших знакомых у Костанука бывал доктор Дорошевич, которого вызвали по случаю болезни кого-то из приближенных князя.

Но нерадостны были вести, привозимые депутатами. Никакой помощи они не нашли. Только Турция согласилась принять переселенцев, о чем, впрочем, усиленно хлопотало и само наше правительство. Нажимая на черкесов и подгоняя их все ближе к берегу, наши, понятно, желали, чтобы на берегу было возможно более судов для их погрузки и чтобы Турция возможно шире открыла для них свои двери. Горцев всячески побуждали скорее уходить, старались возбудить в них самостоятельное движение к переселению. С этой целью Евдокимов даже испросил ассигновку ста тысяч рублей для пособия добровольно выселяющимся семьям. Конечно, такой ничтожной суммы могло хватить лишь на самое ничтожное количество народа, но Евдокимову нужно было только пустить слух о пособиях, чтобы это побудило других поскорее сниматься с места в надежде на получение казенных денег.

Однако главным средством воздействия оставалось чистое насилие. Как я упоминал, черкесы сначала защищались, соединялись в союзы, дрались не на живот, а на смерть. Но их, конечно, всюду разбивали, и мало-помалу горцы пали духом, перестали даже защищаться.

Русские отряды сплошной цепью оттесняли их и в очищенной полосе воздвигали станицы с хатами и сараями. За ними следом являлись переселенцы-казаки и поселялись в заготовленных станицах, окончательно доделывая постройки.

Черкесы, когда уже совсем растерялись и пали духом, в большинстве пассивно смотрели на совершающееся, не сопротивляясь, но и не уходя. Не сразу можно было подняться, не сразу можно было даже сообразить, что делать, куда уходить. Но размышлять долго им не давали. Во все районы посылали небольшие команды, и эти в свою очередь разбивались на группы по несколько человек. Эти группки рассеивались по всей округе, разыскивая, нет ли где аулов, или хоть отдельных саклей, или хоть простых шалашей, в которых укрывались разогнанные черкесы.

Все эти аулы, сакли, шалаша сжигались дотла, имущество уничтожалось или разграблялось, скот захватывался, жители разгонялись – мужики, женщины, дети – куда глаза глядят. В ужасе они разбегались, прятались по лесам, укрывались в еще не разграбленных аулах. Но истребительная гроза надвигалась далее и далее, настигала их и в новых убежищах.

Обездоленные толпы, все более возрастающая в числе, бежали дальше и дальше на запад, а неумолимая метла выметала их также дальше и дальше, перебрасывала наконец через кавказский хребет и сметала в огромные кучи на берегах Черного моря.

Отсюда все еще оставшиеся в живых нагружались на пароходы и простые кочермы и выбрасывались в Турцию. Это пребывание на берегу было не менее ужасно, потому что пароходов и кочерм было мало.

Переселявшихся за море было свыше полумиллиона. Нелегко можно найти перевозочные средства для такой массы народа, и злополучные изгнанники по целым месяцам ждали на берегу своей очереди. Да о заготовке перевозочных средств никто и не подумал своевременно.

Турецкое правительство было застигнуто врасплох такой массой эмигрантов. А почему наше ограничилось такими ничтожными мерами, как зафрахтовка трех пароходов Русского общества, да в крайнем случае перевозило на каком-то военном судне, – я не знаю. Вероятно, оно было обмануто фальшивой статистикой и тоже не ждало многих сотен тысяч душ переселенцев. К услугам эмиграции явились частные предприниматели, которые брали с горцев большие деньги и нагружали их на свои кочермы и баркасы, как сельдей в бочку. Они умирали там как мухи – от тифа и других болезней.

Вся эта дикая травля – не умею найти другого слова – тянулась около четырех лет, достигши своего апогея в 1863 году. Бедствия черкесов не поддаются описанию.

Убегая от преследований, они скитались без крова и пищи, зимой – при двадцатиградусном морозе. Зимы, как нарочно, были необычайно холодные.

Среди черкесов стали развиваться опустошительные болезни, особенно тиф. Семьи разрознились, отцы и матери растеривали детей. Умирили под открытым небом и в норах.

Рассказывали, что наши натыкались на случаи употребления несчастными человеческого мяса.

Я говорю об ужасах изгнания горцев как очевидец. Когда понуждения к их выселению докатились и до Новороссийска, все горы, окружавшие Цемесскую долину и бухту, задымилась столбами дыма от выжигаемых аулов, а ночью всюду сверкали иллюминацией пожаров. Мы даже не подозревали, что наши горы были так густо заселены. Дым подымался и огонь сверкал чуть не в каждом ущелье. Эта зловещая картина стояла перед нашими глазами, пожалуй, в течение месяца.

Потом огонь с аулов перекинулся и на леса, и в течение многих лет в велико-лепном лесу по Цемесу можно было видеть там и сям громадные черные стволы лесных великанов. Я был и лично на лесном пожаре по Цемесу.

В это время загнанных, растерявшихся, дошедших до полной апатии черкесов уже не боялись, и меня как-то взяли в лес, горевший совсем близко от Новороссийска. Опасности от огня не было, потому что в любую минуту можно было выйти на долину, да и пожар шел больше внизу по валежнику.

Через год-два мне пришлось видеть и остатки выжженных аулов. Один из них находился в том месте, где мы основали наш хутор.

Сколько горцев погибло за это время от всяких лишений, голода, холода и болезней – это известно одному Господу. Подсчитывать трупы по лесам и всяким трущобам было и некому, да и невозможно. Даже на берегу, где горцы находились уже под нашим надзором, массы умирающих закапывали поспешно и без внимательного подсчета. Думали только о том, чтобы трупы тифозных не распространили заразы.

Отец показывал мне впоследствии места, где их зарывали (по ту сторону бухты), говорил, что трупы засыпались негашеной известью, что их было множество, но точного числа никому не называл. Не попадалось мне данных по этому предмету и в литературе.

Отдельные отрывочные известия говорят, что в Турции в разных местах скопления эмигрантов, например пятидесяти тысяч их, умирало человек по двести в день.

Не знаю, было ли лучше у нас. Переселяющиеся в Турцию погружались по всему Черноморскому побережью, но главным пунктом выселения был Новороссийск.

Из пятисот тысяч эмигрантов, насчитываемых официальной статистикой, через Новороссийск прошло сто тысяч.

Нужно заметить, что некоторое число горцев успели все-таки скрыться в совершенно недоступных горных трущобах. Их, конечно, было немного, однако время от времени в наших местах там и сям попадался какой-нибудь черкес, озирющийся как дикий зверь и прошмыгивающий через лесную поляну в чащу. Я знаю один случай, когда казаки наткнулись, уже много лет спустя, на целый табор черкесов и атаковали их, причем один казак был убит (или ранен, не помню), а черкесы разбежались.

В 80-х годах несколько сот горцев, прятавшихся двадцать лет, спустились к морю и основали два аула – один Песушко, а другой не помню. Их не тронули и позволили жить спокойно.

В Новороссийске горцы постоянно скапливались по десять-двадцать тысяч: одни приходили, другие уезжали, но огромные таборы стояли постоянно.

Это были почти сплошь грязные оборванцы, напоминавшие цыган, с той разницей, что имели истощенный вид. Среди них было множество больных. В глаза бросалось огромное количество сирот. Жили черкесы отчасти близ самого укрепления, в развалинах старого Новороссийска, отчасти на болотном берегу Цемеса,

отчасти по ту сторону бухты. Наиболее удобным для них помещением были развалины серебряковского дома, в котором половина стен еще стояла твердо.

Тут постоянно ютилось множество черкесов почти под открытым небом, но в защите от ветра. В других местах было хуже. Там они сооружали из жердей жалкие шалаши, покрытые чем придется. Многие жили на тех же арбах, на которых приехали. Надолго никто не рассчитывал устраиваться, все мечтали не нынче завтра погрузиться на пароход или кочерму.

В ожидании главное их занятие составляла распродажа своего скота и домашнего скарба – ковров, посуды, сундуков, платья и т.д. Все это они приносили и пригоняли на сатовку, которая постоянно была очень оживленна. Новороссийские жители ходили также и в таборы высматривать и покупать, что понравится. Распродажа шла в высшей степени дешево, да и, правду сказать, товар был таков, что дорого не за что было и платить.

Лошади попадались очень хорошие, но главным образом для верховой езды. Вещей же хороших почти не было, все больше деревянные, вроде низких столиков с углубленной тарелкообразной доской, на которой черкесы месят тесто для своих лепешек. Фаянсовой восточной посуды было мало. Чаще попадались медные кувшины, железные котелки и т.п.

Изредка попадались хорошие кинжалы. Черкесские скамеечки – очень низенькие, сундуки плохой работы, ковры тоже плохие. Вообще, товар весьма второго и третьего сорта, и в довершение черкесы, копя деньги для Турции, не принимали бумажек, а только серебро. Золота тогда не было и у самих новороссийцев.

Болезни и голод у черкесов так бросались в глаза жителям города, что многие стали носить им пищу и разное платье, чтобы сколько-нибудь защитить женщин и детей от холода. Моя мама, вообще очень жалостливая, едва ли не первая выступила с помощью оборванным полуголодным черкешенкам и их детям.

Многие новороссийские дамы делали то же самое и наконец соединились для этого в благотворительное общество, хотя без всякого формализма, без всякого устава. Посещая таборы, они замечали огромное количество осиротевших детей, родители которых умерли или неизвестно где затерялись. Этих сирот многие стали брать себе.

Говорят, и простые казаки, при всей своей суровости, бывали тронуты жалкой участью заброшенных детей и также принимали их в свои семьи.

Относительно казачьих приемышей мне не пришлось лично ничего наблюдать. Но в новороссийском обществе я видел их несколько. Жизнь одного из них сложилась так, как он не мог бы и мечтать в своих горах. Его принял к себе доктор и винодел Михаил Федотович Пенчул. Он окрестил своего приемыша, дал ему свою фамилию, отправил на свой хутор и приучил по хозяйству.

Мальчик этот, Сергей, оказался умен и очень хорошего нрава. Когда он подрос, Михаил Федотович отправил его в Магарачское училище виноделия (в Крыму), и по окончании курса Сергей стал помощником своего крестного отца на винограднике, а через несколько времени старый Пенчул дал ему возможность завести и свой виноградник тут же рядом, в той же долине Сус-Хабля.

Впоследствии Сергей Михайлович Пенчул женился, завел в городе Новороссийске торговлю, был выбираем на общественные должности и стал наконец новороссийским городским головой. Он был почти богач и пользовался общим уважением. Между прочим, Сергей Пенчул был, да, конечно, и теперь остался, искренне и глубоко религиозным христианином.

Взяли к себе одного черкесенка и Рудковские. Мальчишка был так себе, ни особенно хорош, ни особенно плох, и, по всей вероятности, вышел обычным новороссийским мещанином.

Моя мама приняла к себе двух черкесских сирот – девочку Кафезу и мальчика Бжиза. Обоих она, конечно, крестила. Кафеза, когда подросла, сложилась в чрезвычайно красивую девушку. Кроткая, скромная, покорная, она впоследствии

вышла замуж за одного поселившегося в Новороссийске солдата, и, насколько помнится, ее скромная доля сложилась счастливо.

Но Бжиз, Алексей, как называли его при крещении, оказался совершенно невозможной личностью. Когда его взяли к нам, он был уже не маленький, лет четырнадцать. Злой, упрямый, он презирал труд, не чувствовал никакой благодарности к людям, спасшим его от голодной смерти, напротив, он стыдился, что его заставляют работать, и относился к моему отцу и матери с какой-то враждебностью.

Его идеалом было выйти в офицеры, и по своей неразвитости он не мог понять, какую тяжелую школу науки и дисциплины ему бы потребовалось для этого пройти. Он был вдобавок и совсем неумен, хотя по-русски выучился хорошо говорить. Вечно угрюмый и озлобленный, он внушал невольный страх, и держать его в семье было очень тяжело. Кончилось дело тем, что он обокрал нас, попал в тюрьму и затем исчез с нашего горизонта. Никто не знал, что с ним случилось.

Признаюсь, мне трудно судить и об Алексее. Он никому не открывал своей души. Может быть, он ненавидел русских вообще, как губителей своей родины, и был бы в своей среде гораздо лучше, чем среди русских. Во всяком случае, это была натура дикая. Сама наружность его выражала это: ястребиный, изогнутый нос, пронзительные глаза, лицо с выражением хищной птицы. Если бы он остался в горах, то, вероятно, вышел бы абреком и на этой почве мог бы даже прославиться между своими земляками.

А ненавидеть русских черкесы, конечно, имеют полное право. Таких истреблений целого народа, как на Западном Кавказе, история назовет немного.

Трудно сказать, как велико было все число горцев от Черного моря до Лабы, но думаю, что его должно считать до миллиона. Из них только сто тысяч уцелели у нас, переселившись на плоскость.

Свыше пятисот тысяч ушли в Турцию, причем огромное количество их перемерло на судах и в самой Турции.

Погибших – во время изгнания, у нас в боях, от голода, болезней и лишений, еще не достигши берега и на берегу, в ожидании погрузки, – я думаю, было во всяком случае несколько сот тысяч...

Таким образом, огромный, богатый, чарующий красотой край был радикально «очищен» от населения, жившего там в течение тысячелетий ...

Горцы не могли не чувствовать к нам жгучей ненависти, и, погружаясь на суда, огромные толпы их пели какие-то гимны, в которых проклинали русских и заклинали покидаемую родную землю не давать им урожая и никаких плодов.

Но великая человеческая трагедия совершилась, а равнодушная природа продолжала сиять своей вечной красою для русских, как прежде сияла для черкесов, не ведая ни жалости, ни гнева».

L.A. Tihomirov

ABOUT «EXILE OF CIRCASSIANS»

Here is a part of memories of Lev Alexandrovich Tihomirov (1852–1923), an outstanding Russian investigator of the circassian accident. His extremely important intellectual heritage was available because of the works of the modern historians – firstly M. B. Smolin.

Memories of L.A. Tihomirov represent a double value. First of all as an evidence of a human who was born in 1852 in Gelendzhik and saw the tragedy his own eyes. Secondly as a qualified analysis and unbiased assessment of events that cause heated debate. Using formula «exile of circassians» L. Tihomirov was first in Russian historic science who raised the question of genocide of circassian people during the war in the Caucasus.

РЕЦЕНЗИИ

Х-М.А. Сабанчиев

**НОВОЕ В ИССЛЕДОВАНИИ
ПРИЧИН И УСЛОВИЙ ФОРМИРОВАНИЯ
КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОЙ ДИАСПОРЫ**

Рецензия на монографию д.и.н. А.И. Тегуева «Зарубежная диаспора карачаевцев и балкарцев: история и современность». – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2016. 19 с. + вкл.

В результате сложных, порой трагических событий в истории России миллионы наших соотечественников были вынуждены покинуть родную землю и обрести вторую родину во многих странах мира. Эта трагедия не обошла стороной и народы северокавказского региона, в том числе десятков тысяч карачаевцев и балкарцев, проживающих в Турции, Сирии, странах Западной Европы, США, Киргизии, Казахстане и других странах ближнего зарубежья. Демократические преобразования в России в 90-е годы XX века создали благоприятные условия для взаимодействия с соотечественниками за рубежом.

Актуальность изучения процессов формирования и развития российской диаспоры в различных странах, восстановления связей с соотечественниками являются значимой не только в научном плане, но и востребована в прикладных целях – в разработке задач политического, дипломатического, культурного характера. В то же время для истории российской эмиграции, как и эмиграции вообще, присущ целый ряд черт, анализ и обобщение которых могут способствовать углублению как конкретно-исторического, так и теоретико-познавательного изучения таких процессов, как диалог культур, проблема соотношения традиций и новаций в истории культуры, история повседневности, рабочая или интеллектуальная история.

Данная проблема имеет большое научно-практическое значение для многонационального Северо-Кавказского региона и, в частности, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии, для налаживания экономического и культурного сотрудничества со странами, где проживают представители карачаево-балкарской диаспоры.

Монография состоит из введения, трех глав и заключения. Во введении анализируются источники и литература по теме исследования.

В первой главе «Формирование карачаево-балкарской диаспоры в странах дальнего зарубежья во второй половине XIX – 60-е годы XX в.» анализируется политика Российской империи в отношении «инородцев», социально-политические факторы переселения части карачаевцев и балкарцев в Османскую империю, а также повседневная жизнь карачаево-балкарской диаспоры. Анализ обширного архивного и опубликованного материала по указанной проблеме позволил автору выявить три этапа в истории формирования карачаево-балкарской зарубежной диаспоры.

Первый этап – добровольное и вынужденное переселение части карачаевцев и балкарцев в страны Ближнего Востока (вторая половина XIX – начало XX в.). В монографии правильно отмечается, что основными причинами переселения большей части народов Северного Кавказа в Османскую империю являются колониальная политика царизма, а также влияние Порты на Кавказ. Следует признать,

что влияние ислама и антирусская пропаганда, бесспорно, сыграли основную роль, однако причины переселения не ограничивались ими, а имели более глубокие, социально-экономические и политические корни. Существенными причинами добровольного и вынужденного переселения части карачаевцев и балкарцев, по мнению автора, были как нерешенность социально-экономических проблем, малоземелье крестьян, так и боязнь потери собственности и привилегий дворянами и князьями. Однако, главным для подавляющего большинства мухаджиров являлся религиозный фактор, желание поселиться на «мусульманской земле», поближе к святыням ислама, перейти в подданство Османского султана, который был халифом всех правоверных.

Второй этап формирования карачаево-балкарской зарубежной диаспоры в странах дальнего зарубежья, подчеркивает автор, связан с принудительными миграциями в начале XX века. Установление советской власти в центре (октябрь 1917 года) и позже в регионах привело к Гражданской войне, которая продолжалась более трех лет. Она охватила и Северный Кавказ, включая территорию Кабарды, Балкарии и Карачая. Общее количество вынужденно эмигрировавших в Турцию и Палестину балкарцев (князей и дворян) по состоянию на март 1924 года составляло 76 человек, а карачаевцев – 160. Подавляющее большинство из них участвовало в вооруженных выступлениях «белого» движения и эмигрировало из боязни быть привлеченными к ответственности.

Кроме того, в период освобождения в 1943 году Кабардино-Балкарии и Карачаевской автономной области от немецко-фашистских оккупантов вместе с ними бежали лица, сотрудничавшие с оккупантами, а также насильственно была депортирована из республики некоторая часть населения. В рецензируемой монографии установлено, что количество эмигрантов этой волны составляет 600 карачаевцев и 372 балкарца. В большинстве своем они, а также группа карачаевцев и балкарцев, находившихся в немецком плену, были выданы английскому и советскому военным командованиям. Все они были насильственно репатриированы в СССР, где подверглись репрессиям. Избежавшие выдачи 300–350 человек около двух лет находились в Европе в статусе беженцев, после чего эмигрировали за границу – большая часть в Турцию, а также в Австралию, Египет и небольшие группы остались в Германии.

Карачаево-балкарская община в Европе немногочисленна, она насчитывала в 60-е годы XX в. около трех тысяч человек и являлась составной частью турецкой общины. Основу ее составляли жители Германии (около двух тысяч человек), небольшие общины в тысячи человек имелись также в Голландии, Бельгии, Италии.

Складывание карачаево-балкарской диаспоры в Соединенных Штатах Америки относится ко второй половине XX века. Именно с 50-х гг. XX века начинается активное переселение карачаево-балкарцев из Турции в европейские страны, Америку и Австралию. В Соединенные Штаты переселялись как потомки мухаджиров (переселенцев конца XIX – начала XX в.), так и представители второй (1920-е гг.) и третьей (1943 г.) волн эмиграции.

Тяжелые испытания обрушились на многих эмигрантов с первых дней за рубежом. Ситуация потребовала от них приспособления к новой социально-экономической, политической и этнокультурной реальности. Главной для всех карачаево-балкарских эмигрантов из России была проблема выживания и социальной адаптации. Автору по-новому удалось исследовать повседневную жизнь диаспоры в Турции во второй половине XIX – 60-е годы XX в. Несмотря на все испытания и лишения в новых условиях, всех карачаево-балкарских эмигрантов объединила единая вера и следование традициям и обычаям своего народа. В первой половине XX века хозяйствование карачаево-балкарской диаспоры в Турции продолжало быть связанным с общинным укладом деревенской жизни, натурально-трудоустройством, имеющей семейно-воспроизводственную природу. Разводили главным образом крупный

рогатый скот, а также овец и коз. Старшее поколение бережно сохраняло и старалось передать молодежи народные традиции, обычаи и обряды.

В 1950 году в Турции была проведена земельная реформа, по которой земельные наделы крестьян были увеличены и выделены ссуды для покупки сельскохозяйственных машин. Из прилегающих земель каждому юноше, достигшему 18 лет, выделялось по 20 га. В связи с этим во второй половине XX века в структуре хозяйствования карачаевцев и балкарцев приоритетным стало земледелие. Выращивали в основном пшеницу, ячмень, рожь, а также для домашних нужд – овощи и фрукты. Расширившиеся наделы пашни позволили карачаевцам и балкарцам шире использовать современную сельскохозяйственную технику. Скотоводством продолжают заниматься в основном в селах, расположенных в горной местности. Произошли изменения и в социальной сфере: стали функционировать начальные школы (3 класса); в отдельных селах Яглыпынар, Башхюйюк за счет средств переселенцев были построены клубы (той юй); проведена электрификация населенных пунктов и стали использовать бытовую технику; в домах для приготовления пищи стали использовать сжиженный газ в баллонах. Важную роль в сохранении и развитии национальной культуры имели семья, интеллигенция, а также общественные объединения, которые были созданы в 50-е годы XX в.

Во второй главе «Формирование диаспор карачаевцев и балкарцев в странах постсоветской Центральной Азии (1920–1990 гг.)» исследуется третий этап формирования диаспор в странах ближнего зарубежья, который связан с политическими репрессиями в 20–30-е годы XX века и депортацией карачаевцев и балкарцев в первой половине 40-х годов XX века. Всего, по неполным данным в монографии указывается, что в 20–30 годы XX века общая численность выселенных на спецпоселение в союзные республики Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана составила 877 карачаевцев и 508 балкарцев, в том числе и «раскулаченные» со стандартной формулировкой за «антисоветскую деятельность».

Затем, в первой половине 40-х годов XX века, карачаевский и балкарский народы по ложному обвинению в «пособничестве оккупантам» и «бандитизм» были депортированы в основном в Казахскую и Киргизскую ССР. Особое внимание уделяется вопросам повседневной жизни и стратегии выживания спецпоселенцев в 40–50-е годы XX века. Автор отмечает, что новых местах жительства репрессированные народы, в том числе карачаевцы и балкарцы, в силу тяжелых условий жизни и дисперсного расселения на огромной территории объективно были под угрозой исчезновения как этносы. Попытка тоталитарного режима рассеять и ассимилировать народ привела в действие защитный механизм самосохранения этносов.

А.И. Тетуев, используя широкий круг архивных и полевых материалов, раскрывает повседневную жизнь и стратегию выживания спецпоселенцев в 40–50-е годы XX в. Практически все депортированные контингенты проявили выдающиеся акклиматизационные способности сумели приспособиться к новым условиям жизни, найти или создать для себя определенную экономическую нишу, вопреки статусной дискриминации. Анализ документов позволил автору сделать вывод – вера в торжество справедливости, мобилизация традиционной этнической системы ценностей – трудолюбия, жизнестойкости, обостренного чувства собственного достоинства, чувства национального единства балкарцев и карачаевцев обусловили сохранность этноса и его этнокультурную целостность.

После восстановления государственности балкарского и карачаевского народов в 1957–1959 годы они возвратились на историческую родину. Вместе с тем в монографии указывается, что, по итогам Всесоюзной переписи 1989 года, накануне распада Союза ССР, по разным причинам около 5,1 % от общей численности в СССР балкарцев и карачаевцев остались жить за пределами РСФСР. По подсчетам автора в странах Центральной Азии, проживали 5693 балкарца, что

составляло 84 % от общей численности, проживающих за пределами РСФСР, и 5144 – соответственно карачаевцев (92 %). В основном они проживали в Казахстане и Кыргызстане.

С распадом СССР в 1991 г. и образованием независимых стран эти «внутренние диаспоры» неожиданно приобрели официальный международный статус. К сожалению, для большинства населения прежнего СССР он обернулся глубоким экономическим кризисом и болезненным процессом социальной демодернизации.

В монографии отмечается, что по итогам национальной переписи населения 2009 года в Казахстане и Кыргызстане карачаево-балкарская диаспора составляет 5826 человек, в том числе балкарцев – 3100 человек, карачаевцев – 2726. Численность карачаево-балкарской диаспоры в Узбекистане по выданным биометрическим паспортам по состоянию на 01.12.2014 г. составляет 258 человек.

В третьей главе «Карачаево-балкарская зарубежная диаспора в конце XX – начале XXI вв.» анализируется современный этап развития диаспоры карачаевцев и балкарцев в странах дальнего и ближнего зарубежья. Исследуются основные проблемы социально-экономического и культурного развития карачаево-балкарских общин, трансформирование национального самосознания, механизмы сохранения этнической культуры, роль и значение в этом процессе интеллигенции, общественных объединений и средств массовой информации и социальных сетей.

Рост городского населения создал для диаспоры оптимальные условия для получения молодежью не только среднего, но и высшего профессионального образования. В последние годы большая часть молодежи карачаево-балкарской диаспоры имеет среднее и высшее профессиональное образование. Карачаево-балкарская диаспора занята в различных сферах экономики, культуры, науки, образования. Среди карачаево-балкарской зарубежной диаспоры немало талантливых политиков, ученых, архитекторов, инженеров, бизнесменов, военных.

Для сохранения этнической культуры и традиций карачаевцев и балкарцев в условиях продолжающегося процесса ассимиляции большую роль оказывали национально-культурные объединения, средства массовой информации, организованные в начале 1990-х годов в среде карачаево-балкарской диаспоры. Были созданы несколько десятков печатных изданий, каждое из которых внесло свой вклад в дело национального возрождения.

Вместе с тем, наметившаяся в начале XXI века тенденция к сокращению традиционных СМИ, коснулась и печатных изданий карачаево-балкарской диаспоры за рубежом. Их сокращение, а также развитие глобальной информационной сети Интернет обусловило активное обращение карачаево-балкарской диаспоры к социальным сетям, использование его для защиты от ассимиляции, для сохранения своего языка, культуры и религии.

В монографии обобщен опыт работы государственных органов власти Кабардино-Балкарской Республики и Карачаево-Черкесской Республики по укреплению и развитию культурных связей с соотечественниками, проживающими за рубежом. Изучение процесса формирования, развития и современной жизни карачаево-балкарской зарубежной диаспоры автору позволило определить основные ее тенденции и особенности.

В заключении подведены итоги исследования. Автор отмечает, что карачаево-балкарская зарубежная диаспора в основном сохранила этническое самосознание, культуру, многие обычаи. Вместе с тем, в связи с переселением во второй половине XX в. основной части соотечественников в города, ассимиляционные процессы стали усиливаться. Возрос удельный вес межнациональных браков, происходит трансформация культуры в целом. В условиях дисперсного проживания основная часть молодежи не владеет родным языком. С учетом этого факта автор считает, что государственным органам власти, общественным объединениям необходимо активизировать и углублять связи и сотрудничество с зарубежной диаспорой. При

этом особо отмечается, что укрепление связей с зарубежной диаспорой – это двуединый процесс, в котором одинаково заинтересованы как представители диаспор, так и их соотечественники, живущие на своей исконной Родине. Чувство Родины, привязанности к родной земле – то общее начало, которое объединяет их. А через такие связи этнических общностей укрепляются и связи между другими народами и государствами. Изучен процесс создания национально-культурных объединений и их вклад в дело сохранения этнической идентичности карачаевцев и балкарцев.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые в отечественном кавказоведении на основе введения в научный оборот новых источников комплексно исследуется формирование и развитие карачаево-балкарской диаспоры в странах дальнего и ближнего зарубежья во взаимосвязи с проблемами ее социальной адаптации, интеграции в жизнь государств при сохранении этнокультурных особенностей.

Для решения национальных проблем и эффективного управления этнополитическими процессами чрезвычайно важно понимание прошлого в его современном контексте и с учетом перспектив будущего. В этой связи комплексное исследование имеет большое научно-практическое значение для многонационального Северо-Кавказского региона и, в частности, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии, для налаживания экономического и культурного сотрудничества со странами, где проживают представители карачаево-балкарской диаспоры.

Изучение истории возникновения и развития зарубежной диаспоры карачаевцев и балкарцев окажет содействие:

- расширению сотрудничества зарубежных общественных объединений и соотечественников с республиками Северного Кавказа в сфере образования, науки, культуры и экономики;
- добровольной интеграции в политическую, социальную и экономическую жизнь государств, адаптации к местной культуре при сохранении собственной культурной самобытности;
- взаимодействие и трансляция культур с целью взаимообогащения и этнокультурного развития.

Работа выдержана в научном стиле, выводы, приведенные в ней, подтверждены новыми материалами и источниками. Научные результаты, полученные исследователем достоверны, подкреплены данными научного сообщества.

В целом монографию отличает профессионализм, знание предмета исследования, она написана ясно и доступно, актуальна и значима. Бесспорно, как и любое исследование, рецензируемая монография не свободна от некоторых недостатков. Пожалуй, главным из них является некоторые повторы (стр. 140,144). Однако, указанное замечание, не меняет главного: труд А.И. Тегуева представляет собой подлинно новаторское сочинение. Оно дает возможность по новому взглянуть на известные проблемы, содержит множество концептуально важных положений, позволяющих лучше понять историю и состояние карачево-балкарской зарубежной диаспоры на современном этапе.

Х.Х. Малкондуев

КНИГА, ЗАСЛУЖИВАЮЩАЯ УВАЖЕНИЯ

Рецензия на монографию Гергоковой (Этезовой) Л.С. «Язык карачаево-балкарского героического эпоса «Нарты»». – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. 140 с.

В 2015 г. в КБИГИ издано монографическое исследование к.ф.н. Л.С. Гергоковой (Этезовой) «Язык карачаево-балкарского героического эпоса «Нарты»»¹.

Л.С. Гергокова впервые обращается в отечественной лингвистике изучению широкого аспекта языка и стиля карачаево-балкарского нартского эпоса: лексики, фразеологии, морфологических и синтаксических его особенностей, а так же круга вопросов, связанных с каноническими, художественными формулами, образующими стилистическое своеобразие памятника, как национального феномена.

Отдавая должное своим предшественникам А.И. Караевой², А.З. Холаеву³, Т.М. Хадживой⁴ и др., внесшим много положительного в изучение богатырского эпоса, вполне справедлива она в своих суждениях: «Ими предприняты успешные попытки в плане интерпретации его поэтики, что проведено в русле достижений отечественной филологии. Однако на нынешний день остается еще много нерешенных вопросов, связанных с выявлением и отображением лингвистических аспектов данного памятника»⁵.

Книга состоит из трех глав, содержание которых всецело посвящено научно-теоретическому анализу поставленной проблемы. В первой главе «Своеобразие лексики и фразеологии карачаево-балкарского героического эпоса «Нарты»», рассматривая речь как знаковую систему в образовании языка, внимание ученого обращено на фонетические черты, морфологические формы, синтаксические обороты и лексические средства изучаемого материала.

Давая краткий анализ степени изученности истории языка эпических памятников тюркских народов, справедливо подчеркиваются исключительные заслуги в этом деле академика В.В. Радлова и его исследование «Образцы народной литературы тюркских племен». Под термином «народная литература» здесь следует, конечно, понимать устные эпические памятники, которыми весьма был богат тюркоязычный этнос.

В разделе «Лексические особенности» автором рассматривается маркированный коррелятивный (положительный) ряд слов и выражений свойственных и письменной речи изучаемого памятника. Так, исследуя особенности просторечия как стилистического средства литературного языка, автором приводится много интересных примеров из контекста карачаево-балкарского богатырского эпоса, обращается должное внимание на архаизмы в исследуемом материале, где подчеркивается, что «Многие топонимические названия в карачаево-балкарском нартском эпосе носят печать глубокой древности и могут служить ценным источником при изучении истории народа. Например, топонимы: Каф тау, Кырк тау, Кала тау, Канчиял, Кесе тау, Куб, Буз суу, Элхур, Тарык, Налмаз тау, Наксут-Дорбун и др.»⁶. А так же от некоторых архаизмов веет глубокой стариной, благодаря вышедшим из употребления мифологизмам: Тейри, Уммай, Долай и т.д.

Вполне убедительно рассматриваются лексико-стилистические и лексико-фонетические архаизмы в изучаемых текстах, представляющие устаревшую звуковую оболочку слова карачаево-балкарского языка, что подтверждается конкретными примерами из текста и контекста изучаемого памятника.

Беспорный интерес представляет и рассуждение ученого о заимствованных лексических группах из арабского и персидского языков, которые по смысловесущим признакам делятся на религиозные, бытовые, археографические (о пороках) и антропонимические. Подчеркивается, что особо богат карачаево-балкарский богатырский эпос заимствованиями из древнеаланского (дигорского) субэтнического ответвления современных осетин.

Касаясь фразеологических особенностей исследуемого материала, подчеркивается, что в этом вопросе определенного успеха достигли карачаево-балкарские ученые З.К. Жарашуева, С.К. Башиева, Ж.М. Гузеев, С.М. Хуболов и др. Однако язык народного эпоса особый, архаичный и своеобразный, требующий специального исследования, где широкое распространение получили пословицы, поговорки, крылатые выражения, сравнительные обороты и иносказательные конструкции, а потому фольклорные фразеологизмы в книге делятся на поэтические, прозаические и общие паремиологические, которые выполняют в контексте рассматриваемого материала функции образной идиоматической комбинации.

Более сложным в научном плане представляется вторая глава «Особенности грамматики карачаево-балкарского героического эпоса «Нарты», где предметом исследования послужил ряд архаических мотивов изучаемого памятника. «Нартский эпос отличается не только консервацией в его языке грамматических черт, утраченных территориальными диалектами, но и чрезвычайным своеобразием ряда морфологических и синтаксических признаков. Однако грамматические особенности языка эпоса остаются наддиалектными в том смысле, что они не ограничены, как правило, рамками одного территориального диалекта» – подчеркивает Л.С. Гергокова (Этезова)⁷. Как видно из суждения эти мысли ученого затрагивают саму историю карачаево-балкарского языка, которая до настоящего времени остается неисследованной.

Касаясь отличий грамматических вариантов от других вариантов слов, ею делаются вполне обоснованные выводы, что этому способствует грамматическая системность, регулярная видоизменяемость, функциональная эквивалентность грамматического значения в пределах сравниваемых текстов и однородность сопоставляемых структур.

Специальное место в книге отводится морфологической и синтаксической структуре исследуемого памятника, где на большом, научно-достоверном материале изучается обширный круг проблем особенностей языка эпоса «Нарты». «Синтаксис эпоса отличается строгой простотой, композиционным совершенством разнообразных конструкций, четким выделением смыслового ядра предложений и зависимых компонентов. Впечатление о громоздкости синтаксической структуры предложений создается в основном за счет их внушительных размеров. Однако при необычайной протяженности они легко расчленимы на части, а в грамматическом и синтаксическом отношении абсолютно ясны», – делает выводы ученый⁸.

Более интересной с позиции исследований фольклорных текстов представляется третья глава «Стилистические особенности карачаево-балкарского героического эпоса «Нарты», где предметом анализа служит ряд формул и мотивов, образующих художественно-детерминантные константы, способствующих формированию логической композиционной структуры как конкретного произведения, так и всего эпического памятника.

Подчеркивается, что эпос вобрал в себе элементы магии, мифа и до некоторой степени сказки, что объясняется присутствием в нем эвфемизмов и табуированных конструкций, выражающихся терминами «жаз тил» – тайный язык, «уучу тил» – охотничий язык, «желечи тил» – язык сватовства и др., которые строятся на определительных формулах.

Автор книги кратко касается и теоретических проблем функциональной стилистики, из которой получает ответвление экспрессивная стилистика, что хорошо разработана в трудах кавказоведа М.М. Халикова.

Глава состоит из трех разделов «Традиционные формулы», «Повторы», «Функции изобразительно-выразительных средств в структуре языка карачаево-балкарского героического эпоса «Нарты», посвященных стилистической функции художественно-изобразительных средств, формулирующей сюжетно-композиционную особенность эпического текста: прямую речь, повторы, эпитеты, сравнения, метафору, гиперболу и т.д.

Выделение традиционных формул как устойчивых знаковых систем в формировании эпического памятника, мы назвали бы делом не простым. В свое время на это обратила внимание к.ф.н. Т.М. Хаджиева, которая вывела пять структурно-комбинированных элементов типических формул, особо подчеркивая при этом роль эпитета⁹, чему отдается должная оценка Л.С. Гергоковой (Этезовой).

Удачно вписываются в исследование термины, выраженные прямой речью: «формулы-приветствия нартов», «формулы-обращения», «формулы вызова на бой», «формулы гнева», «формулы-проклятия» и т.д.

Повтор, как элемент композиции и синтаксическая фигура в эпических памятниках всего мира, играет существенную роль в формировании и сложении текста. В карачаево-балкарском же эпосе, как показало данное исследование, наиболее типичны следующие виды повторов: простой повтор, когда повторяется одно и то же слово и анафорический (весьма характерный для древнейших эпических тюркских памятников), который по своей структуре делится на фонетическую, лексическую и синтаксическую разновидность. Ученым приводится из контекста рассматриваемого материала ряд интересных примеров, где данная формула играет существенную роль в воспевании нартских богатырей.

Изобразительно-выразительные средства в эпосе формируются тысячелетиями, откладываясь в подсознании сказителя как генетический код, передающий рост эстетического мышления этноса от поколения в поколение, чему посвящается в монографии немало страниц.

Основное внимание ученого отводится анализу таких иносказательных систем, как сравнение, метафора, метонимия, эпитет, гипербола и художественно-предметный мир. Исходя из конкретного контекста, подробно изучаются виды и формы эпитета и метафоры, которые играют основную роль в формировании определительных конструкций эпического памятника. Следует заметить как положительное явление в нартоведении – выделение языковой устной метафоры от индивидуальной (в речи героя), хотя и это здесь играет незначительную роль, но в зависимости от формы повествования и контекста может носить экспрессивный характер.

Характеризуя своеобразие образно-изобразительной системы карачаево-балкарского эпоса, подчеркивается, что каждый из ведущих персонажей памятника наделяется характеризующими его константами-формулами, где подчеркивается божественное происхождение Дебета, мужество и решительность Ёрюзмека, неуязвимость Сосрука, мудрость и чародейство Сатанай и т.д.

Монографию Л.С. Гергоковой (Этезовой) мы бы назвали положительным явлением в изучении кавказской нартиады и ценным трудом в исследовании карачаево-балкарского эпического памятника «Нарты».

Примечания

1. Гергокова (Этезова) Л.С. Язык карачаево-балкарского героического эпоса «Нарты». Нальчик, 2015. 140 с.
2. Караева А.И. О фольклорном наследии карачаево-балкарского народа. Черкесск, 1961. 79 с.
3. Холаев А.З. Карачаево-балкарский нартский эпос. Исследование карачаево-балкарских нартских сказаний. Нальчик, 1974. 143 с.

4. *Хаджиева Т.М.* Поэтика балкаро-карачаевского нартского эпоса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1980. 18 с.
5. *Гергокова (Этезова) Л.С.* Указ. соч. С. 8.
6. Там же. С. 32.
7. Там же. С. 51.
8. Там же. С. 65.
9. *Хаджиева Т.М.* Нартский эпос балкарцев и карачаевцев // Нартла. Къарачайлыланы бла малкъарлыланы жигитлик эпослары (Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев). М., 1994. С. 56.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Фоменко Владимир Александрович, к.и.н., доцент, старший научный сотрудник сектора древней истории и археологии ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. 8 (8662) 42-42-74

E-mail: kbigi@mail.ru

Бгажноков Барасби Хачимович, д.и.н., зав. сектором древней истории и археологии ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. 8 (8662) 42-19-26

E-mail: kbigi@mail.ru

Кармов Амерби Хазретович, к.и.н., старший научный сотрудник сектора новейшей истории ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. +7-928-078-68-98

E-mail: kbigi@mail.ru

Глашева Зулейха Жамботовна, к.и.н., научный сотрудник сектора новейшей истории ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000 г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. +7-928-701-25-27

E-mail: kbigi@mail.ru

Мирзоев Асланбек Султанович, к.и.н., старший научный сотрудник сектора средневековой и новой истории отдела истории ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. 8 (8662) 42-24-53

E-mail: marzeibach@mail.ru

Кумахова Дана Валерьевна, аспирантка ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. +7-918-725-70-85

E-mail: k.dana777@mail.ru

Абазе Ибрагим Азиз

360000, г. Нальчик, ул. Шогенцукова 42, кв. 218

Тел. +7-905-436-70-48

E-mail: iabaze07@mail.ru

Кешева Зарема Мухамедовна, к.и.н., и.о. зав. сектором новейшей истории ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. +7-906-484-96-45

E-mail: kesheva10@gmail.com

Махиева Людмила Хамангериевна, к.ф.н., зам. директора по науке ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел.: 8 (8662) 42-18-68

E-mail: kbigi@mail.ru

Кучмезова Лариса Борисовна, к.ф.н., научный сотрудник отдела карачаево-балкарской филологии ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Тел. 8 (8662) 42-20-54
E-mail: larisakuchmezova@mail.ru

Дзуганова Рита Хабаловна, д.ф.н., ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Тел. 8 (8662) 42-47-72
E-mail: dzug.rita@yandex.ru

Аппоев Алим Каншаевич, к.ф.н., доцент, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарского языка ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Тел. 8 (8662) 42-52-75
E-mail: appoev74@mail.ru

Афаунова Анджела Анатольевна, к.ф.н., младший научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Тел. +7-906-484-50-53
E-mail: martazei@mail.ru

Сабанчиев Хаджи-Мурат Алексеевич, д.и.н., профессор кафедры культурологии, этнологии и истории КБР ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова».

Тел. 8 (8662) 40-11-28
360017 г. Нальчик, ул. Тарчокова, д. 54 «Б», кв. 173
E-mail: kbigi@mail.ru

Малкондуев Хамид Хашимович, д.ф.н., ведущий научный сотрудник сектора карачаево-балкарского фольклора ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Тел. 8 (8662) 42-52-74
E-mail: kbigi@mail.ru

THE AUTHORS OF THIS ISSUE

Fomenko Vladimir Aleksandrovich, Candidate of History, assistant professor, senior researcher of the ancient history and archeology sector of the Federal State Budget Scientific Institution «Kabardian-Balkarian Institute for the Humanities Researches».

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. 8 (8662) 42-42-74
E-mail: kbigi@mail.ru

Bgazhnokov Barasbi Hachimovich, Doctor of History, head sector of the ancient history and archeology of the Federal State Budget Scientific Institution «Kabardian-Balkarian Institute for the Humanities Researches».

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. 8 (8662) 42-19-26
E-mail: kbigi@mail.ru

Karmov Amerbi Khazretovich, Candidate of History, senior researcher of sector Recent History of the Federal State Budget Scientific Institution «Kabardian-Balkarian Institute for the Humanities Researches».

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. +7-928-078-68-98
E-mail: kbigi@mail.ru

Glasheva Zuleiha Zhambotovna, Candidate of History, researcher of sector Recent History of the Federal State Budget Scientific Institution «Kabardian-Balkarian Institute for the Humanities Researches».

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. +7-928-701-25-27
E-mail: kbigi@mail.ru

Mirzoyev Aslanbek Sultanovich, Candidate of History, senior researcher of the medieval and modern history sector of the Federal State Budget Scientific Institution «Kabardian-Balkarian Institute for the Humanities Researches».

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. 8 (8662) 42-24-53
E-mail: marzeibach@mail.ru

Kumahova Dana Valerievna, graduate of the Federal State Budget Scientific Institution «Kabardian-Balkarian Institute for the Humanities Researches».

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. +7-918-725-70-85
E-mail: k.dana777@mail.ru

Abaze Ibrahim Aziz

42 Shogentsukov Street, app. 218
Nalchik 360000
Ph. +7-905-436-70-48
E-mail: iabaze07@mail.ru

Kesheva Zarema Muhamedovna, Candidate of History, acting head sector of the latest history department of the Federal State Budget Scientific Institution «Kabardian-Balkarian Institute for the Humanities Researches».

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. +7-906-484-96-45
E-mail: kesheva10@gmail.com

Mahieva Lyudmila Hamangerievna, Candidate of Philology, the deputy director on science of the Federal State Budget Scientific Institution «Kabardian-Balkarian Institute for the Humanities Researches».

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. 8 (8662) 42-18-68
E-mail: kbigi@mail.ru

Kuchmezova Larisa Borisovna, Candidate of Philology, researcher of the sector of karachay-balkar language of the Federal State Budget Scientific Institution «Kabardian-Balkarian Institute for the Humanities Researches».

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. 8 (8662) 42-20-54
E-mail: larisakuchmezova@mail.ru

Dzuganova Rita Habalovna, Doctor of Philology, leading staff scientist of the Federal State Budget Scientific Institution «Kabardian-Balkarian Institute for the Humanities Researches».

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. 8 (8662) 42-47-75
E-mail: dzug.rita@yandex.ru

Appoev Alim Kanshauovich, Candidate of Philology, associate professor, senior researcher of the karachay-balkarian language sector of the Federal State Budget Scientific Institution «Kabardian-Balkarian Institute for the Humanities Researches».

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. 8 (8662) 42-52-75
E-mail: appoev74@mail.ru

Afaunova Andzhela Anatolyevna, Candidate of Philology, Junior Research Associate Department of Kabardian-Chircassian Language of the Federal State Budget Scientific Institution «Kabardian-Balkarian Institute for the Humanities Researches».

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. +7-906-484-50-53
E-mail: martazei@mail.ru

Sabanchiev Hadji-Murat Alekseevich, Doctor of History, professor of cultural studies, ethnology and history of the CBD of the Federal State Budget Educational Institution of Higher Education Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov.

54 «B» Tarchokova Street, apt. 173
Nalchik 360017
Ph. 8 (8662) 40-11-28
E-mail: kbigi@mail.ru

Malkonduev Hamid Hashimovich, Doctor of Philology, head of karachay-balkarian folklore sector of the Federal State Budget Scientific Institution «Kabardian-Balkarian Institute for the Humanities Researches».

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. 8 (8662) 42-52-74
E-mail: kbigi@mail.ru

Информация для авторов журнала «ВЕСТНИК КБИГИ»

Журнал принимает к рассмотрению работы, которые не публиковались прежде и не находятся в процессе подготовки к публикации в других изданиях.

1. Редакция журнала принимает для публикации статьи по следующим направлениям:

- история;
- филология;
- проблемы развития современного общества;
- культурология.

2. Объем материалов. Рекомендуемый объем для статьи – до 15 с. (с учетом требований п.п. 4 и 5), включая текст, таблицы, примечания, иллюстрации.

3. Статьи должны иметь:

- 3.1. Направление организации, в которой работает автор;
- 3.2. Акт экспертизы;
- 3.3. Справку из отдела аспирантуры (для аспирантов и соискателей);
- 3.4. УДК (индекс статьи по универсальной десятичной классификации);
- 3.5. Фамилию и инициалы автора на русском языке;
- 3.6. Название статьи на русском языке;
- 3.7. Аннотации (не более 7–10 строк) и ключевые слова на русском языке;
- 3.8. Сведения об авторе на русском языке (место работы и должность, ученая степень и звание, контактный телефон, почтовый и электронный адреса);
- 3.9. В конце текста статьи после примечаний приводятся данные (пп. 3.5.–3.8.) на английском языке, в том числе Ф.И.О. автора (авторов) полностью;
- 3.10. Первая страница статьи подписывается автором.

4. Авторы представляют в журнал один распечатанный экземпляр работы и файл (MS Word, формат DOC или RTF). Текст работы должен быть набран в формате бумаги А4 шрифтом Times New Roman 14 через полуторный интервал; страницы должны быть автоматически пронумерованы. При использовании в статье аббревиатур и сокращенных названий необходимо давать их расшифровку в конце статьи после списка примечаний. Иллюстрации должны быть хорошего качества и представлены дополнительно в виде графических файлов (в формате TIFF или JPEG).

5. Примечания помещаются в конце статьи (затекстовая ссылка) и вносятся автоматически; нумерация сквозная, например:

1) Фотометрия и радиометрия оптического излучения. М.: Наука, 2002. Кн. 5. С. 24.

2) Археология: история и перспективы: сб. ст. I межрегиональной конференции. Ярославль, 2003. С. 156.

Нумерация в основном тексте должна полностью соответствовать нумерации и тексту ссылки.

В выходных данных книг следует указывать фамилию и инициалы автора, полное название книги, место издания, издательство, год издания, том или выпуск, общее количество страниц. А в выходных данных статьи – фамилию и инициалы автора, название статьи, название журнала, год издания, том, номер, первую и последнюю страницы статьи.

Внимание: Вся информация на электронном носителе должна полностью соответствовать бумажному и представлять собой окончательный вариант научного труда.

Рукописи и электронные носители авторам не возвращаются.

Решение о публикации или отклонении статей принимается редакционной коллегией.

Подписано в печать 21.09.2016
Усл. печ. л. 9,2

Формат 70x108 ¹/₁₆
Тираж 100 экз.
Цена свободная

Гарнитура Таймс
Заказ № 166

Учредитель: ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований»

Адрес издателя: 360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Отпечатано в Издательском отделе КБИГИ:
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18. Тел. 8 (8662) 42-50-94

Зав. издательским отделом *А.В. Гергокова*
Корректор *З.В. Черкесова*